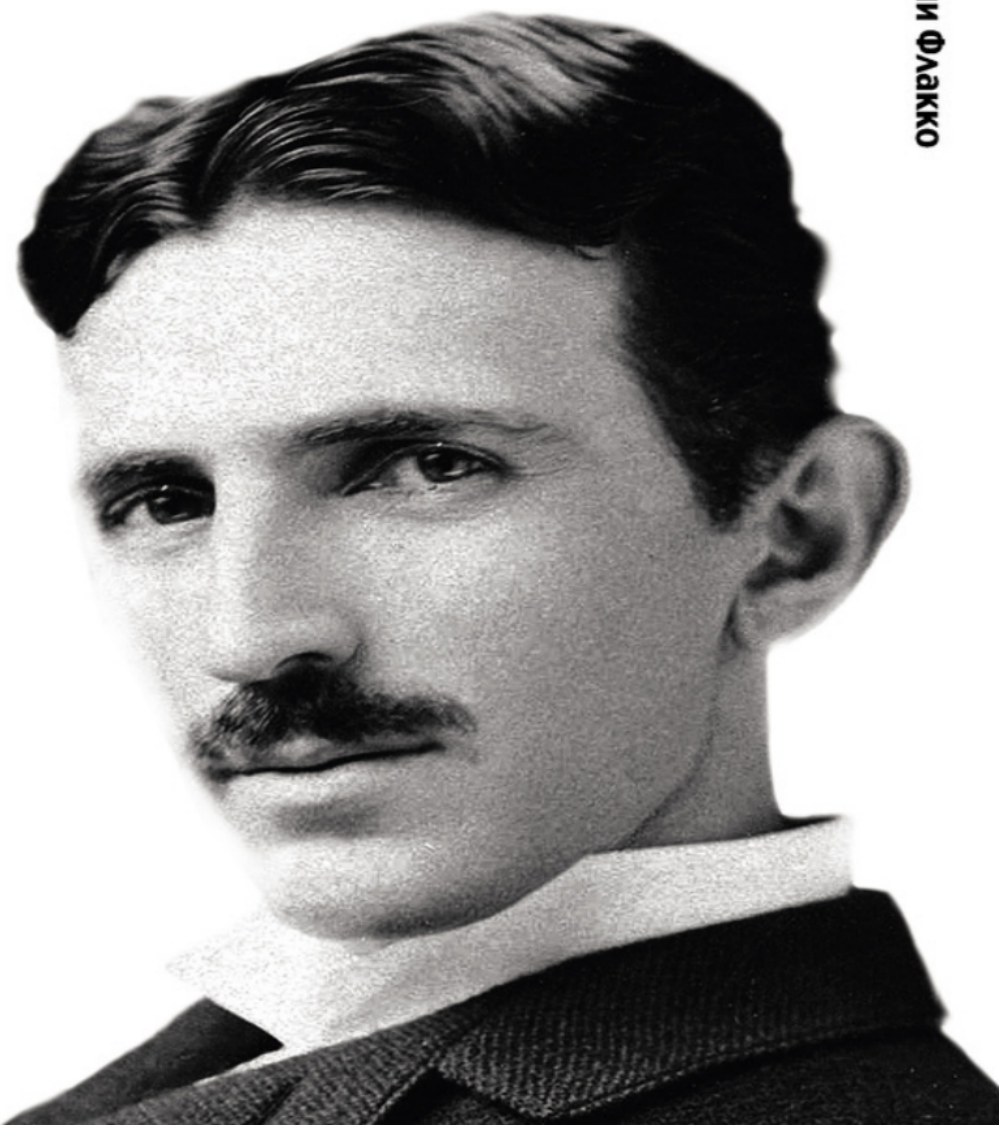
Никола Тесла Безумный гений

Энтони Флакко



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Никола Тесла. Личность человека, припечатанного ярлыком «он гений», теряет объем и правдивость, превращается в параграф из школьного учебника. Его жизнь, какой бы яркой она ни была, оказывается запертой в скучном перечне «Сто самых великих… (нужное подставить) XX века». Но если она становится объектом творческого внимания талантливого писателя — на наших глазах оживает Человек.

Выдающийся физик-изобретатель, победивший Эдисона в столетней «войне токов», параноик и визионер Никола Тесла словно растянут между двумя мирами. Невыносимым повседневным миром, где номер в отеле спокойствия ради должен быть непременно кратен трем, а боязнь микробов доводит до паники, и миром своих изобретений, полным формул, электричества, опасных экспериментов и сложнейших машин. В этом мире Теслу посещает таинственная муза, женщина по имени Карина, чье появление сопровождается вспышками белого света и приносит волну новых озарений. Кто она? Плод воображения, призрак его трагически погибшей возлюбленной, реальное лицо?

Роман «Никола Тесла» по глубине и психологичности сравнивают с произведениями Достоевского, а по напряженности интриги — со шпионскими триллерами Джона Ле Карре…

- Энтони Флакко
  - Глава первая 1895 Мэнло-парк Нью-Джерси
  - Глава вторая 1874. Двадцать один год назад Смилян, Лика, Австро-Венгрия
  - Глава третья Весна 1876-го Техническое училище Грац, Австрия
  - Глава четвертая 1879 Ночной поезд Окрестности Будапешта
  - Глава пятая 1881 Два года спустя Будапешт
  - Глава шестая Год спустя Новая Телефонная компания Будапешт
  - Глава седьмая На следующий день Телефонная компания Будапешт
  - Глава восьмая Две недели спустя Сен-Жермен-де-Пре Париж
  - Глава девятая Осень Париж
  - Глава десятая Десять месяцев спустя Страсбург, город на франко-прусской границе
  - Глава одиннадцатая Несколько месяцев спустя

Компания Эдисона Париж
- Глава двенадцатая Одиннадцать дней спустя Нью-Йорк
- Глава тринадцатая Вечером того же дня Нью-Йорк
- Глава четырнадцатая На следующий день Менло-парк Нью-Джерси
- Глава пятнадцатая Несколько недель спустя Нью-Йорк
- Глава шестнадцатая Вечер следующего дня Отель «Новый Амстердам» Нью-Йорк
- Глава семнадцатая Год спустя Нью-Йорк
- Глава восемнадцатая Тогда же Равей Нью-Джерси
- Глава девятнадцатая Следующим вечером Нью-Йорк
- Глава двадцатая Несколько дней спустя Нью-Йорк
- Глава двадцать первая Зима — лето 1886 Нью-Йорк
- Глава двадцать вторая Декабрь 1887 года Менло-парк Нью-Джерси
- Глава двадцать третья Май 1888 Манхэттен
- Глава двадцать четвертая 16 мая 1888 года Американский электротехнический институт Нью-Йорк
- Глава двадцать пятая Три года спустя Филадельфия
- Глава двадцать шестая Лаборатория на Пятой улице Нью-Йорк
- Глава двадцать седьмая Месяц спустя Сербская провинция Лика
- Глава двадцать восьмая 1895 Обеденный зал отеля на Манхэттене
- Глава двадцать девятая Отель «Герлах» Нью-Йорк
- Глава тридцатая 1889 Нью-Йорк
- Глава тридцать первая 1899 Новая лаборатория Теслы Колорадо-Спрингс
- Глава тридцать вторая Два дня спустя В поезде
- Глава тридцать третья Центральный вокзал Нью-Йорк
- Глава тридцать четвертая Два года спустя Нью-Йорк
- Глава тридцать пятая Тогда же Манхэттен
- Глава тридцать шестая Семь лет спустя Нью-Йорк
- Глава тридцать седьмая 1912 Нью-Йорк
- Глава тридцать восьмая Зима 1915 Бауэри Нью-Йорк
- Глава тридцать девятая Много лет спустя Манхэттен
- Глава сороковая 7 января 1943 года Нью-Йорк

- notes
  - 1

Энтони Флакко
Никола Тесла. Безумный гений

Глава первая 1895 Мэнло-парк Нью-Джерси

Томас Алва Эдисон стоял у окна в пустой лаборатории и вглядывался в безоблачную ночь, стараясь различить вдали зарево от пожара в доме своего соперника. Сняв на несколько мгновений очки, он наспех протер запотевшие стекла и, водрузив их на нос, снова устремил взор в сторону острова Манхэттен. Он сунул горсть медяков принесшему весть о пожаре мальчишке-посыльному и, захлопнув дверь, не медля ни минуты, приник к окну в надежде увидеть отблески пламени.

Студеный предутренний воздух был прозрачным и чистым. Внизу, в двадцати пяти милях отсюда, раскинулся великий город Нью-Йорк, и небо над ним было ясным и чистым. Ничто не затмевало ледяного мерцания созвездий. Эдисон убеждал себя, что огонь уже сделал свое страшное дело. Ведь чтобы спалить дотла пятиэтажный деревянный дом, много времени не требуется, не так ли?

В самом деле. Но надо взять себя в руки: только слабаки и подлецы радуются бедам ближних. И все же если главного соперника и вправду поглотило пламя, год от Рождества Христова тысяча восемьсот девяносто пятый обещает быть весьма интересным. А ведь это еще только начало. Грядет эра очищения.

Он усмехнулся, оценив удачную шутку времени: тринадцатое марта, два дня до начала ид по древнеримскому календарю. Тогда римляне избавились от жестокого тирана Юлия Цезаря. Эдисон знал об этом со всеми подробностями, хоть школу он так и не окончил и даже считал этот факт своей биографии поводом для гордости.

Он снова вперил напряженный взгляд вдаль, тщетно пытаясь различить на горизонте бледное красное свечение или слабые всполохи, и в то же время убеждая себя, что даже если дом еще горит, зарево с такого расстояния ему не увидеть. Пустая трата времени…

Эдисон громко рыгнул. Волнующие новости сродни острой пище. Хорошо бы подольше сохранить в животе эту приятную пряную жгучесть — но демонстрировать ее последствия джентльмену не пристало. Дожив до сорока восьми, изобретатель не раз имел возможность убедиться в том, сколь важны для преуспевающего человека хорошие манеры.

Радоваться несчастьям ближнего — занятие не из благочестивых. Даже если этот ближний — твой же бывший

помощник, вздумавший помешать твоим планам электрификации Америки, наглый выскочка, посмевший заявить газетчикам, что ты «не ученый, проникающий в тайны Вселенной, а ловкий делец, привыкший пользоваться результатами чужого труда».

Назвать Томаса Алву Эдисона, создателя электрической лампочки, примитивным ремесленником от энергетики!

Ремесленником!

У изобретателя заныл желудок. Совсем как тогда, когда он мальчишкой брался за плуг, не успев переварить обед. Матушка пользовала его от живота смесью кефира и кукурузной муки, но испытанное домашнее средство теперь уже не действовало. Все дело в глумливости. Он это точно знал. Все дело в ничтожном, но назойливом грехе, который вечно пытается завладеть его душой. Это Глумливость заставляет его язвить, насмешничать, усмехаться, заливаться смехом, а порой и пускаться в пляс. Глумливость превращает умудренного опытом мужа в неразумное дитя.

Ну уж нет. Томас Эдисон не свернет с пути, не забьется в корчах, словно жалкий скряга при виде чужого богатства. Еще чего! Его репутация непоколебима, и место в истории ему обеспечено.

Или нет? Неожиданная мысль заставила Эдисона содрогнуться и окинуть тревожным взглядом лабораторию: длинный ряд одинаковых столов, на каждом из которых развернут миниатюрный экспериментальный полигон. Ассистенты Эдисона трудились не покладая рук, чтобы заставить гениальное творение своего босса работать. «Дьявол кроется в деталях», — без устали повторял он своим парням. А коли так, этого самого дьявола можно из деталей вытряхнуть, были бы под рукой расторопные помощники, готовые рыть землю по одному слову неуемного начальника. Такого, как он: тучной, тугой на ухо, полуграмотной деревенщины. Для застенчивого паренька, что все еще скрывался в недрах души знаменитого изобретателя, вид обезлюдевшей мастерской был спасительной соломинкой. Электрическая лаборатория Эдисона была самой лучшей в Америке, самой большой и самой дорогой. Отсюда победоносная армия его верных изобретений начнет свой поход, чтобы покорить весь мир и принести его к ногам своего создателя. С ней он вернет и приумножит богатство и славу. И осчастливит человечество, само собой! Озаренный надеждой, Эдисон молча поклялся себе, что, каким бы сильным ни было искушение, наутро он не пойдет смотреть, как дотлевают на пепелище головешки. Он не станет наблюдать из-за угла, как *тот человек* ползает на четвереньках среди останков сгоревшей жизни.

И даже если их путям вновь суждено пересечься, Эдисон никогда не поступит с этим наглым ублюдком так, как тот обошелся с ним на Всемирной выставке в Чикаго. Подумать только, этот фанфарон таскался за ним повсюду и отвлекал внимание журналистов! Слишком гордый, чтобы поздороваться, как подобает вежливому человеку. Слишком хорош для всех нас.

И все это буквально на глазах у всех.

«Заносчивый мерзавец» — вот подходящее наименование для подобных типов. И все же — в который раз напомнил себе Эдисон — фальшивая помолвка — вещь немыслимая, а для человека его положения — недопустимая (хотя человек слаб, и едва ли стоит осуждать его за невольный укол зависти). Первая жена любила повторять, что дело не в искушении — дело в том, как ты его преодолеваешь. Сама покойница преодолевала дьявольские искусы с неизменной твердостью.

Изобретатель горько вздохнул и снова рыгнул что твой матрос. Вот, пожалуйста. Время потрачено не зря. Приятная новость проскочила по пищеводу в желудок, а тот никак не желал ее переваривать.

Он наконец собрался, расправил плечи, вздохнул полной грудью и назидательно произнес, обращаясь к самому себе: «Перед лицом великого искушения важнее всего не утратить мужества. Бей хоть ломом, хоть тараном, но главное — бей изо всех сил и не теряя ни минуты».

Чутье и здравый смысл подсказывали Эдисону, что это верное решение. Он пообещал себе, что претворит его в жизнь.

То были не просто слова: за ними легко разглядеть все того же сына фермера, босоногого мальчишку, который на ходу запрыгивал в товарный поезд и истово молился перед сном. Этот мальчишка предупреждал мужчину, которым он стал: что бы ни было, не показывай своего торжества, не выпускай его из недр души, не давай ему воли даже здесь, в пустой и темной лаборатории. Иначе быть беде. За грех глумливости неизбежно последует воздаяние, не в этом мире, так в том, ином.

«Ты должен держаться», — внушал он себе; даже если газетчик не соврал и дом со всей обстановкой действительно не был застрахован. Впрочем, на такое развитие событий рассчитывать не приходилось: это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой.

А с другой стороны, почему бы нет? Разве теперь не мартовские иды, пора, когда римляне расправились со своим тираном? Только глупец станет отрицать очевидное: это не простое совпадение.

Что ж, пока все складывалось *превосходно*.

Глава вторая 1874. Двадцать один год назад Смилян, Лика, Австро-Венгрия

Отец Милутин Тесла протянул городскому врачу чайник, предлагая снова наполнить чашку. Эскулап не двинулся с места.

— Умоляю, доктор, — увещевал отец Милутин, — останьтесь, переждите грозу!

— Нет, — вздохнул доктор. — Слишком холодно для середины лета. Мало ли кто еще может заболеть? Даже тот, кто всегда отличался отменным здоровьем. — Добавлять «в отличие от вашего сына» не было нужды.

— Тогда позвольте мне еще раз извиниться, — продолжал священник. — Я уверен, этот неприятный инцидент был спровоцирован лихорадкой.

— Возможно, — буркнул доктор, поднимаясь на ноги, и потянулся за пальто с видом скромного, но полного достоинства сельского врача, которому не впервой сносить оскорбления от черни.

Однако отец Милутин не собирался отступать, он по пятам следовал за гостем:

— Доктор, так что же с мальчиком? Как ему помочь?

Доктор усмехнулся:

— У него и спросите, он ведь все знает лучше меня.

— Доктор! — воскликнул Тесла в полном отчаянии. — Вы ведь простите мальчика за эту вспышку…

— Он швырнул в меня пиявками! И это после того, как я прошел пять миль под проливным дождем, чтобы ему помочь. — Доктор был на пороге, он уже повернул защелку, но представление надо было довести до конца. — Я не вашей веры, отче, но я никогда не отказывал в помощи ни вам, ни вашим прихожанам.

— Мы вам так благодарны…

— Однако с тех пор как вам удалось занять высокое положение в своей церкви, ваша семья позабыла элементарные правила приличия.

— Доктор, мои домашние всегда отличались безупречным поведением!

— Да что вы говорите, отче! Даже если не принимать в расчет сегодняшнее происшествие, как вы объясните возмутительную выходку Николы на кладбище?

— Доктор, мой сын был учителем этой девушки почти год. Он чрезвычайно сильно к ней привязался и…

— Эта девушка принадлежала к самому респектабельному семейству в нашем городе. Что общего могло быть у нее с вашим сыном? Ничего, кроме уроков. Заявившись на похороны без приглашения, он нанес вашей репутации чудовищный урон, и его нелегко будет исправить. И несмотря на это… Я откликнулся на ваш вызов и пришел лечить этого юношу от лихорадки, которая, несомненно, явилась прискорбным последствием его выходки на кладбище.

Бросив красноречивый взгляд в сторону спальни, лекарь накинул капюшон дождевика и собирался было толкнуть дверь, но обернулся:

— С тех пор как вы возглавили приход, ваш сын постоянно привлекает к себе внимание, и отнюдь не благосклонное. Никто не ставит под сомнение умственные способности этого молодого человека. Образ его мыслей — вот что тревожит людей!

Джука Тесла до сих пор помалкивала. Мать Николы не вмешивалась в мужской разговор, однако ее жгучие черные глаза, устремленные на врача, метали молнии. Гостю впору было испугаться, но он не обращал на женщину ни малейшего внимания.

— Прошу вас, доктор, — лепетал Тесла. — Негоже нам так расстаться!

— Среди моих пациентов ходят разговоры о том, что православный священник дурно воспитал своего сына. — Доктор покосился на Джуку. — А еще говорят, что его жена толкует сны и предсказывает будущее.

Отец Милутин понимал, что спорить бесполезно. Его разгневанный посетитель был вхож во все двери, в его руках была необоримая сила молвы.

И тут в бой ринулась Джука. Вперив в доктора полный ярости взгляд, она шагнула вперед и спихнула его руку с дверного крючка. Почтенный лекарь и рта не успел раскрыть, как хозяйка дома распахнула перед ним дверь.

— Вон! — произнесла она тихо, но веско.

— Джука! — вскричал потрясенный Милутин, но та даже не взглянула на мужа.

— Убирайтесь немедленно! — повторила она и добавила с ядовитой улыбкой: — А не то узнаете на собственной шкуре, какие проклятья я насылаю!

Теперь женщина смотрела перепуганному целителю прямо в глаза. И прежде чем он успел вымолвить хоть слово, хозяйка просто вытолкала его за порог, захлопнула дверь, опустила

крючок и с вызовом уставилась на Милутина.

Священник молча качал головой. Шум ливня снаружи заглушал яростную ругань доктора. А когда очередной раскат грома стих вдали, Милутин и Джука услышали доносящийся из спальни сына приглушенный смех. Через мгновение смех перешел в кашель.

Муж и жена избегали смотреть друг на друга. Священник горестно вздохнул, прошел к камину и плюхнулся в любимое кресло.

— Это все лихорадка, — пробормотал он. — Это лихорадка сделала его таким.

Джука не стала спорить. Поднимаясь по лестнице в спальню Николы, она прошептала чуть слышно, чтобы Милу не мог разобрать ее слов:

— Это не лихорадка…

А про себя подумала: «Это нечто другое».

* * *

Восемнадцатилетний Никола Тесла валялся в темной спальне на смятых, мокрых простынях, сотрясаемый лихорадкой, и пытался прогнать болезнь усилием мысли. Это занятие не позволяло ему провалиться в пучину скорби.

Юноша вел неравную битву с самим собой уже несколько часов. Он твердо решил не подпускать к себе местных коновалов с их лженаукой, но лихорадка не желала отступать сама по себе. Приглушенный болезнью слух юноши с трудом различил, как отцовские часы на первом этаже пробили полночь.

Полночь. Самое подходящее время для начала эксперимента. Никола снова рассмеялся, тихонько, чтобы не закашляться. На то, чтобы оторвать от груди пиявок и швырнуть их в физиономию доктору, ушли последние силы, а с ними растаяла надежда на помощь медицины в борьбе с разыгравшейся пневмонией. Так тому и быть!

Если хочешь победить болезнь, надо позволить ей разыграться на полную катушку. Пора выяснить, может ли человек контролировать вызванные жаром галлюцинации. Никола растянулся на кровати, готовый принести себя в жертву мучительным симптомам. Голова раскалывалась от боли, грудь будто сжимали в тисках.

Никола чувствовал, как в груди растут гнев и отчаяние, постепенно наполняя его силой. Вслед за ними поднималась волна вдохновения, сокрушительная и долгожданная. Этого было

достаточно, чтобы призвать милый сердцу образ.

Прежде юноше доводилось испытывать свои способности лишь на мелких бессловесных тварях, главным образом насекомых. О том, чтобы провести опыт с человеком, нечего было и думать. Как-то раз, еще подростком, он решил попытать счастья с соседкой и в результате оказался во власти плотского влечения, столь острого и мучительного, что впредь зарекся пускаться в подобные авантюры. По крайней мере, под отчим кровом.

И вот теперь, истерзанный болью, он решился вызвать к жизни образ конкретного человека. Жестокая лихорадка пришлась кстати, она должна была вернуть его в день последней встречи с Кариной.

Никола заставил замолчать внутренний голос, твердивший о запретных областях и сатанинских искушениях. В действительности его беспокоило лишь одно: можно ли проделать такое с образом уже мертвого человека? Хватит ли силы воображения, чтобы погасить пламя смертельной тоски? И еще нельзя было допустить, чтобы отец обо всем догадался. Николе вполне достаточно было нотаций собственного внутреннего проповедника, тем более что тот давно превзошел отца по части занудного чтения морали. Эта мысль показалась Николе невероятно забавной. Он снова рассмеялся, но смех тут же перешел в рокочущий кашель.

Впрочем, теперь ему было все равно.

— Что там происходит? — Милутин одним прыжком выскочил из любимого кресла и бросился к лестнице. — Боже милостивый, да он сошел с ума!

Словно в подтверждение слов священника, из спальни Николы послышались демонический хохот и лающий кашель.

— Стой! — Джука схватила мужа за руку. Старик застыл на месте. Жена нечасто позволяла себе подобную дерзость, и он знал, что в такие минуты с ней лучше не спорить.

Джука преградила мужу путь наверх.

— Ему нужен покой.

Милутин махнул рукой и вернулся к огню, но садиться не стал. Любимое кресло вдруг показалось ему не таким уж уютным. Он принялся расхаживать по комнате взад-вперед, недоумевая, отчего простому богобоязненному человеку зачастую так трудно понять других божьих созданий, а пуще всех собственного сына.

Священник не находил ответа. Он все ходил и ходил по комнате, и старые половицы скрипели у него под ногами.

Никола знал, что красавица Карина едва его замечает. Она училась с ним в одной школе, только на два класса младше. Они даже не были знакомы, пока родители Карины не наняли юношу

репетитором по рекомендации школьных учителей. Науки девочке не давались: из-за какого-то непонятного отклонения она толком не умела читать. Тем не менее ученицей она оказалась смышленой и прилежной. Ну а для бедного Николы Карина была самой красивой девушкой во всей провинции, да что там: самым прелестным и удивительным созданием на земле, наделенным всеми возможными достоинствами и талантами, к числу которых не относилось владение печатным словом, — только и всего.

Юноше нравилось даже, когда его идеалом любовались другие. От обворожительной Карины будто исходило сияние. Подруги ей завидовали, но она вроде бы не замечала их ревнивых взглядов. Бойкие юнцы делались в ее присутствии еще заносчивей и громогласнее, а воспитанные мальчики из хороших семей при ее появлении просто теряли голову.

Сам Никола говорил с Кариной только об уроках и держался отстраненно, хотя веселая ученица не раз пыталась его растормошить. Иначе было нельзя: между их семьями пролегла целая бездна.

Молодому человеку не с кем было разделить свои переживания. Карина о его любовных терзаниях не догадывалась, а собственные чувства, даже если они у нее были, предпочитала держать при себе. Влюбленному оставалось лишь бросать на предмет своего обожания нежные взгляды и с горечью сознавать, что бушующий в его сердце ураган нисколько ее не трогает.

О том, что его ученица внезапно скончалась, Никола узнал только этим утром. Сильно простыв накануне, он валялся в постели, когда пришла соседка и сказала, что его возлюбленную хоронят сегодня в полдень. Добрая женщина даже не представляла, что из-за этой новости для кого-то рухнет целый мир. Она добавила, что, несмотря на непогоду, погребение решили не откладывать — из страха перед заразой.

Одному Богу ведомо, чего стоило Николе держать себя в руках. Наспех одевшись, он прошмыгнул за спинами ничего не подозревавших матери и соседки и выскочил на улицу, под проливной дождь. Юноша не помнил, как добежал до кладбища, как перемахнул через ограду. Притулившись у стены, он дождался окончания службы и подошел к могиле, когда толпа скорбящих потянулась прочь. К вечеру Никола слег, но и дрожа от лихорадки, продолжал проклинать судьбу, Бога и самого себя за то, что не воспользовался возможностью, не попытался узнать девушку поближе. Потом стал клясть болезнь, которая не давала ему подняться с постели и не позволяла впасть в милосердное забытье.

По телу прокатилась волна боли: это напоминала о себе

пневмония. Однако ярость помогала юноше противостоять недугу. Ярость придавала мужества и удесятеряла силы.

То, что молодой человек собирался сделать теперь, не шло ни в какое сравнение ни с одним из его прошлых опытов. На этот раз ему предстояло нечто немыслимое, почти кощунственное. Ну да, именно кощунственное. Недаром не переставший звучать в его голове голос отца стращал отступника вечным проклятием.

Никола на мгновение сощурился от ослепительной вспышки молнии и тут же снова направил взгляд к изножью кровати. Вскоре воздух в комнате начал дрожать и слабо колыхаться, точно от зноя. Юноша продолжал, не мигая, смотреть в одну точку, и воздушные волны делались все сильнее. Видения приближались.

Этой ночью он заставит образ Карины появиться в изножье кровати, даже если ради этого придется пожертвовать жизнью. Никакого другого исхода Никола не допускал. На этот раз на кону было нечто большее, чем забавный фокус или хорошая оценка в школе. Перед ним должна была предстать живая Карина. Принадлежащая только ему, невидимая для остальных. Его прекрасная дама.

Там, куда пристально смотрел юноша, клубилось легкое серебристое облачко. В комнате стояла тревожная тишина, нарушаемая лишь шумом дождя за окном и тяжелым дыханием Николы. Он трясся от напряжения.

Время словно остановилось.

Ненастье за окном стихало, но в темной спальне делалось все тревожнее. В душе Николы бушевала настоящая буря, а тело пылало в страшном жару, и струившийся по лицу ледяной пот был не в силах его остудить. Лоб горел, соленые капли разъедали глаза, но Никола не собирался сдаваться. Его мысли занимала одна лишь Карина, образ которой постепенно, невыносимо медленно вставал перед ним, с каждым мгновением обретая форму, краски и жизнь.

* * *

Стоя в сенях, Джука Тесла слушала, как муж выводит из конюшни недовольно фыркающих лошадей, запрягает их в повозку и поторапливает сонных дочек. Отец семейства решил, что девочкам не стоит оставаться дома, пока их брат мечется в бреду. Милу, кажется, и сам рад был удрать хотя бы на время. Того, что творилось в последние дни, с лихвой хватило даже священнику.

Что касается самой Джуки, то она полагала, что с захватившими дом силами лучше не связываться. Должно быть, ее Никола знает, что делает. Тайком от всех мать давно поддерживала сына в его диковинных начинаниях, но никогда прежде его способности не проявлялись столь явно. Теперь Джуке оставалось лишь надеяться, что мальчик в должной мере унаследовал ее проклятый дар и сумеет справиться с тем, что на него навалилось. Укрывшись в темной спальне, он выбрал свой путь, а Милу, пустившийся с дочерьми в бегство сквозь непогоду по разбитой колее, выбрал свой.

Джука подошла к огню и села в любимое кресло мужа, продолжая прислушиваться к звукам, доносившимся из спальни Николы. Услышь их кто-нибудь из отцов города, они, несомненно, решили бы, что в доме православного священника устроил вечеринку сам дьявол. Женщина улыбнулась и принялась тихонько раскачиваться в кресле, размышляя о тайной, неприметной благодати, какой любая мать семейства изо дня в день наделяет своих домочадцев.

* * *

Дрожащий, измученный, потрясенный, Никола взирал на то, что застыло в ногах его кровати. Нечто, как две капли воды похожее на Карину, какой он ее запомнил. Каким-то непостижимым образом ему удалось воспроизвести желанный образ в малейших деталях, не исключая тех, о которых он позабыл или вовсе не задумывался. Перед ним и вправду предстала она.

Или, вернее сказать, оно.

— Это не она! — выдохнул юноша. — Она… оно живое. — И рассмеялся собственным словам: назвать галлюцинацию живым существом! Если доктор соизволит вернуться и услышит подобные речи, его пациент тут же окажется в ближайшем сумасшедшем доме.

И тем не менее это было правдой. Карина — или существо, похожее на Карину, — смотрела на потрясенного Николу живым, осмысленным взглядом.

Дрожа от волнения, юноша подался вперед, и ее глаза (глаза существа) встретились с его глазами. Ни один из образов, которые Николе случалось вызывать прежде, не смотрел на него так. Сначала Никола попытался убедить себя, что исследует результаты эксперимента, но тут же осознал, что просто любуется, упивается ее удивительной красотой.

— Его, — поправил он себя, на этот раз в полный голос. — Его красотой.

Кем бы ни было это создание, Никола не мог на него налюбоваться. Он ждал утешения, но тоска не отступала, боль сжимала грудь все сильнее.

Когда предрассветное небо чуть прояснилось, тусклый лунный свет пробился к земле и заглянул в окно. Сердце Николы на миг перестало биться. Озаренная легким серебристым сиянием, перед ним стояла живая Карина.

Никола протянул к ней дрожащую руку. Он знал, что наткнется на пустоту, но и такое призрачное прикосновение помогло ему поверить, что Карина (или то, что прикинулось ею) и вправду здесь. Это напоминало сладостную развязку запретного сна за миг до пробуждения.

Дьявольское искушение, о котором не уставал твердить отец, охватило юношу железными тисками. Он позабыл, что болен, и сел на кровати. Позабыл, почему лежит в кровати, и вскочил. Его руки, взгляд, душа, — все его существо тянулось к ней, словно подчиняясь безмолвному зову.

Набравшись смелости, Никола шагнул вперед, чтобы приблизиться к вожделенному образу почти вплотную. На Карине было то же платье, что и во время их последней встречи. Никола сделал еще один шаг и, оробев, застыл на месте. Задыхаясь от желания, он скользил взглядом по белой шее… груди… животу… бедрам… коленям… лодыжкам…

Ее ноги. Обутые в легкие сандалии, они твердо стояли на дощатом полу.

Еще ни разу не было у него таких правдоподобных видений. Прежние образы больше напоминали мимолетные тени, исчезавшие при первом неосторожном движении. Этот образ был неотличим от живого человека.

Вот почему Никола так робел в присутствии этой призрачной красы. Наконец он решился поднять глаза, чтобы взглянуть своему созданию в лицо, и в тот же миг по всему его телу с головы до ног прокатилась волна невыносимого жара.

— Господи! — прошептал потрясенный юноша. — Ты настоящая!

Губы Карины тронула легкая улыбка, словно пребывание в темной спальне наедине с молодым мужчиной казалось ей захватывающим, восхитительно скандальным приключением. Никола не мог поверить, что этот удивительный образ и вправду порожден его собственной волей и памятью. Неужели она — всего лишь лихорадочный бред и всему виной высокая температура?

В таком случае чары рассеются, как только он выздоровеет. И

Карина будет потеряна навсегда. То, что случилось в эту ночь, никогда не повторится.

И он решился поговорить с ней.

— Скажи, как тебя зовут, — прошептал Никола. Галлюцинация, безумие, бред — неважно. Юношу не заботило даже то, что кто-то может войти в комнату и застать его врасплох. — Поверь, я расслышу, даже если ты ответишь мне мысленно. Я обязательно расслышу.

Карина приподняла бровь, словно не могла взять в толк, зачем юноше понадобилось ее имя. Раньше видения не разговаривали, но Никола чувствовал, что на этот раз все будет иначе, и терпеливо ждал.

И призрак, глядя ему прямо в глаза, ясным голосом произнес:

— Карина.

Никола громко ахнул и отскочил назад, больно ударившись о ножку кровати. Не удержав равновесия, он навзничь рухнул на постель. Пружины матраса жалобно скрипнули, и в комнате воцарилась полная тишина.

Стараясь не глядеть на призрак, молодой человек восстанавливал дыхание и соображал, что делать, если тот заговорит снова. Прислушавшись к себе, он с удивлением обнаружил, что ему гораздо лучше. Болезнь отступала. Пневмония и лихорадка дрогнули перед силой воображения.

Что ж, отлично. На этот раз он все сделал правильно. Выходит, он способен создавать образы не только зримые, но и говорящие. Собравшись с силами, Никола решился снова посмотреть на девушку.

Она не исчезла. Ну конечно, так и должно быть!

— Скажи, как меня зовут, — шепотом приказал Никола.

Помни: это всего лишь иллюзия. С ней не надо церемониться, ее надо контролировать. Заставь ее что-нибудь сделать.

— Твое имя Никола, — произнесла иллюзия голосом Карины и снова улыбнулась, будто надеялась, что ей вот-вот объяснят правила этой забавной игры.

На этот раз юноше удалось сохранить самообладание. Создание всего лишь выполнило приказ своего создателя. Зато теперь можно было с уверенностью сказать, что этот голос — чистый, нежный, глубокий — принадлежит Карине и никому другому.

— Ты думаешь, что создал меня?

Застигнутый врасплох Никола шарахнулся в сторону, налетел на стену, отскочил в противоположный угол комнаты и плюхнулся на пол, попутно уронив стол, на котором разместились собранные им модели. На каждую ушел по крайней

мере день работы, но сейчас это не имело значения; он не заметил даже, как разлетелось на куски его лучшее творение, самоходная колесница, как хрустнула хрупкая водяная мельница, имевшая несчастье оказаться у него под боком.

Слабо постанывая, он поднялся на ноги. Отдышавшись и сосчитав до трех, заставил себя посмотреть туда, где стояла Карина.

Она исчезла.

Никола резко развернулся, отпрянул в сторону и попятился к двери. Но уже на пороге он вдруг осознал, что вовсе не желает покидать комнату.

Никола повернулся к кровати: а что, если Карина появилась снова? Но в комнате по-прежнему было пусто, тихо и темно, если не считать тусклого света луны, глядящей в распахнутое окно.

Окно распахнуто. Из-за бури?

Окно было закрыто с тех пор, как начался дождь, это Никола помнил совершенно точно. Помнил он и то, что сам его не открывал. Молодой человек нерешительно направился в сторону окна. Едва успев сделать шаг, он застыл на месте, как громом пораженный. Николе послышался голос Карины. Тихий и слабый, это был несомненно ее голос.

— Никки!

Никола обернулся. Никого. Через мгновение голос раздался снова, громче, но будто издалека.

— Я здесь!

Никола бросился к окну, выглянул наружу и увидел образ Карины, парящий в воздухе метрах в ста от подоконника. Ее глаза были почти на уровне его глаз.

— Что ты такое?! — прохрипел Никола. В ответ она лишь мелодично рассмеялась и повернулась к нему спиной, готовая раствориться в ночи.

— Иди сюда, Никола! — позвала девушка, но молодой человек не мог пошевелиться, не смел даже моргнуть. Призрак снова засмеялся. Никола узнал этот смех, Карина была смешлива.

— Что ты такое? — не сдавался Никола.

Карина обернулась. Издали ее голос был едва уловим.

Его же голос показался ему сухим и ломким, словно шепот призрака, но Карина его расслышала.

Она по-прежнему парила в воздухе, но Николе показалось, будто она что-то шепчет ему на ухо. Внезапно видение, только что маячившее за окном, ворвалось в комнату и набросилось на Николу, толкнув его с такой силой, что он рухнул на пол.

Никола несколько минут пролежал без движения, пытаясь справиться с дыханием и собраться с мыслями. В ушах стоял

раздражающий металлический скрежет, незнакомый и зловещий, пробирающий до скрипа в костях.

Молодой человек попытался подняться и даже умудрился встать на четвереньки, но выпрямиться не смог: пол под ним качался и плыл. С трудом подняв глаза, он увидел над собой все тот же образ.

— Ты… — Никола был в полуобморочном состоянии. — Ты действительно Карина?

Загадочно улыбнувшись, девушка коснулась его губ, потом приложила кончики пальцев к своим векам… Глаза призрака полыхнули неистовым пламенем. Нестерпимо яркая вспышка сопровождалась оглушительным раскатом грома. Ослепленный, беспомощный Никола скорчился на полу.

Очень скоро он почувствовал, что, несмотря на застилающую глаза тьму, может видеть источник зловещего шума мысленным взором. Перед ним мелькали непонятные приборы и металлические конструкции. Одни были совсем маленькими и простыми, другие — чрезвычайно сложными, но каждую из них можно было разглядеть в мельчайших подробностях.

Таинственные предметы светились, вибрировали, кружились, точно в калейдоскопе. Никола наконец сумел разлепить веки и тут же снова зажмурился; странные приборы никуда не делись. А главное — они были настоящими. Такими же настоящими, как любой другой предмет в комнате.

Никола не знал, что и думать. Столь правдоподобные иллюзии не удавались ему еще ни разу. Потаенные, невнятные даже для него самого фантазии внезапно обрели размер и форму, сделались материальными и предстали перед ним. То были диковинные, невиданные, несуществующие вещи.

— Но они существуют, Никола, — произнесла Карина, будто отвечая на его безмолвный вопрос.

Николе казалось, что его мозги вот-вот закипят. С великим трудом поднявшись на колени, он обхватил голову руками в тщетной надежде прогнать видения. Но они продолжали наступать. Юноша вновь открыл глаза, но они никуда не делись: вызванный Кариной поток энергии не иссякал.

Никола и Карина смотрели друг другу в глаза, а призрачные машины вели вокруг них неистовый хоровод, не желая прекращать лихорадочное кружение, хоть смейся, хоть плачь.

Даже если столь дикие видения и вправду были порождением фантазии и воли Николы, отныне он утратил над ними власть, а при виде Карины утратил власть и над собой. Юноша благословлял бред и лихорадку, что на краткий миг вернули ему потерянное счастье. Карина стояла перед ним, столь же реальная,

как все в этом мире.

И все же в новой Карине что-то настораживало. Она держалась слишком заносчиво, смотрела слишком пристально. Прежняя была совсем другой.

Джука Тесла замерла перед затворенной дверью в комнату сына.

— Это невозможно! — послышался из спальни его дрожащий голос. — Свободная воля! Оно обладает свободной волей! Оно… она… она…

Джука давно уже втайне надеялась, что Никола унаследует ее дар, но теперь женщине пришлось сделать над собой немыслимое усилие, чтобы отойти от двери и спуститься вниз. Примостившись в кресле у камина, она принялась смиренно дожидаться возвращения супруга. Если Никола не угомонится к его приезду, надо будет отправить Милу погулять с девочками. Дочери у Джуки были славные и умненькие, но даром они не обладали; не стоило их пугать. Бедняжки так и не поняли, что стряслось с их братом.

Никола рухнул навзничь, придавленный мощным потоком энергии. В голове оглушительно щелкали бесчисленные электрические разряды, перед глазами сверкали молнии. Юноша провожал взглядом вереницу пляшущих по комнате видений и беззвучно плакал.

Карина обогнула кровать и склонилась над Николой. Ее улыбка немного приободрила его.

— Что, во имя всего святого, здесь происходит? — прошептал он. — Я ведь не сошел с ума, я знаю, ты… всего лишь плод моего воображения.

Лицо Карины сделалось злым.

— Правда? — усмехнулся призрак. — Так с кем ты тогда разговариваешь, если меня нет? Сам с собой?.. Никола, — продолжал он, медленно отступая к окну, — ты здесь один и всегда был один.

— Карина!

Услышав свое имя, образ остановился, но не стал оборачиваться.

— Прошу тебя! — выдохнул Никола. — Я должен знать. Это правда ты? Ты Карина?

Затаив дыхание, он ждал ответа. Наконец плечи девушки дрогнули. Когда призрак обернулся, на губах его играла улыбка, но слова были полны яда.

— Какая же я Карина?! Карина умерла.

— Да, но ты… Она… Что ты такое?

Карина улыбнулась. Глаза ее снова вспыхнули

ослепительным светом. Новый выброс энергии подхватил Николу, согнул пополам и отбросил прочь, вырвав из глотки пронзительный крик.

Крик сына вывел Джуку из глубокой задумчивости и заставил опрометью броситься на второй этаж. Женщина рывком распахнула дверь и застыла на пороге. Никола лежал на кровати лицом вверх, раскидав ноги и заведя руки за голову, неподвижный и холодный, точно ледяная скульптура. Широко раскрытые глаза смотрели в пустоту.

Мать рванулась к сыну, упала на колени у его изголовья, прижала ладонь ко лбу и с изумлением поняла, что жар спал. Никола все еще тяжело дышал, но на его щеках играл румянец. Губы юноши шевелились, выговаривая никому не слышные слова.

Вглядевшись в лицо сына, Джука окончательно успокоилась. На нем не было ни страха, ни муки. Если бы женщина знала такое мудреное слово, она сказала бы, что Никола чем-то заворожен. Джука проследила за его взглядом, стараясь всмотреться в такую даль и глубину, в какую только позволял ее собственный дар. Понять, на что смотрит Никола, матери не удалось, зато она ясно увидела, что от него исходит нескончаемый поток энергии.

На глазах потрясенной Джуки происходило главное свершение в жизни сына. Великая сила, чем бы она ни была, держала его железной хваткой. Докторам здесь делать было нечего, а ей самой оставалось только прятать сына от любопытных глаз и охранять от духов.

Церковные иерархи пришли бы в ужас, если бы увидели, что супруга отца Милутина, вместо того чтобы позвать к сыну исповедника, поцеловала его в лоб, поправила простыни, закрыла окно и вышла из комнаты.

Глава третья Весна 1876-го Техническое училище Грац, Австрия

Лихорадка вскоре прошла, а с ней исчезла и Карина. Никола не видел ее почти два года. В минуты особенно сильных душевных терзаний он вспоминал отцовские проповеди о том, что сатана искушает слабых духом при помощи загадочных видений. Впрочем, то, что пугало ночами, при свете дня переставало казаться таким уж зловещим.

Осознав, что дар потерян, и смирившись с утратой, Никола стал самым обычным человеком, разве что чересчур замкнутым. Теперь он часами размышлял о том, что же это было: чудо или всего-навсего лихорадочный бред.

Видения вернулись, когда он встречал двадцатую весну. Пережив несколько приступов и попытавшись по памяти зарисовать несколько явившихся ему предметов, Никола понял, что больше не может их контролировать.

В этом он окончательно убедился во время одной из лекций, в большой аудитории, полной жадных до знаний студентов. В тот момент на него смотрели тридцать пар любопытных глаз, а знаменитый профессор Пешль холодно улыбался.

Герр доктор был упорным, прямолинейным и скорым на расправу педантом. Только безумец осмелился бы прервать его лекцию. Безумец вроде Теслы. Школяры затаились и ждали, что будет.

— Вы нас задерживаете, господин Тесла! — Голос герра доктора громом прокатился по забитой до отказа аудитории.

Высокий, мертвенно-бледный юноша с черными как смоль волосами не мигая смотрел в пространство, беззвучно шевеля губами. Остальные студенты вытягивали шеи, чтобы получше его рассмотреть, и с нетерпением ожидали развязки. Теоретизирования Николы Теслы были сущей интеллектуальной катастрофой.

— Будьте любезны, господин Тесла! — воззвал герр доктор голосом, полным сладчайшего яда. — Мы с нетерпением ждем вашего суждения. Выдвинутая вами теория переменного тока столь любопытна… — Профессор хищно улыбнулся и добавил драматическим шепотом: — Итак, вы утверждаете, что несмотря на веские доказательства того, что данное явление по природе своей сходно с молнией… — Его голос вновь возвысился: — … Оно тем не менее способно управлять этой машиной «более эффективно», чем старый добрый постоянный ток?

Профессор Пешль был искушен в публичных выступлениях; свои слова он сопроводил сияющей улыбкой, предназначавшейся решительно всем в аудитории, кроме Николы. И добавил, выдержав паузу:

— Несравнимо более безопасный постоянный ток.

Это подействовало. Чары рассеялись. По рядам прокатилась волна одобрительных смешков, и вся аудитория вздохнула свободно. Стало ясно, что сумасбродный выскочка потерпит поражение и на этот раз.

Подумать только: прервать самого доктора Пешля во время ежегодной блистательной демонстрации сработанной во Франции машины Грамма! Как раз в тот момент, когда преисполненный гордости ученый муж заявил, что его машина сконструирована таким образом, что с легкостью может служить как паровым генератором, так и автомобильным мотором, Никола поднял руку, испрашивая разрешения задать вопрос, и поинтересовался, можно ли считать машину и ее удивительные свойства примером «чистой науки».

Обычно герр доктор игнорировал вопросы, заданные посреди лекции. Это, однако, был отнюдь не обычный вопрос. Это был вызов.

Сначала почтенный профессор сделал паузу, чтобы непринужденно смахнуть пылинку с пышной мантии своей лекции. Потом прочистил горло и нацепил вымученную улыбку. Потом, к вящему удовольствию публики, стало ясно, что случай не рядовой и с ним придется повозиться.

Студенты знали, что нарушителя спокойствия ждет неминуемая и страшная кара. Никола поник под тяжестью профессорского неодобрения, съежился под его немигающим колючим взглядом.

Тесла отогнал досужие мысли и сосредоточился, стараясь представить несуществующий генератор переменного тока. Кошмар начался, когда он мысленно разобрал прибор и попытался разложить перед собой основные детали; сколько Никола ни напрягал воображение, ему никак не удавалось разглядеть главные элементы загадочной машины.

Между тем драгоценное учебное время стремительно истекало. Герру доктору пришлось прервать лекцию из-за неподобающего поведения студента. Николу охватила паника. Он понимал, что для преобразования переменного тока нужны совершенно новые, неизвестные доселе механизмы, но не мог их описать, как не мог и доказать, что они существуют.

На видения рассчитывать не приходилось. Надо было придумать хоть что-нибудь, чтобы оправдать срыв лекции.

Скрыться от любопытных однокашников и насмешливых глаз профессора Пешля.

Никола в отчаянии ждал просветления, и оно пришло. Ему открылась беспощадная истина: «На этот раз ничего не выйдет, Никола».

Резкий голос герра доктора дьявольски вовремя вывел Николу из транса и вернул на грешную землю:

— Большое спасибо, господин Тесла, мы вволю повеселились! Лекция окончена.

Студенты начали убирать свои тетради. Профессор возвысил голос, чтобы перекрыть поднявшийся шум.

— Факты, дамы и господа, только факты и никаких домыслов! Переменный ток не может быть направлен к источнику питания по той же причине, по которой сила тяжести не может быть преобразована в силу вращения. — Для пущей убедительности герр доктор включил машину Грамма. Прибор тотчас ожил. — Вот почему мы считаем эти силы принципиально различными.

Студенты дружно хмыкнули и двинулись к выходу. Громкий вздох Николы заставил многих обернуться. Глаза Теслы сияли, на губах играла торжествующая улыбка:

— Профессор, земное притяжение действует как сила вращения по отношению к массе Луны!

— Господин Тесла, лекция окон…

— Луна вращается вокруг Земли, — Никола обвел аудиторию тревожным взглядом, — хотя земное притяжение постоянно тянет ее вниз. На нас.

В аудитории сделалось тихо.

Очень тихо. Никто, кроме доктора Пешля, не двигался с места. Да и сам профессор обескураженно потупился, спрятав взор на рукаве форменного пиджака. Управившись с очередной невидимой пылинкой, он наконец заставил себя улыбнуться. Через несколько мгновений герр доктор вновь поднял глаза, чтобы встретиться взглядом с сияющим от предвкушения победы студентом; опытный преподаватель умел скрывать от подопечных досаду и раздражение.

— Ну да. Предположим, вы… — Профессор потер веки. — Вы правы. Вы совершенно правы. Лекция окончена. Господин Тесла, не почтите ли вы меня своим драгоценным вниманием еще на несколько минут?

Аудитория немедленно опустела.

Спустя десять минут Никола и доктор Пешль сидели рядышком в пустом лекционном зале. Несмотря на это, Тесле приходилось напрягаться, чтобы расслышать седого профессора.

Он понимал, что удостоился немыслимой чести: наставник не только позволил ему публично обосновать свою позицию, но и согласился прочесть лекцию для него одного! И когда такое бывало? В жизни студента Теслы определенно наступила полоса везения.

— И хотя я нахожу вашу аналогию с притяжением небесных тел довольно остроумной, сама возможность существования переменного тока остается призрачной.

Никола, польщенный вниманием доктора, держался скромно и старался не замечать в глазах собеседника зависти. Убеленный сединами ученый муж, как умел, выказывал ученику свое расположение.

— К моему великому сожалению, диплом об окончании высшего образования, который вы вот-вот получите, не способен отразить реальный уровень ваших знаний. — Профессор наклонился ближе к собеседнику. Никола не мог припомнить, чтобы доктор Пешль хоть раз столь лестно отзывался о его способностях. — Слово «гений» не принято употреблять в настоящем времени, господин Тесла. Я не знаю, сохранится ли ваше имя в анналах истории, но одно могу сказать совершенно точно: вы один из самых одаренных молодых людей, когда-либо посещавших мои лекции. Возможно, самый одаренный.

— Нет, что вы, я…

— Дослушайте! — прикрикнул профессор и добавил куда мягче: — В большинстве случаев талант — результат везения и ничего больше. Вы верите в удачу?

— Ну, вера в удачу входит в противоречие с представлением о свободе воли, так что…

— Это был риторический вопрос, господин Тесла. Отвечать не обязательно. Понимаете?

Никола открыл было рот, но поразмыслил и промолчал.

— А может быть, все дело в наших ожиданиях, — продолжал профессор. Он поерзал на стуле. — Господин Тесла, истинное предназначение каждого из нас состоит в том, чтобы использовать свой дар во благо. Вы уже знаете, что станете делать со своим?

Чутье подсказывало Тесле, что этот странный разговор — своего рода проверка, но к чему клонит профессор, Никола не знал, и потому решил говорить от сердца, а там будь что будет. Глубоко вздохнув, он признался:

— Сказать по правде, едва ли не больше времени, чем занятия физикой, у меня отнимают пререкания с отцом, который мечтает, чтобы я сделался священником.

— Священником?! — возопил герр доктор, с ужасом глядя на

Николу, и энергично потряс головой. — Священником! И всю жизнь проходить во власянице…

Никола хотел возразить, но удержался.

Помолчав, профессор откашлялся и начал заново:

— Вот что я вам скажу, Тесла. Много лет назад у меня был студент, такой же способный, как вы. Так же, как вы, он умел не только правильно расставлять крошечные осколки знаний, чтобы сложить из них верную картину, но и заглядывать за ее рамки. Освещать себе путь в такие области, где умы менее блестящие, вроде меня, обречены бродить в потемках.

Никола собрался было возразить против столь вопиющего самоуничижения. Пожилой профессор остановил его взмахом руки:

— Именно так. Что уж говорить о прочих студентах? О других преподавателях? Мог бы хоть кто-нибудь из них составить ему компанию в его интеллектуальных странствиях? — Пешль едко усмехнулся. — Никто, уверяю вас! Ни один.

— Профессор, для меня очень лестно сравнение с таким талантливым…

— Он повесился, не дожив до двадцати пяти лет…

Герр доктор ненадолго прервался, чтобы набить и разжечь трубку. Затянувшись и выпустив колечко дыма, он продолжал:

— Всего за три года до этого мой ученик покинул стены альма матер. Семья самоубийцы клялась, что он не оставил предсмертной записки, но я им не верю. Слишком уж неординарной личностью был покойный. Такого даже смерть не могла заставить замолчать. Дело в том, что я получил от него прощальное послание. По почте. Причем, вообразите себе, через несколько дней после его смерти. Скажите честно, вы способны поверить в то, что мертвецы могут писать письма?

— Впол… — Никола испуганно осекся.

— Вероятно, мой студент написал мне непосредственно перед тем, как наложить на себя руки… — Доктор вновь закашлялся. Теперь его голос звучал совсем глухо: — Я всегда его поддерживал, и теперь мне хочется думать, что перед смертью мальчик захотел со мной проститься.

В глазах Пешля была такая невыразимая боль, что Никола невольно отшатнулся.

Старый профессор заключил почти шепотом:

— Я был жалким тщеславным глупцом. Вместо того чтобы предостеречь своего ученика, я целых два года помогал ему возводить воздушные замки! Все ждали от мальчишки великих открытий. И я ждал, и ничего не делал, хотя обязан был его защитить!

— От чего? — Вопрос вырвался у Николы сам собой. Он тотчас устрашился своей дерзости, но профессор нисколько не рассердился. Тесла едва ли мог припомнить, чтобы доктора Пешля еще хотя бы раз не рассердил его вопрос:

— За настоящим гением всегда охотятся демоны. Демоны водятся не только в аду, господин Тесла. Их хватает и на земле. Стоит позволить себе минутную слабость, и они тут как тут.

Профессор хотел снова закурить, но передумал и отложил трубку.

— Ваши способности безмерны и, насколько я могу судить, бесконтрольны, — произнес он, глядя Николе в глаза. — Чем больше вы станете их совершенствовать, тем удивительнее они будут для окружающих. И чем сильнее они будут удивляться, тем глупее станут себя чувствовать в сравнении с вами.

— Профессор, мне с детства внушали…

— А как свидетельствует мой жизненный опыт, люди с большой неохотой признают себя глупцами. Вы и сами наверняка заметили: чем глупее человек, тем ему обидней, когда его глупость становится всем видна.

Профессор поднял глаза к потолку, подыскивая нужные слова.

— С глупцами следует проявлять осторожность, господин Тесла, очень большую осторожность, а не то они станут вашими демонами.

Старик вновь повернулся к Николе.

— В час, а он неизбежен, когда невежды обратят против вас свое главное оружие — глупость, — вы не сможете ответить им тем же, верно?

— Боюсь, я не совсем вас…

— Нет! Не сможете! Вам придется снять белые перчатки! Придется использовать против них всю мощь своего дара! — Пешль замолчал, устремив взгляд в пустоту.

Подождав немного для приличия, Никола решил, что разговор окончен. Вежливо кивнув, он стал подниматься с места.

Герр доктор остановил Теслу, когда тот уже почти распрямил колени. Никола поспешно уселся обратно.

— Должно быть, с моим учеником все было именно так. Одиночество открывает дорогу отчаянию, а отчаяние — самый свирепый из демонов. Люди станут вас бояться. А страх превращает человека в подлую и злобную тварь. — На губах профессора мелькнула тень улыбки. — Глупцы опасны, а умники и того опасней. Запомните, Тесла: никогда не дразните умников! Слышите: никогда! С ними надо держать ухо востро. Не вздумайте опровергать их логические построения в светской

беседе.

— Герр доктор, у меня и в мыслях не было…

— Да вы уже такое проделывали. И не раз. По крайней мере, нечто очень похожее. И не перебивайте меня! Людям не нравится, когда их перебивают. О чем это я? Вы сбили меня с мысли. Ах да, об одиночестве. Знаете, что на самом деле произошло с моим учеником? Блистательный ум, замечательный представитель человеческой породы, знакомством с которым я с полным основанием могу гордиться, в конце концов предпочел бытию небытие… Но почему? Почему он так поступил? Вы должны знать! Скажите мне. Скажите, каково это, помнить все, что когда-либо прочел, разбираться в сложнейших устройствах без описаний и чертежей. Разом выдавать сложнейшие концепции, которые величайшие умы формулируют годами…

Голос профессора дрогнул.

— Скажите, как может человек пренебречь подобным даром? Разве у него есть на это право? Нет, и точка! Нельзя давать слабину, нельзя давать глупцам волю над собой, нельзя предаваться отчаянию. Отчаяние — вот демон, который вас уничтожит!

Почтенный доктор горестно вздохнул и отвернулся к стене.

Не дождавшись продолжения, Никола решил действовать на свой страх и риск. Набрав в легкие воздуха, он немного привстал. Доктор не обратил на его движение никакого внимания. Никола приподнялся, уперев руки в колени. Профессор по-прежнему глядел в пространство. Тесла встал, подождал несколько мгновений, собрал книги, подождал еще чуть-чуть, наклонился к Пешлю и негромко произнес: «Спасибо».

Герр доктор никак не отреагировал. Никола решил, что правильнее будет не прерывать его раздумий, и направился к выходу. Медленно, то и дело оглядываясь. Профессор оставался неподвижен.

На пороге юноша обернулся в последний раз. Старый профессор увлеченно стирал пыль с машины Грамма. На мгновение Тесла усомнился, не почудился ли ему этот странный разговор.

Глава четвертая 1879 Ночной поезд Окрестности Будапешта

Чадящий и грохочущий локомотив оставил позади Будапешт и теперь направлялся на северо-восток. Было два часа пополуночи, луна уже клонилась к горизонту, и местность за окнами вагонов тонула во тьме. На мутных стеклах и стальных колесах лунный свет оставлял тусклые блики.

В общем пульмановском вагоне погасили газовые лампы, оставив единственную свечу. Все пассажиры крепко спали, за исключением Николы. Путь в родительский дом занимал почти двенадцать часов, и за это время он ни разу не сомкнул глаз.

Коротенькая, в одну строчку, телеграмма в кармане пальто тянула его к земле, словно свинцовая пластина: мать звала сына домой.

Никола никак не мог собраться с мыслями. Достав из кармана телеграмму, он в который раз впился глазами в единственную строку. Мать, как могла, постаралась смягчить удар, но смысл послания был ясен: отец при смерти. Получив телеграмму, Никола немедля собрался и через полтора часа был уже в пути. И вот он сидит в вагоне, единственный бодрствующий среди спящих пассажиров, а колеса железного змея ритмично стучат по стальной тропе.

К горлу подступала дурнота, и причиной тому была не только тряска. Перед мысленным взором Николы разворачивался калейдоскоп мучительных видений. Он пытался собраться с мыслями, но охватившие его противоречивые чувства не давали сосредоточиться.

Никола понимал, что ему нужно развеять царящий в голове хаос, но не знал, как это сделать. Он закрывал глаза, но странные предметы не пропадали, а исходившее от них сияние прорезывало тьму.

Никола сжал веки до боли, до немоты в лице, шее и груди. Он будто окаменел, но видения продолжали свой танец.

В конце концов он сдался и позволил затянуть себя в омут бреда. Стук колес постепенно стих, тряска прекратилась, время замедлило ход.

Никола напряг мускулы, силясь вырваться из объятий морока, и видения начали блекнуть. Он напрягся еще сильнее, и они исчезли. На несколько секунд.

Хоть это и не поддавалось логическому объяснению, приходилось признать: телесное усилие способно влиять на

галлюцинации. Эффект был временный, но несомненный.

Никола повторил попытку, не этот раз не закрывая глаз. Снова сработало. Судя по всему, напряжение мышц каким-то образом воздействовало на сознание. Физическое зрение оставалось все таким же острым, а мысленные образы меркли.

У Теслы перехватило дыхание: неужели он только что научился контролировать свои видения? Следующие несколько часов были потрачены на усиленную тренировку. Никола действовал в несколько этапов. Сначала расслаблялся, впуская галлюцинации, а потом внезапно обрывал их поток, резко напрягая все тело.

Закрепив первоначальный успех, он стал тренироваться стоя, а затем — прохаживаясь по вагону. Чтобы не позволять мышцам расслабиться, он ступал, не сгибая коленей, как на деревянных ногах. Изнуряющие упражнения пошли Николе на пользу хотя бы потому, что отвлекли от мрачных мыслей и помогли скоротать время.

Прошел не один час, прежде чем он вернулся к реальности. На грешную землю его возвратил голос проводника, возвестившего нужную станцию. Никола мгновенно очнулся от странного забытья, и мысли о грядущей утрате навалились на него всей своей тяжестью.

Страх и тоска нарастали, но он сумел сдержать себя, пока высаживался из поезда и забирал багаж. Мысль о том, что теперь он может управлять своими видениями и не доставит близким хлопот в час скорби, дарила какое-никакое утешение — не в последнюю очередь потому, что он так и не понял, откуда эти видения берутся.

* * *

Холод вновь подкрался к Джуке, пока она ждала приезда Николы. Подкрался незаметно, застал врасплох, когда она прибирала в доме и ухаживала за умирающим мужем. Холод грыз ее изнутри, словно червь-паразит, до поры до времени таившийся в человеческом теле.

Женщина забилась в любимое кресло Милутина, завернулась в два пледа и стала смотреть на огонь. Тепло родного очага придавало сил, но и оно не могло согреть усталое тело. Нынешняя Джука не узнавала себя. От прежней остались кожа да кости. Слабость тянула ее к земле, не давала распрямиться, и это теперь, когда ей так нужны были силы!

В иные дни Джука по-прежнему чувствовала себя достаточно

сильной, чтобы справиться с холодом. Она умела разогревать кровь при помощи специальных дыхательных упражнений, которым научилась еще в девичестве. Как любая женщина, владевшая древними искусствами, она умела погружать себя в транс, в котором все известные ей хвори проходили.

Но испытанные средства больше не действовали. Холод глодал ее кости, словно ненасытный шакал. Он шел из глубин ее души, ведь душа ее была душой дома, в котором почти истаяло тепло ее мужа.

И все равно Джука, как никогда прежде, благодарила судьбу за свое запретное ведовство. Лишь благодаря ему она все еще держалась на ногах.

Женщина знала: пока у нее есть дар, она не одна. Тайные знания, передававшиеся в ее роду из поколения в поколение и приобретенные ею самой за годы пытливого наблюдения за природой, должны были стать ей опорой в горестный час потери спутника жизни.

Для Джуки не было большей радости, чем видеть, что все вокруг источает великую жизненную силу, следить, как она струится между людьми, то притягивая их друг к другу, то отталкивая. Когда не стало Дане, их первенца, этот таинственный дар сделался для нее утешением, как христианская вера — для ее супруга.

Впрочем, у дара имелся существенный недостаток: он исчезал и появлялся когда вздумается. В это холодное утро Джука ощущала в груди гнетущую пустоту. Смерть приблизилась к Милу почти вплотную, и лишь надежда увидеть сына еще держала его на земле.

Джука твердо сказала себе, что все сложится как должно: сын застанет отца в живых, и они успеют помириться. Закутавшись в два одеяла, она на цыпочках побрела наверх проверить, как там Милу. Дверь в его спальню была приоткрыта, в комнате царил полумрак: тяжелые гардины почти не пропускали дневной свет. Зайдя, женщина первым делом зажгла на тумбочке у изголовья свечу.

От спящего исходили волны жара, образовывая вокруг его лица неровное, слабое свечение. Раб божий Милутин Тесла готовился к встрече с Господом. Душа его рвалась прочь из тела, но разум и чутье продолжали хвататься за жизнь, пока не приедет сын. Девочки уже успели проведать отца и по-своему с ним попрощаться. Чтобы отправить дочерей домой, к мужьям, Джуке пришлось прибегнуть ко лжи во спасение и заверить их, что назавтра они смогут вновь повидаться с больным.

Джука не сомневалась: ее супруг не сможет отойти с миром,

пока не увидит Николу. Единственный сын стал для Милутина Теслы горчайшим разочарованием: стоило им оказаться в одной комнате, как в воздухе повисал тяжкий дух плохо скрытой вражды. Даже матери не под силу их примирить; для нее было неслыханной радостью, если двое дорогих ей мужчин могли хотя бы тепло поздороваться.

Убедившись, что муж спит, Джука отправилась на кухню, согреть чайник к приезду сына. Возможно, и у Милу найдутся силы сделать хоть пару глотков. Еще надо позаботиться о дровах для камина. А потом останется только сидеть и ждать Николу.

Едва вода в чайнике начала кипеть, в дверь постучали. Сердце Джуки радостно встрепенулось: такую характерную дробь отбивал только Никола. Женщина бросилась открывать, говоря себе, что сын неспроста появился именно тогда, когда вскипел чайник. Возможно, то был знак, что в последние часы Милутина в семье воцарится мир.

Джука распахнула дверь, впустив в дом зябкий воздух промозглого дня, и на пороге — ужасно высокий, с потертым чемоданом — предстал ее сын. На мать Никола даже не взглянул. Он застыл на крыльце, странно сгорбившись, и внимательно разглядывал что-то у себя под ногами. Джуку напугала его странная, напряженная поза.

Решив, что мальчик слишком убивается из-за отца, мать шагнула вперед, чтобы обнять его. В ее объятиях Никола немного расслабился и дал затащить себя в дом.

Второпях обменявшись приветствиями, мать и сын поспешили наверх. Никола бережно придерживал Джуку за плечи, а та шептала сбивчивой скороговоркой:

— Не знаю, переживет ли он эту ночь. Не вижу. Я отчего-то перестала видеть. — Задержавшись у двери спальни, она добавила с горькой улыбкой: — Но материнское чутье у меня осталось, и оно подсказывает, что ему не терпится с тобой попрощаться. Вы ведь помиритесь, правда?

Никола кивнул и сжал ее руку. Джука облегченно вздохнула, ободряюще улыбнулась сыну и осторожно приоткрыла дверь.

— Иди один. — Она погладила его руку и побрела вниз, к теплу камина.

Никола глубоко вздохнул и весь сжался, чтобы не пустить с собой видения. Теперь можно было идти.

* * *

Он приблизился к кровати, сел у изголовья, коснулся желтой,

исхудавшей руки больного. Старый священник силился что-то сказать. Его слабый голос едва пробивался сквозь тяжкое, свистящее дыхание:

— Я был с тобой слишком суров, Никола. Когда умер твой старший брат…

— Дане.

— Когда твой старший брат умер, я решил вылепить из тебя его подобие. Только ты-то в чем провинился? Ты был всего лишь маленьким мальчиком, который изо всех сил старался угодить отцу, но эта задача оказалась непосильной.

— Вовсе нет, отец! Я до сих пор…

— Бог не дал тебе и половины его талантов! Я сразу понял, что ты не равен брату силой духа, но у меня оставалась надежда, что тебе передалась хотя бы толика его блестящего ума. Я закрывал глаза на твои беды. Вернее, на твою единственную беду.

— Дане ведь был так молод. Мы не знаем наверняка, как все могло обернуться…

— Твоя мать давала мне письма, которые ты присылал с учебы, все сочинения и тетрадки. Я все читал.

— Правда?! — зарделся Никола.

— А как же иначе! Я должен знать, чем живут мои дети. Ты мой сын. И всегда им будешь. — Старик надолго замолчал, собирая последние силы. Немного переведя дух, он продолжал:

— Никола, все твои записи — части единого целого. У тебя есть какая-нибудь идея? Действительно большая идея?

Никола задохнулся от восторга:

— Да! Конечно, есть! Папа, ты должен знать: хоть я и не стал ни монахом, ни священником, вся моя жизнь — служение. Я посвятил себя науке. Это моя миссия, мое призвание, дело всей моей жизни. — Он говорил страстно, убедительно, так, чтобы отец мог расслышать каждое слово и ощутить его вес. — Папа, я убежден, что силу электричества можно поставить на службу человеку! Главные открытия в этой области еще предстоит сделать, но уже сейчас… — Никола понизил голос до звонкого восторженного шепота: — Эта сила способна дать куда больше, чем банальные телефонные линии. С ее помощью можно будет передавать сообщения в любую точку земного шара. Откуда угодно куда угодно.

Несмотря на боль и слабость, отец Милутин слушал сына с напряженным вниманием. Внезапно он поднял руку.

— Так ты говоришь о мире, в котором каждый человек сможет в любой момент связаться с кем пожелает?

— Ну да! — с энтузиазмом подхватил Никола. — Пока это только теория, но я уверен, ее можно воплотить в жизнь.

— Ага, — пробормотал старший Тесла, отвернувшись к стене. — Кажется, понимаю. Правда, я надеялся услышать от тебя нечто иное.

Никола помрачнел:

— Что же?

Больной закрыл глаза и произнес очень мягко, почти ласково:

— Никола. Всем известно, как слаб человек перед лицом зла. А ты предрекаешь… Нет! Не просто предрекаешь, предлагаешь создать такую вещь! — Священник глубоко вздохнул, и продолжал, вкладывая в слова последние, предсмертные силы: — Ты предлагаешь построить мир, в котором каждое создание Божье предстанет перед другими во всей своей слабости и мерзости!

Никола растерялся. Внезапный удар пришелся в самое сердце. Мысли путались, и запертые в глубинах сознания видения рвались наружу. Он моргнул и поморщился, словно защищаясь от мельтешащей перед глазами мошкары.

Старик наблюдал сквозь полуопущенные веки, как сын до судорог напрягает мускулы, уставившись в одну точку на стене. Несколько мгновений в комнате царило молчание.

От угасающего взора Милутина Теслы не укрылось ничего. Когда он заговорил, его слова были полны отцовской любви. Голос звучал мягко, но в глазах горел недобрый огонь, а уголки губ кривила горькая усмешка:

— В тебе сидит демон.

Никола отпрянул и вскочил на ноги:

— Что ты говоришь?! Какой еще демон?!

Милутин продолжал так же мягко:

— Я все вижу, Никола! Я знаю, ты не можешь с ним совладать. Твоя мать во всем мне призналась, много лет назад. — Он через силу улыбнулся. — Она рассказала, что слышала той ночью, когда у тебя был жар. Помнишь? Тебе тогда было восемнадцать.

— Папа, — прошептал Никола, упрямо глядя в сторону. — Я думал, ты позвал меня, потому что хотел помириться.

— Помириться! — Голос отца Милутина сделался холодным и резким. — Вот что я тебе скажу: твои прожекты — это даже не безумие, это в чистом виде зло! Готов поспорить, они навеяны демоном, который тебя преследует. Этой частицей скверны!

— Нет никакого демона! — в ярости выкрикнул Никола.

Милутин сделал вид, что не услышал:

— Взгляни на себя, если у тебя осталась хоть капля свободной воли! Постарайся понять, что твои так называемые планы на самом деле — часть плана демона, который тебе является. Он вцепился в тебя в ту пору, когда начались твои

«видения». — Последнее слово священник будто выплюнул.

— Папа! — взмолился Никола. — Это было… даже не знаю сколько лет назад! И это была обыкновенная галлюцинация! С тех пор она больше не появлялась! Ни разу!

— Она?! — Глаза Милутина буравили его, будто сверла. — Ты можешь обманывать меня… ты всех можешь обманывать… Но демон все равно возьмет свое. Избавься от зла, сын, хоть раз в жизни поступи как должно…

Дыхание умирающего стало прерывистым и хриплым. В лице промелькнул ужас. Милутин откинулся на подушку и начал стремительно бледнеть. Взгляд остановился и погас. С губ сорвался предсмертный вздох.

Никола прижал руку ко рту, чтобы подавить крик. Дверь спальни была плотно закрыта, и Джука не слышала последних слов своего мужа.

* * *

За три дня, прошедшие с тех пор, как Милутин Тесла отошел в мир иной и был погребен под сенью церковной колокольни, Джука не раз принималась расспрашивать сына о последних минутах мужа. И хотя она сама уступила Николе место у смертного одра, от мысли, что они с мужем не успели попрощаться, ей делалось невыносимо горько.

Никола послушно пересказывал матери последний разговор с отцом, прилежно повторяя каждое слово. Благодарная улыбка, с которой Джука внимала истории прощения и примирения, согревало его сердце. Женщина упивалась глубиной и мудростью слов, сказанных мужем на смертном одре, а особенно — благословением, которое он успел послать супруге и дочерям. Эту историю Никола готов был повторять снова и снова.

Когда заупокойная служба завершилась и родственники усопшего медленно побрели к дому, Джука нагнала сына, взяла за руку и произнесла, понизив голос:

— Знаешь, он хотел бы, чтобы ты учился дальше.

— Непременно, мама, но это терпит, — мягко ответил тот. — Я собираюсь найти работу, как только окончу курс, и буду присылать тебе деньги.

— Хочешь помочь бедной вдове? Мне будут платить пенсию за твоего отца.

— И очень хорошо! Но если у меня появятся деньги, я смогу забрать тебя к себе. А если ты, не дай бог, заболеешь, найду тебе лучших врачей и лекарства.

Джука остановилась и ласково потрепала сына по щеке:

— У меня пока что есть дом. Неужели ты думаешь, что я его брошу? — Она лукаво улыбнулась. — Что-то мой мальчик уж больно смахивает на молодого человека с разбитым сердцем. Ты хочешь уехать, чтобы вдали залечить любовные раны?

— Нет! — возразил Никола. Слишком поспешно и слишком горячо. — Нет.

— Ладно, — отозвалась Джука, поглаживая его ладонь. — Ладно, как скажешь.

Джука вновь зашагала по тропинке, заключив на ходу:

— Душевные раны не лечатся расстоянием. Где бы ты ни очутился, разбитое сердце никуда не денется.

Глава пятая 1881 Два года спустя Будапешт

Неуемное рвение новичка, готового самоотверженно трудиться хоть целые сутки, вызывало у остальных работников суеверный ужас. Когда бы они ни приходили на службу, во сколько бы ни уходили домой, Никола Тесла всегда был на месте и всегда при деле. Сослуживцы недоумевали, когда же он спит.

Вскоре коллеги стали замечать, что, когда отделению удается сделать хотя бы крошечный шажок к намеченной цели, Тесла забивается в угол, отворачивается от всех и чудовищно напрягает плечи и спину. А возвратившись к реальности, он передвигался с величайшей осторожностью, словно с ношей на голове.

Проделав это нелепое упражнение, Тесла садился за чертежи. И они почти всегда выходили безупречными. Да что там: они всегда выходили безупречными. Тесла обходился без черновиков, хотя некоторые схемы требовали точности вплоть до миллиметра. Подготовив чертеж, он помогал инженерам изготовлять по нему детали, стараясь получить самые сложные и ответственные задания.

Забыв предупреждение профессора Пешля о том, что не стоит выставлять умных людей дураками, Никола с головой погрузился в будоражащий воображение мир современной техники, даже не пытаясь вникнуть в хитросплетения конторских интриг. Прочие связисты не могли похвастать столь блестящими успехами, а потому стали поглядывать на новенького косо. Пойди пойми, как он проделывает эти свои фокусы!

Кое-кто из сослуживцев попытался втереться к Тесле в доверие, чтобы вызнать его секреты, но оказалось, что обычные способы завязать дружбу на него не действуют. Ни лесть, ни выпивка не помогали. Никола умудрялся говорить о технике даже в пивной, не теряя ни здравомыслия, ни связности речи.

Тесла охотно обсуждал с коллегами работу отделения, делился соображениями, как сделать ее еще эффективнее, но не более того. Он вечно был занят и не желал отвлекаться на разные глупости вроде пары кружек пива в веселой компании.

Столь немыслимая работоспособность в сочетании с поистине фантастическим упрямством, несомненно, была нелепой и предосудительной. Надо было отучить молодого выскочку трудиться без перерыва — но сначала вызнать, как это ему удается.

Над созданием телефонной станции Никола Тесла работал

восемь месяцев, а на девятый месяц свалился от переутомления. И сослуживцы вздохнули с облегчением.

* * *

Никола валялся в постели в своей тесной будапештской квартирке и чувствовал себя так, будто бурлящий горный поток нес его по камням. Симптомы поразившего его недуга больше всего напоминали инфлюэнцу. Сначала Тесла решил, что через пару дней сможет вернуться на работу. Но ему становилось все хуже.

Жар начался на второй день. К вечеру он сделался таким сильным, каким не бывал еще ни разу, если не считать того ненастного вечера в отцовском доме.

Когда в окне показалась луна, Никола подумал, что нынешняя ночь как две капли воды напоминает ту, а значит, годится для видений. Не пришло ли время выяснить, возможно ли пережить такое снова?

А почему бы и нет?

Действительно, почему бы и нет? Никола отбросил одеяло, вскочил, распахнул окно, подставил грудь холодному воздуху и, нагой, снова рухнул на влажные простыни. Пусть лихорадка пожрет его живьем.

И лихорадка не заставила себя ждать; через несколько минут он начал задыхаться. Из легких с каждым выдохом вырывался пронзительный звук, будто несколько человек взялись свистеть в унисон. Вообразив эту сцену, Никола не удержался и хихикнул. Подобная неосмотрительность обошлась ему в минутный приступ кашля. Приподнявшись на локтях, больной ловил ртом воздух. В голове у него отдавались удары гигантского молота.

Мир вокруг менялся на глазах. Теперь под черепом Николы мерно тикали дедовские ходики, хотя он прекрасно знал, что это его собственные наручные часы, оставленные на прикроватной тумбочке. Обычно тусклый свет газовой лампы теперь невыносимо бил в глаза. Это была агония. Как раз то что нужно.

Новый приступ кашля едва не вышиб из больного душу. Перед глазами заплясали серебряные искры. Еще миг, и комната потонула в серебристом сиянии.

Николе казалось, что он — осенний лист, подхваченный яростным ветром. Это упоительное, головокружительное чувство было сродни самой сладостной любовной неге.

Стены тесной комнатенки расступились, сон и явь слились воедино. «Если это смерть, значит, так тому и быть», — то ли

подумал, то ли произнес вслух Никола. А возможно, выкрикнул во всю мощь своих легких.

— НИКОЛА! — услышал он в ответ голос Карины.

Тесла открыл глаза, но вокруг стояла непроглядная тьма. Он то ли плыл в теплых водах, то ли парил в теплом воздухе. Боль прошла. Жар спал, страх улетучился. На место горькой тоски пришло умиротворение.

Перед ним стояла Карина. В комнате по-прежнему было темно, но Никола отчетливо видел девушку, словно свет исходил от нее самой. Мягкий, приятный для глаз.

— Сработало! — прошептал Никола чуть слышно. Или только подумал: он не помнил, чтобы его губы шевелились. Но главное, главное, главное… Карина пришла снова, впервые за десять лет. Видение было бледным и полупрозрачным, сквозь него проглядывала темнота, и все же в нем нельзя было не узнать прежнюю Карину.

Девушка совсем не изменилась, все та же школьница из маленького городка. Правда, наряд на ней был иной. Никола видел такой костюм на одной моднице в дорогом ресторане. Он был изящен и прост: не стесняющая движений юбка и блуза с длинным рукавом.

Карина игриво провела кончиком пальца по его щеке. Ее прикосновение было как дуновение прохладного ветерка, а голос звучал нежно и тихо:

— Это только сон. Не бойся. Не мешай мне.

Но Николу передернуло от страха.

Здесь что-то было не так, что-то в высшей степени ненормальное было в призрачной женщине, которая спешит сообщить, что она ненастоящая. Карина и прежде являлась бывшему учителю в сновидениях, то четких и подробных, то смутных и хаотических, но у девушки из сна не было ничего общего с призрачным существом, что сейчас стояло подле него.

Инстинкт подсказал безотказный способ развеять морок: мышечное напряжение. Собрав все силы, Никола попытался изгнать Карину из сознания. Как ни странно, ее образ и вправду стал бледнеть.

Но перед тем как раствориться в темноте, девушка протянула руки и приложила кончики пальцев к вискам Николы. Ослепительная вспышка ознаменовала мощный выброс энергии.

Перед глазами Теслы закружился целый рой удивительных, проработанных до мельчайших деталей, незнакомых человечеству машин. Видение было столь зримым, а выброс энергии столь мощным, что он почувствовал себя листом, угодившим в водоворот. Перед глазами вновь заплясали серебряные искры, но

теперь каждая искорка превращалась в крошечную серебристую машинку.

Каждая звучала по-своему и каждая, как догадался Никола, имела собственное предназначение. О том, чтобы выхватить хоть что-то из бурлящего потока новой информации, не приходилось и думать. Машин становилось все больше, их безумный хоровод кружился все быстрее.

Ужас накрыл Николу с головой, словно черная вода утопающего. Тесла собрал последние силы, чтобы вытолкнуть из сознания навязчивую галлюцинацию. И жуткие видения стали медленно, постепенно отступать. Что-то происходило. Что-то неуловимо менялось…

Никола открыл глаза.

Оказалось, что он лежит в своей постели. Ночь едва перевалила за половину. Карина, кем бы она ни была, исчезла. Жар спал, и порожденные им странные симптомы пропали. Как и в прошлый раз, виной всему была лихорадка.

Однако крошечные танцующие машинки никуда не делись. Никола был слишком потрясен, чтобы удивиться еще и этому. Пережитое почти лишило его воли.

Тесла был опустошен, но азарт и упоение увиденным не давали ему забыться. Серебристые машинки — словно приснившиеся сокровища, что остались в руках после пробуждения. Никола решил, что обдумает все это позже. Первым делом надо было свыкнуться с новыми видениями, приручить их.

Будь серебристые искры проделками сатаны, признаком душевного недуга или щедрым подарком судьбы, пренебрегать ими не следовало. Никола попытался мысленно разобрать на части первую попавшуюся машину и убедился, что ее конструкция безупречна. Перед ним лежали все до единого элементы, деталь к детали. Внимательно рассмотрев их, Тесла с изумлением обнаружил, что невиданное устройство состоит из давно известных компонентов, причудливым образом соединенных. Разгадки самых заманчивых тайн мироздания, ключ к доселе скрытым от человечества знаниям — все это оказалось в его власти, на расстоянии вытянутой руки. Немыслимое открытие не просто поразило Теслу: оно словно перевернуло вверх тормашками, взбаламутило и вынесло на поверхность то, что молодой человек прятал от самого себя на дне души.

Недаром покойный отец говорил о дьявольских кознях. Недаром у Карины были такие ледяные пальцы, когда она коснулась его щеки. Возможно, всему виной именно бесовское наваждение, но при воспоминании об этом мимолетном касании Николе хотелось стонать от наслаждения. В мире не было ничего

слаще этой муки. Она томила, влекла, не отпускала.

Глава шестая Год спустя Новая Телефонная компания Будапешт

Четыре инженера Телефонной компании Будапешта собрались в укромном уголке, чтобы составить заговор против пятого: Николы Теслы. О конспирации никто из них особенно не заботился.

— Так вот, — начал главарь заговорщиков. — Я говорил с клерком, который был вчера на собрании городского совета: увольнять Теслу они не станут.

— Кретины! Его не было две недели! Где это видано, чтобы столько болели!

— Помните оператора, который проболел четыре дня и потерял работу?

— Ага, — согласился главарь. — И Тесла должен был отправиться за ним. Но они стали говорить, что он уже вышел и вкалывает пуще прежнего.

— Да, а еще он изобрел эти ретрансляторы для усиления звука.

— Эй! Ты на чьей стороне? Подумаешь, достижение! Это и студент сумел бы.

— Сумел бы подготовить детали. А собрать их вместе… Не знаю, не знаю…

— Значит, по-твоему, этот выскочка должен сохранить место? Блистать за наш счет?

— Я ничего такого не говорил.

— Послушай-ка! Клерк сказал, что они уже готовы были выкинуть Теслу ко всем чертям, но в последний момент решили, что он «слишком ценный сотрудник». Заметь, его почти выгнали! И не из-за двухнедельного пропуска, а потому, что на него очень много жалоб.

— Вот именно! Люди его попросту боятся!

— После болезни стало только хуже.

— Теперь уж точно все заметили.

— Попробуй не заметить, когда он весь вдруг съеживается и замирает!

Заговорщики дружно хмыкнули, припомнив диковинную картину.

— А если этого мало, погляди, как он вышагивает на прямых ногах, точно несет на голове бутылку. Это зрелище тебя точно доконает.

И все четверо от души расхохотались, до крайности

довольные собой и кодексом поведения на рабочем месте, который они сами только что учредили. Мысль о собственной удали заставила их рассмеяться еще громче. Приятно было ощутить причастность к нерушимому братству собутыльников посреди рабочего дня.

— Надо бы разузнать про Теслу что-нибудь еще. Что-нибудь поистине возмутительное.

— Или что-нибудь порочащее репутацию компании.

— И всего-то надо немного за ним последить. Рано или поздно он вытворит нечто такое, после чего ему сразу укажут на дверь.

Один из приятелей поглядел на часы.

— Через полчаса перерыв на ленч. Куда он обычно ходит?

— Гулять со старым другом, с тех пор как вернулся. Это у них называется «оздоровительные прогулки».

— С Анталом Жигети. Я его знаю. Он помешан на гимнастике. Вбил себе в голову, что Теслу нужно во что бы то ни стало привести в форму после болезни.

— Значит, Жигети придется убить!

Последовал новый взрыв хохота, затем наступила тишина… Через пару секунд заговорщики обнаружили, что одновременно погрузились в раздумья и сочли этот факт очередным поводом для бурного веселья.

— Для начала за ними надо бы проследить.

— Точно! На улице Тесла наверняка чувствует себя свободнее и может… может…

— Может что?

— А я почем знаю? Какая разница! Надо использовать все подручные средства, чтобы от него избавиться.

— Ну, за этим дело не станет. Наш Тесла давно нарывается.

— Я прослежу! — вызвался один инженер, желавший выслужиться перед товарищами.

— Когда?

— Что значит когда? Сегодня! Как только он отправится гулять с этим своим Анталом как его там…

— Анталом Жигети. Постарайся запомнить, пригодится, если придется с ним заговорить.

— Зачем? Спросить, не возражает ли он против слежки? — Заговорщик рассчитывал, что приятели поощрят его дружным смехом, но те хранили выжидательное молчание. Он смущенно заключил: — Ладно, только прослежу за ними, и все.

— Не подходи слишком близко!

— И не упускай их из виду! — добавил главарь. — Понаблюдай, как Тесла себя ведет наедине со своим спортивным

дружком.

— И учти, что бы ни случилось, виноват будет…

— Виноват! Разумеется!

— Записывай все, что он станет делать.

— Но только если это будет нечто… Ну, ты сам понимаешь.

— Что нечто?

— Нечто подходящее.

— А как я пойму, что оно подходящее?

— Тогда записывай все.

— Вообще все?

— Все подходящее.

И четыре клерка обменялись заговорщическими ухмылками, словно шайка разбойников, сплоченная тайным знанием. Окончательную договоренность скрепили молчаливыми кивками.

Еще минута, и зал для тайных переговоров опустел.

* * *

Двое молодых людей бодро шагали по аллее городского парка, помахивая тяжелыми деревянными дубинками размером с кегли. Долговязый и длинноногий Никола пытался идти в ногу со смешным коротышкой Анталом Жигети, но все время отставал. Несмотря на одышку и усталость, он старался поспевать за другом, не теряя нить разговора. Слова помогали ему сохранять напряжение.

— Учиться контролировать собственные мышцы все равно что осваивать игру на музыкальном инструменте. — Никола засмеялся. — Сначала кажется, что это невозможно, но немного практики, и…

— Дыхание. Не забывай о дыхании. Не представляю, как можно дышать глубоко и ровно, болтая без умолку.

— Взять те же ретрансляторы. Все говорят, что я их изобрел, но, Антал, на самом деле я всего лишь воспроизвел действующую модель из своих видений! — Тесла снова засмеялся и немного прибавил шагу.

Антал продолжал как ни в чем не бывало:

— Пока ты не начнешь правильно дышать, считай, что платишь мне зря. Выше грудь! Ты вообще хочешь восстановиться после своей пневмонии или нет?

Никола вновь весело засмеялся:

— Ну да, разумеется! Ты совершенно прав! Я просто жажду восстановиться, уж будь уверен. Силы мне понадобятся. Впереди столько работы! В конторе мне поговорить не с кем. Ты не

представляешь, как тяжко все время держаться в тени, чтобы никого не обидеть…

— Погоди минутку. Так ты нанял меня только для того, чтобы было кому поведать свою историю?

Никола немного подумал над ответом:

— Пожалуй, нет, хотя не скрою, если бы мне не удалось ни с кем поделиться, я бы, наверное, умер! — Он бросил дубинки на землю, раскинул руки и принялся дышать глубоко и ровно.

— Ладно! — махнул рукой Антал. — Я в этом ничего не смыслю и не могу сказать, есть у тебя дар или нет. Из того, что мне довелось услышать, ты либо безумец, либо гений. И как это понимать? Ты просишь меня помочь тебе привести в порядок легкие, а сам болтаешь без умолку и меня не слушаешь. Я захлебываюсь в твоем потоке!

— Поток? — Никола пришел в восторг. — Точно! Поток! Понимаешь? Эти видения как бесконечный поток, их невозможно остановить! — Он опять рассмеялся, легко и радостно.

— Хорошо, пускай поток. Вот только чего ради мы здесь торчим? — проворчал Антал. — Ты что, решил устроиться на ночлег?

— Ты еще самого главного не слышал, Антал! Обычно я понятия не имею, что за прибор передо мной и для чего он нужен, но все равно могу разобрать его на части и снова собрать. Ты меня слушаешь? — Никола немного подождал и продолжил, уже шепотом: — Я не должен создавать новые приборы, пока не пойму, как они работают. Я беру то, что есть, и позволяю этой силе всему меня учить!

— Никола, будь мы сейчас на лекции по физике, ты, по обыкновению, смог бы превратить эту невнятицу в блестящий доклад, однако…

— Неужели такое бывает, Антал? — спросил Никола, вдруг сделавшись серьезным. — Тебе приходилось слышать о чем-то подобном? О видениях, у которых можно учиться? За этим ведь необязательно должно скрываться нечто демоническое? Как ты думаешь?

Антал со вздохом зашвырнул свои дубинки в траву:

— Ладно! Сдаюсь. Ты победил. На что только люди не идут, чтобы отлынивать от гимнастики… — Жигети воздел руки к небу и возопил: — Этот дохляк одолел меня!.. Тебе повезло, что я умею общаться с лунатиками, — продолжал он, повернувшись к Николе. — Тоже своего рода дар. Но тебе, мой друг, надо успокоиться. Как следует нагрузить тело, а мозгам дать отдохнуть.

Взгляд Антала упал на продавца бутербродов,

расположившего со своей тележкой под раскидистым деревом.

— Между прочим, нам давно пора перекусить. Давай-ка поищи дубинки, а я постараюсь разжиться у почтенного торговца чем-нибудь таким, что можно съесть, не рискуя снова оказаться на смертном одре.

— Я могу принести их сюда…

— Не вздумай! Пусть лежат где лежат. Стой возле них. — Антал был уже на полпути от Николы до тележки.

Чуть поодаль прогуливался меланхоличного вида субъект, задумчиво рассматривая разноцветные листья под ногами. Этот поэтически настроенный персонаж слишком сильно жаждал снискать расположение коллег из Телефонной компании и чересчур увлекся игрой в шпионов. Увидев, что Антал направляется к тележке, он пошел было за ним, но обнаружил, что Николы нет рядом, и в растерянности остановился, словно угодив в ловушку. Застигнутый врасплох, горе-лазутчик стал неуклюже пятиться к наблюдательному пункту в тени деревьев, но тут же сообразил, что такой маневр может показаться подозрительным, а стало быть, к преследуемым придется хотя бы ненадолго повернуться спиной. Шпион украдкой огляделся по сторонам; в аллее не было никого, кроме Николы Теслы, главного предмета наблюдения, который как ни в чем не бывало разминался на краю лужайки.

Шпион решил рискнуть. Он развернулся и начал медленно двигаться в сторону деревьев, упрямо глядя себе под ноги, словно его внезапно заинтересовала растущая в парке трава. Главное — никакой спешки.

Если бы начинающий лазутчик посмотрел назад, он обнаружил бы, что Тесла застыл на месте, вперив ошеломленный взгляд в пустую прогалину между стволами.

— Возможно, я ошибаюсь… — произнес женский голос.

Никола резко обернулся, зажмурился, открыл глаза и застыл на месте, не в силах пошевелиться, боясь вздохнуть. Перед ним, на фоне деревьев, появилась Карина. Она (или то, что приняло ее облик) стояла, уперев руки в бока, и насмешливо смотрела на Теслу.

На этот раз она (или оно) была укутана в белую дымку и выглядела старше. Ее черты сделались резче, определеннее, будто обрели завершенность. Теперь красота ее стала безупречной.

— Но мне показалось, — продолжала Карина, — что ты готов сдаться. Это ведь не так, правда?

Очарованный Никола не сводил с девушки глаз, хотя непрошенная мысль о дьявольском искушении продолжала точить его изнутри. На этот раз видение никак нельзя было

списать на симптомы лихорадки. Но вот знакомая томительная нега, вытесняя страх, разлилась по телу, дернула нервные окончания. Наслаждение сменилось вожделением, еще более острым, чем прежде, но едва Никола шагнул вперед, Карина зашла за дерево и пропала.

Чары рассеялись, и Никола попятился назад. Он хотел броситься наутек, но не смог: ноги сделались ватными. Хотел закричать, но крик превратился в едва различимый сдавленный шепот. Хотел замолчать, но какие-то бессмысленные слова срывались с губ сами собой. Никола попытался собраться с мыслями.

Но тут голос Карины послышался снова:

— Ты бросаешь мне вызов, Никола?

Сколько искушения было в этом голосе!

Никола открыл глаза и увидел Карину, которая превратилась в женщину лет пятидесяти. Ее лоб прорезали глубокие морщины, в волосах появились седые пряди. Одета Карина была в модный костюм для прогулок, которому позавидовала бы любая элегантная дама.

У Теслы подогнулись колени. Он покачнулся, но сумел устоять на ногах.

— Ты не настоящая, — выдавил Никола, стараясь не стучать зубами.

— Ты споришь с галлюцинацией?

— …Это наваждение! Ты умерла! Я здоров, у меня не может быть галлюцинаций.

— Это Карина умерла!

— Не важно! Ты все равно не настоящая!

Карина молча смотрела Николе в глаза и глумливо улыбалась. Внезапно она глубоко вздохнула и провела кончиком пальца по его щеке.

Перед его взором возник фейерверк нестерпимо ярких искр. Тесла с воем рухнул на колени. Сияющая пелена рассыпалась мириадами светлячков, крошечных сгустков энергии. Когда глаза Николы немного привыкли к нестерпимому блеску, он понял, что его источает только живое, все без исключения живое.

Трава превратилась в светящийся ковер. Вокруг небольшого кустика образовался серебристый ореол. Растущее неподалеку дерево лучилось, переливалось и осыпалось искрами.

Никола скорчился на земле, спрятав лицо в ладонях, стараясь укрыться от всепроникающего света. Вихрь немыслимых, противоречивых видений грозил разорвать ему мозг. В голове Теслы роилось множество мыслей, вспыхивали, словно молнии, самые безумные идеи, но один вопрос затмевал все остальные.

— Где ты была? Милостивый боже, столько лет! Где ты была? Почему ты так долго не приходила?

— Почему ты не подпускал меня к себе? — Голос Карины послышался совсем близко, точно она шептала ему на ухо.

— Не ври! — выдохнул Никола. — Почему ты меня бросила?

Слова Карины были кроткими, но в голосе звенел металл:

— Твой страх оттолкнул меня. Твой страх не давал мне приблизиться. Ты этого боялся?

Смотри!

Никола открыл глаза, но Карины не увидел. Зато увидел древесный ствол, увитый сверкающим покровом энергетического поля. Видение дрожало и раздваивалось, так что Никола даже решил, будто у него двоится в глазах. Вскоре одна из представших взору картин начала меркнуть, другая же становилась все ярче и живее. Освободившееся видение надвинулось на Теслу, зависло у него над головой и внезапно принялось вращаться с бешеной скоростью, со свистом рассекая воздух.

Прежде чем Никола успеть испугаться или удивиться, водоворот энергии вдруг прекратил вращаться. На краткий миг воцарилась гробовая тишина, и гигантский столб света тут же начал вращаться в обратном направлении, стремительно набирая скорость.

Увиденное потрясло Николу до глубины души. Доказательство! Все, чего он достиг и на что рассчитывал в будущем, разом утратило ценность. Доказательство! Сам себя не помня, Тесла рухнул навзничь и заорал что есть мочи: «Доказательство!» Он валялся в траве, раскинув руки, и выкрикивал в осеннее небо: «Доказательство! Доказательство!»

Карина не была игрой его больного воображения, она существовала в реальности, как существовало и принесенное ею знание, слишком сложное и глубокое, чтобы он мог додуматься до такого сам. Теперь, кроме неясных видений и туманных образов, она оставила неоспоримое доказательство: водоворот света у него над головой.

Вот она, связь энергии и материи. Явная и нерушимая. Доказательство существования незримых сил, управляющих зримым миром. Недостающая часть мозаики с металлическим лязгом встала на свое место.

Переменный ток — не гипотеза и не выдумка, он действительно существует. Ведь если электрический заряд все время меняется с положительного на отрицательный, поле между двумя магнитами будет постоянно вращаться. Такое поле образуется вокруг любого твердого предмета, в структуре

которого есть хоть немного железа. Если закрепить этот предмет на конце металлической оси, его поле можно будет разогнать до любой скорости, какую только способен выдержать материал, и использовать для работы какого угодно прибора.

Ведь магнитное поле способно вращаться без остановки, не вызывая трения, совсем как сверкающий водоворот в небесной выси.

Счастливое возбуждение охватило Николу, завладело им, лишив воли и разума, превратило в живую марионетку, пляшущую на ниточках чистейшей радости.

Он не знал, вправду ли кричит от восторга или чей-то ликующий голос звучит в его душе. Магнитное поле управляет физическими предметами так же, как разум движет человеческим телом.

Раскаленные угли, уже который день терзавшие желудок Николы, начали потихоньку остывать. Молодой человек смеялся от облегчения: сколько лет он считал свои удивительные прозрения и дерзновенные идеи то ли наваждением, то ли обыкновенным сумасшествием.

Тесла понятия не имел о том, что из-за деревьев за ним, дивясь и потешаясь, наблюдает весьма довольный своим открытием лазутчик. Он не заметил, как перепуганный Антал Жигети, роняя только что купленные бутерброды, кинулся поднимать его с земли. И уж точно не видел, как сделавший свое дело шпион Телефонной компании опрометью ринулся в контору, чтобы поделиться с сообщниками грандиозными новостями.

Глава седьмая На следующий день Телефонная компания Будапешт

Чужие голоса вились вокруг него рассерженным роем.

— Господин Тесла, неужели вы не понимаете, что городской совет оказал вам огромную честь?

— Неужели вы совсем не обрадовались?

— Да любой на вашем месте прыгал бы от восторга!

— Мы все прыгали бы, все до единого!

— А я бы вообще до потолка подпрыгивал! — внес свою лепту доморощенный лазутчик. Теперь он говорил как человек, уверенный, что его слова имеют вес. Все пятеро представителей городского совета важно кивали.

— Господа… — Никола помолчал, собираясь с мыслями. — Я, разумеется, польщен, однако…

— Однако?! Прежде чем говорить «однако», имейте в виду, что глава городского совета предложил вашу кандидатуру под свою личную ответственность.

— Да тут и думать нечего!

— Все ждут вашего ответа.

— Только представьте: сам глава городского совета стоит посреди улицы, словно какой-нибудь мальчишка, и ждет, когда вы соблаговолите принять решение. Это для вас хоть что-нибудь значит?

— Я все понимаю, господа, но видите ли, моя мать осталась совсем одна, а Париж очень далеко. Не думаю, что она решится на переезд.

— М-м-м… Ну да, здесь вы правы.

— Ваша матушка весьма несговорчивая особа, позвольте заметить.

— Что это значит?

— Мы связались с ней еще вчера.

— Вы говорили с моей…

— Один из наших клерков съездил к госпоже Тесле, чтобы сообщить ей, какой чести удостоен ее сын.

— Ваша матушка вами гордится!

— Но вы совершенно правы: ехать она категорически отказывается.

— Даже за счет компании!

— Тем не менее госпожа Тесла от всей души желает, чтобы вы преуспели на новом поприще, о чем непременно сообщит в письме. Наш человек был бы рад привезти его с собой, но ему

необходимо было экстренно возвратиться.

— А написание письма, очевидно, заняло бы определенное время.

— Господа, но как вы могли связаться с моей матерью, не предупредив меня?! Мама…

— Да бросьте, господин Тесла! Хватит притворяться! Скажите честно: вы добиваетесь повышения жалованья?

Никола отвернулся, опустил веки и слегка наклонился вперед, напрягая мускулы. Затем глубоко вздохнул, выпрямился и повернулся к собравшимся так медленно и осторожно, будто держал на голове бутылку. Члены городского совета недоуменно переглянулись.

— Господа, я ничего не добиваюсь! Боюсь, что решение руководства стало для меня несколько… э-э-э… неожиданным…

— Выбор руководства пал на вас. Помимо всего прочего, вам выпал шанс сменить нашу заштатную контору на Континентальную компанию Эдисона в Париже. Звучит неплохо, не правда ли?

— Точнее, в Сен-Жермен-де-Пре.

— В должности консультанта. Не какого-нибудь там клерка.

— То есть можно почти не работать!

Члены городского совета с готовностью рассмеялись: судя по всему, возможность не работать представлялась им весьма привлекательной.

— Да нет, еще лучше! Это все равно что почти не иметь работы!

Мысль о том, чтобы вовсе не иметь работы, понравилась представителям магистрата еще больше.

— Право, господа, мне незачем отлынивать от работы. Как раз наоборот…

— Вы загоните себя до смерти, сударь! — Старшему из городских чиновников надоело ходить вокруг да около. — Постарайтесь уяснить: мэр задействовал влиятельные структуры — весьма влиятельные, — чтобы обеспечить вам престижную должность. В Париже!

— Но почему?

— Потому что компании Эдисона необходимо в кратчайший срок заменить неисправные генераторы, а вы — весьма толковый инженер.

— Но зачем вам понадобилось делать все это втайне?..

— Мы не могли допустить, чтобы вы совали свой не в меру длинный нос в это дело. Если бы вы явились в ратушу и публично оскорбили нашего градоначальника…

— Да мне бы в голову не пришло его задеть! Не то что

оскорбить…

— Вот и хорошо! Постарайтесь разобраться с делами до конца недели. Парижский поезд отходит в субботу. К своим новым обязанностям вы приступаете в понедельник.

— В этот понедельник?!

Все конторские подхалимы заговорили разом:

— Вот ваши рекомендации.

— Прочтите, если хотите.

— Вас превозносят до небес.

— Смелее! С таким рекомендательным письмом не нужно никакой волшебной палочки.

— Оно откроет вам любые двери!

— Сезам, откройся! — Подал голос шпион-самоучка, наслаждавшийся только что обретенным весом в обществе. Собратья-заговорщики отметили его незатейливую шутку снисходительными смешками.

Никола не без труда вырвался из конторы Телефонной компании и нырнул в лабиринт узких улочек старинного Будапешта. Его переполняли гнев и тревога, тщетно искавшие выхода, а вечерние прогулки по набережной Дуная неизменно действовали на него самым благотворным образом. В тяжелых раздумьях или предаваясь мечтам, он исходил окрестные кварталы вдоль и поперек, и подошвам его башмаков была знакома каждая щербинка на брусчатке тротуаров. А уж добраться от работы до дома сумел бы и в полной темноте.

Эта способность пригодилась Тесле в тот же вечер. Ошеломленный вестью о переводе в Париж, он утратил власть над загнанными в угол видениями. И те не заставили себя ждать. Они появлялись из-за стен домов и спин прохожих, приобретали небывалые очертания, соединялись в невиданные фигуры. И каждый объект, каким бы причудливым он ни казался, имел особое предназначение. Видения окружили Николу со всех сторон, словно расшалившиеся ребятишки, требующие, чтобы с ними поиграли. Реальный мир отступил под их натиском.

Тесла спохватился слишком поздно. Он не заметил, как оказался на проспекте Виктора Гюго, в одном квартале от левого берега Дуная. Должно быть, он бродил по городу очень долго, ведь солнце, совсем недавно едва перевалившее зенит, теперь клонилось к горизонту. Никола не на шутку перепугался. Где же шатался столько времени? И что успел натворить? Ответ был один: отправляйся в Париж! Ты нужен в Париже.

Жившие в душе Николы демоны злобно посмеивались. Ничего подобного, просто ты не нужен здесь. Сумасшедшего надо отослать подальше, чтобы не мозолил глаза городскому совету.

«Возможно, все дело в ретрансляторах, которые я изобрел. Звук лучше, а затрата энергии меньше. Быть может, в компании Эдисона надеются, что я придумаю для них нечто подобное».

Они делают то, что им велели.

«Неправда! Просто нашлись те, кто по достоинству оценил мои способности».

Просто люди тебя боятся. Не знают, что ты выкинешь в следующую минуту.

«Я никогда не давал окружающим повода так думать».

Ты опорочил себя в глазах коллег своим нелепым поведением!

— Нет! — выкрикнул Никола. Торговец фруктами, с лотком которого он поравнялся, выронил из рук румяное яблоко.

Твой демон воняет. Ты не обоняешь смрада, но остальные его отлично чувствуют.

«Никто никогда мне не говорил…»

А с какой стати им с тобой откровенничать?

«Довольно!» — Никола обхватил голову руками, но продолжал идти. Он даже не подумал замедлить шаг.

Почему бы им просто от тебя не избавиться? Потихоньку.

Никола застыл на месте и тревожно огляделся по сторонам. Он готов был поклясться, что слышит голос умершего отца, улавливает его больное дыхание. От этого кошмара надо было избавиться, пока не поздно.

Тесла вдруг заметил, что стоит на набережной, у низкого каменного парапета. Прохожих было немного, и в его сторону никто не смотрел. Никола разделся, снял ботинки, аккуратно сложил вещи прямо на мостовой, перемахнул через ограду и бросился в ледяную реку. Пронизывающий холод очищал мысли и разгонял страхи. Никола рассекал воду энергичными гребками.

Теслу охватило блаженное состояние свободы и покоя. Стоит ли тратить силы на бессмысленные интриги и досужие сплетни, в которых нет ни толики правды? Если трезво посмотреть на вещи, в Будапеште ему и вправду больше нечего делать.

Никола устремился к берегу, стараясь преобразовать назойливые и бесполезные мысли в телесную силу. Его хватило на то, чтобы спокойно выбраться из воды и натянуть на мокрое тело сухую одежду.

Никола сориентировался на местности: до его дома было меньше километра. Тесла двинулся быстрым шагом, чтобы разогнать кровь и согреться. Впрочем, вулкан спал недолго. Видения выскакивали из-за угла, парили над крышами, клубились у тротуаров. Надо было успеть добраться домой, пока тающая на ходу ясность мысли не испарилась окончательно, а

ноги не забыли дорогу. Вопреки обыкновению, Никола то и дело напоминал себе о времени, сверяясь с собственными внутренними часами.

Так он прошагал целый квартал, но видения не отставали, они роились возле каждого встреченного на пути предмета. Тесле требовалось немало усилий, чтобы отличить реальность от иллюзии. Он брел по краю тротуара словно во сне.

Что ж, по крайней мере, на этот раз сон не был кошмаром. Яркие живые видения дразнили и звали за собой, а еще напоминали о Карине, кем бы она ни была.

Но и в светлых грезах ничего не стоило потеряться. Чтобы добраться до дома, не утратив связи с реальным миром и не угодив в передрягу, требовалась недюжинная сила воли.

Лавина видений накрыла Теслу с головой, едва он переступил порог своей квартиры, но перед этим он успел в последний раз свериться с внутренними часами и определить, что дорога от набережной до дома заняла четыре минуты четырнадцать секунд.

Глава восьмая Две недели спустя Сен-Жермен-де-Пре Париж

Внушительная вывеска на фасаде здания провозглашала: «La sociCtC Edison Continental».

Никола явился на встречу скромно одетым, но решительно настроенным. Чтобы отыскать кабинет начальника, ему пришлось преодолеть целый лабиринт запутанных коридоров. Оказавшись у двери с надписью «Морис Бодлер, управляющий», Никола деликатно постучал.

Управляющий Бодлер, толстяк лет пятидесяти, восседал за огромным столом. При виде Николы он неприязненно поморщился и протянул руку за рекомендательным письмом, всем своим видом демонстрируя крайнюю степень раздражения. На голове мсье Бодлера зияла внушительная лысина, которую он тщетно пытался замаскировать остатками волос. Тонзура самообольщения венчала сто семьдесят пять килограммов необъятной, желеобразной злобы. Триста восемьдесят пять фунтов, машинально перевел Никола.

Тесла терпеливо ждал. Висевшую в комнате тяжелую тишину нарушал только звук капающей воды.

Кап… кап… кап…

Никола держался очень прямо, будто аршин проглотил. Управляющий Бодлер проворчал по-французски:

— Чем старше я становлюсь, тем мельче у людей почерк, — и снова уткнулся в письмо. — Скверная шутка, — проговорил он, подняв глаза на Теслу. — Скверная и опасная.

Никола не понял, к чему он клонит, и потому промолчал. Управляющий Бодлер бросил письмо на стол и с кислой улыбкой уставился на посетителя:

— Интересно! И как же гений из Будапешта собирается искать общий язык с парижанами? Давайте, удивите меня!

Никола ответил на безупречном французском:

— Ваш язык отличается на редкость логичной структурой. Я буду счастлив, если благодаря вам у меня появится возможность попрактиковаться. Разумеется, мне надо как следует поработать над произношением.

Управляющий Бодлер был удивлен и, казалось, еще больше раздосадован.

— Так. Понятно. — Он снова уткнулся в письмо и даже сделал вид, будто перечитывает некоторые строчки. — Впрочем, если судить по этой писанине, у вас должны быть и другие

таланты.

Бодлер бросил на Николу оценивающий взгляд и злорадно фыркнул:

— Или ваши друзья сочинили этот панегирик, чтобы сплавить вас с глаз долой?

Заметив смущение Теслы, управляющий от души расхохотался.

— Ну конечно! Старая история. Заговор, стало быть? Такое частенько случается, если надо убрать неугодную фигуру. Но меня не проведешь! Так-то. А вообще вы очень симпатичный молодой человек. Вас ждет блестящее будущее, если вам, конечно, удастся уберечься от сифилиса. — Бодлер пренебрежительно махнул рукой и взял со стола перо, притворившись, что его чрезвычайно занимает процесс заполнения бланков.

Никола не собирался сдаваться:

— Видите ли, у меня что-то вроде маниакальной страсти изобретать новые приборы. Я, по крайней мере, предпочитаю называть это так, — добавил он доверительным тоном и улыбнулся.

Управляющий Бодлер уставился на Теслу с таким видом, будто меньше всего на свете ожидал услышать от него нечто подобное, глубоко вздохнул, потер мясистой ладонью лоб и объявил, перейдя на немецкий:

— Мы нанимаем рабочих из Германии. С ними вы тоже найдете общий язык?

Никола, не раздумывая, ответил по-немецки:

— Мой отец был священником; он хотел, чтобы я научился понимать людей, говорящих на разных языках.

Управляющий на мгновение опустил глаза, набрал в легкие воздуха и снова поднял голову.

— Угу. Попович, значит. Что же вы не пошли по стопам отца?

Никола помрачнел.

— Я собирался. Сначала. А знаете что, — добавил он, вновь расцветая улыбкой. — Нет, вы, конечно, не можете этого знать, но я вам сейчас расскажу. Отец отдавал мне свое дневное жалованье всякий раз, когда я начинал учить новый язык. Подумать только…

Бодлер перешел на скверный итальянский:

— И сколько раз вам доставалось папенькино дневное жалованье?

Никола говорил по-итальянски довольно бегло:

— Восемь, хотя, сказать по правде, заслуженно — шесть. Под конец эта игра отцу надоела.

Бодлер стукнул кулаком по столу и прорычал:

— И как в такую умную голову пришла мысль проситься на работу к нам? Динамо-машины Эдисона огромные. Грязные. И совершенно непредсказуемые. Вы хотите провести всю жизнь, путаясь в их кишках и заставляя эти бандуры работать?

Тут управляющий замолчал, поскольку заметил, что Тесла на что-то отвлекся и даже не смотрит в его сторону. Бодлер решил сделать паузу и посмотреть, что будет…

Через минуту Никола повернулся к управляющему и вежливо поинтересовался:

— Это вода капает? Где-то в подвале, верно?

Обескураженный столь вызывающей дерзостью Бодлер не сразу нашелся что ответить. Придя в себя, он неопределенно махнул рукой в сторону, откуда исходил звук, и пробормотал:

— Ага. Вода. Ага. К этому постепенно привыкаешь и вовсе перестаешь слышать.

— Прошу прощения, но не кажется ли вам, что это никудышное сочетание? Я имею в виду воду и электрический ток.

Управляющий вскочил из-за стола, отшвырнув стул. Казалось, еще немного, и он бросится на незадачливого посетителя:

— Так вы надо мной издеваетесь?! Явились проситься на работу и еще смеете надо мной глумиться?! Ввалились в мой кабинет, не слушаете, когда с вами разговаривают, и ко всему прочему попрекаете меня капающей водой?

Никола растерялся было, но тут же понимающе улыбнулся:

— Ах, нет! Что вы! Я пришел совсем не для того, чтобы просить работу.

— Нет?!

— Нет, уверяю вас! Вы меня не так поняли! Я пришел, чтобы приступить к работе.

— Вы… Вы пришли, чтобы приступить к работе?!

— Ну да. Об этом говорится в письме. Вот здесь.

— Ага, спасибо, разумеется, об этом есть в письме, вы не пришли наниматься на работу, потому что вас уже наняли. — Управляющий криво усмехнулся. — Так чего же вам стоило проявить ко мне хотя бы видимость почтения, а?

— Простите, но что вы имеете в виду?..

— Вы, наверное, из тех, кто полагает, что простой человек должен знать свое место? Что он — рабочая лошадка, и не более того. А вы у нас, разумеется, непризнанный гений и жертва интриганов? Жалких завистников, которые пойдут на все, чтобы вас свалить! Наглых выскочек! Невежественных плебеев! Тупоумных рабов, которым нельзя поручить ничего сложнее

гаечного ключа! Так вот, мсье гений, я тоже, как вы могли заметить, знаю несколько языков! — Он сощурился. — Вы часом не собираетесь занять место управляющего Бодлера?

Никола заставил себя отвести взгляд от разъяренного управляющего, зажмурился и набрал в легкие столько воздуха, сколько было можно. Через мгновение он открыл глаза, выпрямил спину, улыбнулся и примирительно произнес:

— Не думаю, что меня назначат на ваше место. Насколько я понимаю, моя задача состоит в том, чтобы устранить неисправность в динамо-машине. Можно мне на нее посмотреть? — Никола выдержал паузу и добавил: — Об этом есть в письме.

Управляющий Бодлер всем своим видом выражал крайнюю степень неодобрения:

— Что это вы сейчас делали? Только что, когда отвернулись?

Никола честно ответил, глядя Бодлеру прямо в глаза:

— Ничего.

— Ничего? Вообще ничего?

— Именно так.

— Ничего? Ровным счетом ничего?

— Да.

— По-вашему, то, что вы сейчас проделали, называется «ничего»?

— Но я действительно ничего не делал.

Бодлер горестно вздохнул и принялся ожесточенно тереть кулаками тяжелые веки.

Никола деликатно кашлянул:

— Так что же с динамо-машиной?

Бодлер с грохотом уронил руки на стол. Казалось, он вспомнил нечто очень важное. Губы управляющего растянулись в жалкой улыбке:

— Ах, вот вы о чем! Меня же предупреждали. Ну конечно, вы совершенно правы. Как глупо с моей стороны!

Он перегнулся через стол и придвинулся к Николе так близко, что смог прошептать ему на ухо, сопроводив свои слова пронзительным смешком:

— Машина, мсье гений, поджидает вас на улице!

Подавив смех, Бодлер поднялся и жестом пригласил Теслу следовать за собой.

* * *

Мастерские компании Эдисона располагались в сумрачном

складском помещении, столь просторном, что в него без труда можно было загнать локомотив. Вдоль стен были расставлены нуждавшиеся в ремонте машины, от приборов размером с хлебницу до гигантских аппаратов, выше рабочих, которые над ними трудились. Пространство между машинами занимали мотки электропроводов и ящики с запчастями.

Посреди мастерской высилась внушительных размеров динамо-машина из железа и меди. Прогоревшая почти насквозь, она имела весьма плачевный вид, будто в нее не единожды угодила молния. Управляющий Бодлер с дюжиной рабочих ждали у передней стенки, пока Никола осматривал машину сзади.

Бодлер хранил напряженное, выжидательное молчание с едва уловимым оттенком сарказма; уж он-то знал, что починить эту груду металлолома невозможно. Но еще он знал, что один вид искореженной железной громадины в два счета собьет спесь с любого выскочки.

Внезапно в тишине раздался задорный, звонкий смех Николы. Смех тут же прекратился, но его эхо гулко прокатилось по стенам мастерской.

Никто из рабочих не пошевелился. Управляющий искоса взглянул на своих людей и тут же отвернулся. У него не было ни малейшего желания обсуждать с ними происходящее.

Тесла вновь засмеялся. Управляющий принялся нервно раскачиваться на каблуках, но так и не произнес ни слова. Через минуту Никола, обогнув машину, предстал перед публикой.

Рабочие наблюдали, как он обходит раненую машину, исследуя ее сантиметр за сантиметром. Губы его беззвучно двигались.

Закончив осмотр, Тесла вытер платком руки, глубоко вдохнул и с шумом выдохнул. Потом немного отошел назад, чтобы еще раз окинуть взглядом динамо-машину.

И опять разразился смехом.

На этот раз приступ смеха был таким сильным, что вскоре перерос в лающий кашель, и Николе пришлось согнуться в три погибели, чтобы справиться с напастью. Прикрыв рот рукой, он с виноватым видом покосился на управляющего, но при виде его вытянутой физиономии не выдержал и вновь засмеялся. А для того чтобы остановиться, ему снова пришлось закашляться.

В мастерской стало тихо.

Никто из рабочих не двигался с места.

Управляющий молчал.

Справившись с собой, Никола повернулся к рабочим и с покаянным видом произнес по-французски:

— Господа, я должен извиниться перед вами. Мне, право,

очень жаль. Все дело вот в чем… — Он вернулся к машине. — Взгляните сюда. — Голос Теслы был полон неподдельного тепла, словно у заботливого родителя, живописующего проказы любимого отпрыска. — Эти провода слишком тонкие для постоянного тока. Видите? Вот здесь! И здесь! Везде! Смотрите, смотрите! Откуда здесь конденсаторы такого размера? Кто их сюда поставил? — страстно вопрошал Никола. — Видите? Вы же сами все видите, не правда ли? Господа, при должном инженерном сопровождении эта машина прослужит еще не один год! — радостно заключил он.

Остальные по-прежнему не двигались и хранили молчание. Здоровенные угрюмые работяги смотрели на Теслу так, будто он только что справил нужду прямо на пол.

Никола встряхнулся и продолжал:

— Только не подумайте, что я обвиняю кого-то из вас! Нет! Вовсе нет. Боже упаси. Для всех нас это замечательная возможность… — Он сглотнул слюну. — Я все покажу, если кто-нибудь будет столь любезен, что одолжит мне ящик с инструментами.

Рабочие переглянулись. Ни один не шевельнулся.

Никола с опаской приблизился к самому крупному из них. Огромный детина, даром что был наголову выше своих товарищей, выглядел недалеким и вполне безобидным. Подойдя ближе, Тесла бережно поднял стоявший у ног рабочего ящик и, не сводя глаз с его лица, отступил назад, к сгоревшей машине. Оказавшись вне досягаемости народного гнева, он решился повернуться к машине, встав спиной к присутствующим.

Обернувшись на мгновение, Никола жестом попросил публику набраться терпения и, снова обратившись взглядом к сломанному агрегату, изо всех сил напряг мускулы. Через несколько мгновений он выпрямился и с величайшей осторожностью повернулся к остальным. Демонстрируя, как именно следует наладить динамо, он стойко воздерживался от выражения бурной радости.

Управляющий Бодлер и все без исключения рабочие, не отрываясь, следили за каждым движением Николы. Ни один не подавал виду, что смущен эксцентричным поведением новичка. Уроженцы неспокойных краев, они с детства усвоили, что свои чувства лучше держать при себе. Даже если бы Тесла взял на себя труд внимательнее вглядеться в их лица, он не прочел бы в них ровным счетом ничего.

Хотя нет: с лица управляющего Бодлера исчезла презрительная ухмылка.

Глава девятая Осень Париж

Осенней ночью Никола сидел в сумрачной квартире на бульваре Сен-Мишель и всем своим существом стремился узреть сквозь стены приметы надвигающейся бури.

В комнате было так душно, что лоб молодого человека покрылся испариной, а ночная сорочка пропиталась потом. Тесла не обращал на это прискорбное неудобство ни малейшего внимания, целиком сосредоточившись на своем занятии, подобно музыканту, дошедшему до сложного участка партитуры.

Ничто, кроме ужасной духоты, не говорило о приближении ненастья. Едва ли приходилось ждать грозы; в это время года в облаках не скапливалось достаточно электричества, чтобы начал громыхать гром и засверкали молнии. Скорее уж можно было рассчитывать на снегопад. Тем не менее Тесла держал окна плотно закрытыми, напрягая чутье, чтобы ощутить далекие разряды. Он поставил перед собой задачу выяснить, есть ли у человека орган, способный чувствовать перемену погоды, — вроде усов у кошки.

В тот вечер видения исчезли, едва Никола переступил порог квартиры, и не докучали ему вот уже несколько часов. Однако чтобы их контролировать, ему требовалось все больше сил. Ощущение было такое, будто он сдерживает самый мощный на свете чих.

От нарастающего предчувствия по коже бегали мурашки. В глубине души Никола надеялся, что наконец увидит Карину. Для здравомыслящего молодого мужчины это, пожалуй, было слишком, но за все эти месяцы в Париже в его сердце так и не нашлось места для кого-то другого. Тем горше было сознавать, что Карина покинула его навсегда, так ничего и не объяснив и даже не попрощавшись.

Заскрипели половицы. Никола обернулся на звук, предвкушая долгожданную встречу.

Никого.

Напряжение ослабло, и видения, расталкивая друг друга, ринулись на свободу. Вскоре Никола позабыл об истинной цели своих ментальных упражнений, так и оставшись в полном неведении относительно того, будет ли гроза.

* * *

В один прекрасный день в начале зимы управляющий Бодлер

стоял возле той самой динамо-машины, с которой началась парижская жизнь Николы. До этого починить агрегат не удавалось никому. И неудивительно. Тому, кто сумел бы справиться с этой железякой, пришлось бы продать душу дьяволу и овладеть черной магией. Или подстроить какой-нибудь шарлатанский трюк. Что Бодлер и подозревал.

Вот почему он учинил форменное дознание, а Теслу заставил, трепеща, ожидать приговора. Пускай распорядитель работ изнемогает при виде этого будапештского выскочки, словно школьница, которая ни разу не целовалась. Мориса Бодлера не проведешь. Старый управляющий и не думал пищать от восторга, когда возрожденная динамо-машина стала потихоньку набирать обороты. Не удивился он и тому, что все нужные детали оказались на своих местах. Но вот незадача: после двух недель непрерывной работы машина по-прежнему не давала сбоев.

Это Бодлер знал наверняка, ведь он сам выставил у машины круглосуточное дежурство. Это обстоятельство превратило проверку в сущую формальность: войдя в мастерскую, управляющий «Континентальной компании Эдисона» прекрасно понимал, что место исправленного динамо на силовой вышке, и нигде больше. А еще он понимал, что Тесле об этом ни за что не скажет, пока не насладится его мучениями.

Мера за меру. Бодлер вдоволь поскрежетал зубами, составляя отчет для Большого Человека из Страны Пуританских Олухов, в котором ему волей-неволей пришлось упомянуть, что новый сотрудник, едва успев вступить в должность, мигом отремонтировал все генераторы. И все они работают без сбоев, хотя обычно сгорали за пару-тройку месяцев.

Похоже, этот Тесла вообразил, что починкой примитивного агрегата застолбил себе место в коллективе на веки вечные. Как бы не так! Управляющий предвкушал, как сообщит наглецу о предстоящей командировке в Страсбург. Континентальная компания пыталась установить электрическое освещение на железной дороге, которую строил кайзер Вильгельм Первый. Попытка закончилась не слишком удачно: замыканием и мощным взрывом, обрушившим стену целого депо. Кайзер через своих чиновников в Страсбурге (именно в Страсбурге, а не в Страсбуре: его задоголовое величество предпочитал такое написание) уведомил руководителей компании, что пока все не будет исправлено, денег за работу им не видать.

«Монарх хренов!» — процедил Бодлер сквозь зубы. Он определенно скучал по тем временам, когда во Франции на каждую коронованную голову находилась гильотина.

Кстати, почему бы не послать к немцам нашего

новоявленного гения? Отличная идея! Посмотрим, как этот выдающийся ум справится с капризами коронованного клиента.

Решено: пусть выезжает нынче вечером. А коли так, пора действовать. Когда имеешь дело с выдающимся умом, главное опередить его и не дать опомниться, решил управляющий и щелкнул пальцами, чтобы подозвать будапештского выскочку. Главное — не дать ему опомниться!

Завидев Теслу, Бодлер успел натянуть подобающее моменту кислое выражение.

— Никола, — начал он.

— Да, мсье Бодлер?

— Эта машина, которую вы починили…

— Я вас слушаю, мсье Бодлер.

— Для вас это пара пустяков, не так ли?

— Прошу прощения?

— Я ведь в ремонтных работах мало смыслю. Похоже, я переоценил масштаб поломки.

— Господин управляющий, я не просто починил эту машину, я устранил с полдюжины вопиющих конструктивных ошибок. Любой из них было достаточно, чтобы агрегат сгорел спустя сутки работы.

— Вот-вот, я и сам это прекрасно вижу.

— Если вам угодно, я могу описать свои действия шаг за шагом…

— Это лишнее. Динамо исправно. Отличная работа. Спасибо.

— Все динамо нужно было переделать, не починить, а именно переделать! А теперь все они работают как новые.

— Да, разумеется, никто не умаляет ваших достижений, Никола, но согласитесь, ремонт — это хорошие инструменты и грязная работа, не более того.

— Нет, господин управляющий. Позвольте с вами не согласиться. Это совсем не так. Конструкция каждого отдельно взятого аппарата нуждается в особом подходе.

Бодлер усмехнулся:

— В особом подходе? Очень хорошо, Никола. Я как раз собирался поручить вам особое задание. Вам придется как следует потрудиться, если вы хотите доказать, что «Континентальная компания Эдисона» наняла вас не зря. И заодно получить весьма щедрое вознаграждение. Ну как, вы готовы?

— Вознаграждение?

— Верно, дружище, но лишь в том случае, если вы нас не подведете. Взбодритесь. Я уверен, вам ничего не стоит справиться даже с таким поручением. Я сказал «ничего»? А вот и нет, для вас

это куда меньше, чем ничего!

Никола нахмурился:

— Что может быть меньше, чем ничего?

Бодлер рассмеялся.

— Он спрашивает, что может быть меньше, чем ничего! — Управляющий хлопнул Теслу по спине. — В наше время все может быть! — и потрепал Николу по плечу, словно заботливый и терпеливый наставник.

— Постарайтесь успеть на дневной поезд до Страсбурга, чтобы с утра явиться к кайзеровским чиновникам. Сам он в Берлине, но очень скоро почтит горожан своим присутствием. Пока это не произошло, вам предстоит найти особый подход к динамо-машине, которую мы установили на тамошней железной дороге, ибо эта проклятая богом железяка только и знает, что искрить, угрожая испепелить все депо.

— Значит, вы… — Никола задохнулся от радости. — Вы позволите мне представлять компанию при дворе прусского императора?!

— Позволим? О, да! Как раз в этом и состоит ваше задание: сделать папашу кайзера нашим союзником. Если он нагрянет до того, как вы закончите, любой ценой заставьте его спокойно дождаться результатов. Вам приходилось иметь дело с коронованными особами? Они не умеют ждать, Никола. Совсем. Другими словами, надо поторапливаться, но работу надлежит сделать на совесть. Как видите, мой друг, в этом поручении ремонт — это далеко не все. Дело государственной важности. Теперь от вас зависит успех нашей компании на международной арене! Награда за труд пять тысяч франков… — Он выдержал эффектную паузу. — Сверх обычного жалованья, разумеется.

Счастливый, напуганный и совершенно сбитый с толку Никола на миг позабыл осторожность и чуть не выпустил видения на волю. Чтобы сдержать их, пришлось напрячь мышцы и крепко зажмуриться.

Бодлер не верил своим глазам: Тесла от него отвернулся. Управляющий запаниковал. Неужели этому блаженному хватило ума распознать подвох? Неужели он откажется? Этого никак нельзя было допустить.

— Никола! — Он заставил себя улыбнуться. — Вы не дослушали. Во время пребывания в Страсбурге мы будем платить вам на десять процентов больше. Вам понадобятся деньги, чтобы посмотреть город, поездить по окрестностям. Там полно всякого Средневековья… Есть постройки седьмого века… Попробуете фуагра. Страсбург славится гусиной печенкой.

Наглый мальчишка шнырял глазами из угла в угол, а на

Бодлера по-прежнему не глядел. Благой Иисус на колокольне, да что же это такое?! Ему что, деньги не нужны? Или я мало предложил?

— И само собой, — продолжал Бодлер, — в дополнение к повышению компания оплатит все дорожные расходы и жилье в Страсбурге. В разумных пределах, конечно.

— Что? А… Да. Вы говорите, все дело в динамо и проводниках? Скорее всего, коммутаторы придется разделить перегородками, не пропускающими ток. Но они и сами с этим справятся, я для этого не нужен!

Бодлер потерял дар речи. Господин Тесла только что поведал ему, как починить машину. Бесплатно. Не соблазнился ни повышением, ни премией. Щедрость начальства нисколько его не впечатлила.

— Ну что же вы, Тесла, зачем портить интригу? Для других это задание может оказаться невыполнимым, однако я нисколько не сомневаюсь, что вам не составит труда с ним справиться!

Последние слова Бодлер почти выкрикнул. Подумать только, этот кретин отказывается глотать наживку! Ладно, пора задействовать тяжелую артиллерию.

— Ах да, я совсем забыл: вы получите допуск в мастерскую. И в экспериментальную лабораторию, разумеется.

— В электрическую лабораторию?!

Никола наконец посмотрел на управляющего. Ага, так вот чем тебя можно взять! Неожиданное открытие порядком удивило Бодлера: молокосос показал себя мастером деловых переговоров. Впрочем, теперь это было неважно, ведь проблема Теслы вот-вот должна была исчезнуть раз и навсегда.

— Вот именно! Добро пожаловать в лабораторию! В конце концов, вам нужно где-то работать над новыми приборами. Испытывать их. Не так ли?

— Откровенно говоря, я привык все прорабатывать мысленно.

Бодлеру вдруг показалось, что воротничок его рубашки сделался на несколько размеров теснее. Он долго не мог найти нужные слова и молча разглядывал Николу, шумно втягивая воздух сквозь широченные ноздри.

— Ага… Вот как… — Голос управляющего дрогнул. — Насколько я могу судить, мое предложение вас не заинтересовало…

— Не заинтересовало?

— Вы ведь попросту не дали мне договорить. Поверьте, Никола, иногда бывает отнюдь не вредно дать собеседнику закончить мысль. Даже полезно. Вы же понимаете, порой они… стараются… — Он вздохнул. — Как бы то ни было, лаборатория в

вашем распоряжении. После работы, само собой. В свободное время.

Попался! У выскочки наконец-то загорелись глаза. Управляющий готов был плясать от радости. Каким бы ловким негоциантом ни мнил себя этот Тесла, старина Бодлер обвел его вокруг пальца при помощи прибавки, премии и разрешения работать, когда остальные отдыхают.

Долгие годы, потраченные на укрощение строптивых работников, прошли недаром: управляющему не понадобилось и пяти минут, чтобы наставить мсье Выскочку на путь забвения. Прощание было скорым и формальным. За Теслой едва закрылась дверь, а Бодлер уже не помнил, пожали они друг другу руки, обменялись церемонными поклонами или все обошлось поспешным *bon voyage* .

Что ж, посмотрим, придутся ли странноватые манеры господина Теслы по нраву пруссакам. А в том, что задание он провалит, можно не сомневаться. В Страсбурге дело безнадежное, настоящая катастрофа. Наш гений обломает зубы и станет козлом отпущения, а репутация управляющего Бодлера останется незапятнанной. Fait accompli, отличный повод распить бутылочку шампанского за ужином.

И все же, удачно провернув свое маленькое дельце, Бодлер не чувствовал полного удовлетворения. Вместо законной и естественной радости управляющего охватило разочарование. Чтоб тебя! И почему победа далась так легко? Отчего этот малый не пожелал быть достойным противником? В том утонченном словесном поединке, в той дуэли двух характеров поражение потерпел Никола Тесла, а Морис Бодлер одержал неоспоримую победу. Однако победитель, сказать по правде, не испытывал никакой радости. Совершенно никакой.

Даже меньше чем никакой.

Глава десятая Десять месяцев спустя Страсбург, город на франко-прусской границе

Сотрудники компании, присланные из Парижа устанавливать злосчастный генератор, в большинстве своем говорили только по-французски или из принципа отказывались изъясняться на другом языке. Это в известной мере и стало причиной полной катастрофы на железной дороге, вкупе с ошибками проектировщиков, разумеется.

К счастью, для Николы таких преград не существовало. Достойный немецкий открывал ему многие двери и позволял находить общий язык с самыми разными людьми, от простых рабочих до высокого начальства.

Работа как таковая не требовала особых усилий. Тесла с первого взгляда понял, что вся беда в проводниках и сопротивлении; как он и предполагал, главные недостатки системы были заложены в самой ее конструкции. Так что оставшуюся часть года пришлось потратить на организацию ремонтных работ и бесконечную бумажную волокиту. Памятуя о недавнем фиаско, кайзеровская администрация требовала, чтобы с ней согласовывали каждый шаг.

Впрочем, когда работа более-менее сдвинулась с мертвой точки, Тесла уже мечтал, чтобы она продолжалась подольше. Получив в свое распоряжение лабораторию и уйму свободного времени, он наконец сумел собрать модель двигателя на основе переменного тока. Какое же это было счастье — увидеть давнюю мечту воплощенной в металле! О том, какой должна стать модель, Никола в мельчайших подробностях знал еще с будапештских времен.

К лету новую систему освещения железной дороги можно было продемонстрировать заказчику, и кайзер прибыл в Страсбург, чтобы лично оценить проделанную работу и вынести высочайший вердикт. Отца сопровождал пятидесятитрехлетний кронпринц Фридрих Вильгельм.

И вот настал великий день. Прибыв на место, царственный старец, едва взглянув на грандиозное сооружение, велел позвать Теслу и до вечера проговорил с ним об электрической энергии. А затем отбыл в Берлин, оставив наследника разбираться с делами.

* * *

Спустя пару недель в гостиничном номере Теслы над столом, озаренным неярким светом газовой лампы, склонились трое. Мэр Страсбурга Бозен и сам кронпринц пришли посмотреть, как работает собранный Николой электрогенератор. Управляемая вручную машина работала гладко, без сбоев, была рассчитана более чем на тысячу оборотов, а главное — действительно вырабатывала «несуществующий» переменный ток. Оба высокопоставленных гостя, привыкшие лицезреть разнообразные приборы, порожденные эпохой прогресса, в один голос признались, что в жизни не видели ничего подобного.

— Невероятно, — проговорил кронпринц. Впрочем, он имел в виду отнюдь не генератор. — Вам до сих пор не предложили финансирование?

— Нет, ваше высочество, — ответил Бозен с затаенной горечью.

— Вы выбрали людей из списка, составленного моим секретарем?

— Да, ваше высочество. В соответствии с вашим распоряжением. Однако…

Фридрих Вильгельм терпеливо ждал продолжения. Убедившись, что мэр не собирается заканчивать предложение, кронпринц тяжело вздохнул, изображая всеобъемлющую скуку.

— Господин мэр, я не выношу, когда люди обрывают сами себя на полуслове, стоит разговору зайти о каком-нибудь деликатном предмете, и испытывают мое терпение, дожидаясь, когда я велю им продолжать.

— Да, мой принц, — растерянно пробормотал мэр.

— Итак?..

— Ах, да! Ну, видите ли, ваше высочество, я обратился к каждой персоне из вашего списка, но все они спрашивали, когда вы прибудете.

— Идиот! Вы должны были сказать, что меня вызвали в Берлин!

— Я так и сделал, ваше высочество. И постарался быть убедительным. Однако они…

— Вы опять, господин мэр!

— Виноват! Я лишь хотел сказать, что они… э-э-э… Боюсь, они мне не поверили, ваше высочество!

— Не поверили?

— Боюсь, они восприняли отсутствие вашего батюшки как знак того, что новая система его не впечатлила.

— Да! Так и есть! Не впечатлила! Мой отец старый, больной человек! С какой стати ему интересоваться новыми изобретениями?

— Да… Но все же… Он ведь кайзер, — выговорил Бозен и поспешно добавил: — Каковым и вы однажды станете, ваше высочество! Но пока ваш батюшка в Берлине, а управление работами поручено господину Тесле, эти почтенные граждане предпочли дождаться вашего приезда… Как мне показалось.

— Как вам показалось?

— О, я в этом уверен. Совершенно уверен. Они жаждали лицезреть ваше высочество как несомненную гарантию того, что его величество одобрил наши планы. Чтобы без страха и раздумий вложить свои средства в производство изобретенного господином Теслой прибора.

— Многофазного генератора переменного тока, — нарушил молчание Никола. Все это время он не сводил со своего творения взгляда, полного нежности. — Он в двадцать раз сильнее динамо-машины. — Тесла повернулся к Бозену. — Господин мэр, я благодарен вам за поддержку, но, боюсь, вина за сегодняшнее фиаско лежит на мне. Это я не смог их убедить. Поверьте мне, я усвоил урок. Этот прибор, — он указал на занимавшую стол модель и понизил голос до едва различимого шепота, — и вся эта технология изменят мир. Это правда, господа. Весь мир!

Мэр и кронпринц дружно посмотрели на громоздившуюся на столе нелепую железку. Эта штука изменит мир? Во взглядах обоих мелькнула тень сомнения. На миг, всего на один миг их связала общая тревога. Оба почувствовали, что им не угнаться за меняющимся миром.

Единение продлилось всего один миг — не больше. У кронпринца и раньше случались всплески необъяснимой симпатии к слугам; к счастью, он давно научился не поддаваться чувствам и ставить подданных на место до того, как они осмелеют и начнут пользоваться близостью к царственной особе.

Фридрих Вильгельм взял Бозена за локоть и поволок к выходу:

— Благодарю вас, господин мэр, за то, что составили мне компанию, и за возможность воочию увидеть реакцию местных финансовых кругов на многообещающее предложение герра Теслы.

Мэр с трудом волочил ноги, но освободить локоть не решался.

— Ваше высочество! — взывал он. — Мы прибыли сюда в одном экипаже!

Кронпринц заговорил задушевным, вкрадчивым тоном, какой обычно приберегают для маленьких детей и сумасшедших:

— Ничего страшного, господин мэр, просто велите кучеру вернуться, когда он доставит вас куда скажете.

Замешкавшись на пороге, Бозен предпринял последнюю попытку остаться в центре событий:

— Но, мой принц, мне не хотелось бы оставлять вас одного, пока…

— Ступайте, друг мой! Я собираюсь расспросить господина Теслу о некоторых технических аспектах его изобретения. Довольно специфических. Вам это будет неинтересно.

Покончив с назойливым чиновником, кронпринц обратился к Николе:

— А вы молодец! Я боялся, вы вздумаете вмешаться.

— Ни в коем случае, ваше высочество.

— Мои люди преследуют меня повсюду, словно ищейки. Мне нужно было сбить их со следа.

— Боюсь, я не совсем понимаю, ваше высочество.

— Все дело в моем отце, господин Тесла! Его величество восхищается глубиной ваших знаний, но ловкость, с которой вы управляетесь со сложнейшими аппаратами, его, по всей видимости, страшит. Отец запретил мне участвовать в экспериментах. «Благо государства», и все такое.

— Я сказал его величеству, что не мог объяснить целебную природу магнетизма без дополнительных опытов, а вы настаивали на своем участии из-за больного горла.

— Вот именно! А когда мне стало лучше, отец окончательно убедился, что здесь не обошлось без сверхъестественных сил.

— В болезнях нет ничего сверхъестественного. Как и в борьбе с ними.

— Мне вы можете об этом не рассказывать, господин Тесла! — Кронпринц решительно хлопнул в ладоши. — Итак! Теперь, когда мы избавились от мэра, ничто не помешает нам провести еще один сеанс. Только на этот раз он должен быть вдвое длиннее, чем обычно.

Никола побледнел.

— Еще один сеанс? Ваше высочество, император категорически запретил…

— Во-первых! Он в этом ничего не понимает. Во-вторых! Его здесь нет. — Кронпринц подвинул стул и уселся за стол, на котором расположился силовой генератор. — В-третьих… Пора налаживать ваши катушки. У нас не так много времени.

Никола очутился в странном положении. Ему следовало сделать выбор: отказать кронпринцу или ослушаться кайзера. После минутного колебания Тесла решил, что наследник действительно нуждается в облегчении боли. Фридрих Вильгельм старался не подавать виду, но лицо его время от времени искажала страдальческая гримаса. Никола мог только

предполагать, какие жуткие муки должен был испытывать старый вояка, чтобы прибегнуть к радикальным методам лечения, которые очень многие, включая его собственных родственников, сочли бы колдовством.

Этот человек сильно страдал, и Тесла знал, как ему помочь. И потому без лишних слов достал моток медной проволоки, размотал его, накинул проволоку Фридриху Вильгельму на плечи, словно изящное украшение, и включил машину. Послышался низкий гул, и проволока начала быстро нагреваться.

Кронпринц улыбался.

— Вот так значительно лучше! — Блаженствуя, он прикрыл глаза. — Знаете, герр Тесла, мне кажется, этот ваш прибор продлит мне жизнь. От докторов никакого проку. Иногда я совсем не могу глотать. Даже суп! А после наших сеансов мне надолго становится легче.

— Я очень рад это слышать, ваше высочество. Мне кажется, в будущем медицина признает благотворное воздействие электромагнитного резонанса и невидимых энергетических потоков.

— Ха-ха! Невидимые потоки! Да вас повесят, господин Тесла! Нет, сожгут на костре! Выше. Поднимите чуть выше. Вот так… Пообещайте мне, что уедете в Америку при первой же возможности!

— В Америку? Я, право, никогда не думал…

— Во-первых! В Новом Свете у людей меньше предрассудков! Во-вторых! Там больше денег! В-третьих! Если кайзер Прусской империи назовет вас колдуном… Вы с большой степенью вероятности сгниете в тюрьме. Даже в наше время. Не забывайте, мой отец собрал прусские земли и создал первое в истории единое германское государство. Это дело всей его жизни. Германская нация призвана изменить судьбу Европы! Вы к ней не относитесь. Следовательно, вам лучше попытать счастья в Америке. И чем скорее, тем лучше.

Никола вздохнул.

— Наверное, вы правы. Я искал ее в Париже, но так ничего и не нашел.

— Вы опять о ней? Об этой вашей музе? Чушь. Однако вы напрасно считаете, будто ничего не нашли в Париже. Вы нашли работу, благодаря которой попали сюда и сконструировали свою машину. Мы оба смогли убедиться, что теория магнетического воздействия верна! Ваш аппарат подарил мне новую жизнь. Мое горло наверняка убило бы меня! Я в этом уверен. — Кронпринц любовно погладил медную катушку. — Не кажется ли вам, что ваша «муза», кем бы она ни была, ждет от вас поистине великих

дел?

— Возможно, — мягко произнес Никола, — особенно, если эта муза — отражение моих собственных чаяний.

— Или вашего безумия, — бодро подхватил Фридрих Вильгельм. — По моему убеждению, вы, господин Тесла, человек выдающихся, даже сверхъестественных умственных способностей, а гений и безумие всегда идут рука об руку. Таков Закон Бытия.

— Ваше Высочество… Вы считаете меня сумасшедшим?!

— Полегче! Здоровый, сумасшедший, гений, колдун — какая разница? Бросьте волноваться и спокойно продолжайте разглядывать собственные экскременты или чем вы там занимаетесь на досуге. Ха! Да я вас шокировал! Что поделать, перед вами старый солдат! Вы, верно, о том забыли? А солдатам нередко приходится лицезреть экскременты, особенно когда картечь ложится слишком близко. Ха-ха! Сказать по правде, мне не так уж нравилось быть солдатом. Однако карьера придворного шаркуна прельщала меня еще меньше, а единственная дорога из папенькиного дворца на свободу лежала через военный лагерь. И вот что я вам скажу: двенадцать лет назад я взял Париж. У меня была возможность неплохо изучить этот город, и меня совершенно не удивляет, что там с вами обошлись столь неучтиво. — Он скривил губы, будто человек, наевшийся лимона: — Французы! Пф-ф! Французское искусство?! Претенциозная ерунда, вот что такое ваше французское искусство! Вы случайно не пишете маслом? Нет? Хорошо. Не знаю, что там себе нафантазировали городские власти, но для любого благовоспитанного человека список парижских достопримечательностей исчерпывается хорошим ужином, отменным вином и приличным борделем. Полагаю, вы со мной согласитесь!

— Я, пожалуй…

— Я спрашивал всех своих советников, но ни один из них так и не сумел мне объяснить, откуда у французов такое самомнение. И вы не сможете — готов поспорить на новое седло! Ха-ха!

Кронпринц поморщился, поправил проволоку на шее и расплылся в блаженной улыбке, чувствуя, как по груди разливается тепло. Тут его высочеству пришла в голову еще одна любопытная мысль.

— Парижане — вообще сплошное недоразумение, но и остальные французы не лучше. Взять хотя бы их собак. Эти пудели… Думаю, все дело в их носах. — Кронпринц оборвал обличительную речь на полуслове и усмехнулся, дивясь самому себе. — Прошу прощения! Мне, право, очень жаль. Ха! Надо же было наговорить таких глупостей! Вы, должно быть, решили, что

имеете дело с неотесанным болваном…

— Вовсе нет, ваше высочество!

— Разумеется, я говорил о человеческих носах, а не о мордах несчастных животных. Вам как ученому виднее, но попомните мои слова: между носами и повадками французов определенно существует связь. Хотя зачем я вам все это рассказываю! Вы, я полагаю, и сами давно поняли: все франкофилы шарлатаны. — Он придвинулся к Николе почти вплотную и доверительно произнес: — Вот чего в действительности боится мой отец. Того, что вы, дружище, окажетесь шарлатаном! Железная дорога его впечатлила, не сомневайтесь. Но скажите-ка: вы заводили с ним разговор о «невидимых магнитных полях»? О том, что из этого неразличимого для глаза материала можно «слепить что угодно, как из глины»? Господин Тесла, вы понимаете, что моему отцу вот-вот исполнится восемьдесят?

— Разумеется, ваше высочество.

— Ага, вот теперь я вижу, чем вы отличаетесь от какого-нибудь жалкого франкофила. О, да. Я это чувствую благодаря вашим волшебным катушкам. Э-лек-три-чест-во согревает меня, и горлу становится легче. Намного легче, готов поклясться!

Он благодарно улыбнулся Николе, откинулся назад и устремил взгляд в невидимую даль, отдав себя на милость медной проволоке и странному приборчику. Через несколько минут Фридрих Вильгельм, кронпринц Пруссии и наследник императорского трона, склонил голову набок и уснул сном старого солдата, сполна хлебнувшего лишений и муштры и узнавшего истинную цену свободы и покоя.

* * *

Никола заснул спустя несколько часов в гостиничном номере, под мерное тиканье часов. В миг тишины между двумя мерными ударами Карина вышла из стены и шагнула в комнату. Ее появление вырвало Теслу из глубокого сна. Девушка подошла к его постели и уселась в изножье, так, будто проделывала это каждую ночь. Матрас немного прогнулся под ее весом. «Довольно странно для призрака», — подумал Никола. Прогнав остатки сна, он резко сел на кровати, прислонившись к стене.

Тесла смотрел на гостью, не смея произнести ни слова. Карина снова стала школьницей с длинными волосами, распущенными по плечам. Ее фигуру окутывал серебристый туман.

Никола наконец решился заговорить:

— Я знаю, это сон. Ты мне снишься.

Призрак Карины улыбнулся:

— Зачем же ты в таком случае со мной разговариваешь? Впрочем, я благодарна тебе за эту маленькую любезность. Вернее, была бы благодарна, если бы сны умели чувствовать. Мне кажется, они не умеют. А как по-твоему?

Никола долго обдумывал вопрос, ища подвох или скрытый смысл. Наконец он покачал головой и произнес:

— Нет. Но я… — Он вздохнул.

Но если Карина ему только снится, с ней без опаски можно поделиться самым сокровенным. Почему бы не довериться тому, кого на самом деле нет? Никола выпрямился, опустил ноги на пол и начал говорить:

— Поскольку я действительно хочу научиться превращать свои видения в объекты, видимые и ощутимые для других, мне и вправду придется отправиться в Новый Свет. В Америку. — Никола встретил взгляд Карины и, помедлив, прошептал скороговоркой: — Если я уеду так далеко, ты все равно будешь…

Карина ответила на его взгляд мягкой улыбкой:

— Ты хочешь спросить, буду ли я по-прежнему приходить к тебе? Не знаю. Как далеко заведут тебя твои мечты?

Прежде чем Никола успел ответить, призрак протянул руку и вырвал его из собственного тела. Так быстро, что он не успел даже вскрикнуть. Теслу обступила непроницаемая, ватная тишина, какая бывает, если нырнуть в омут.

Посмотрев вниз, Никола убедился, что может видеть сквозь себя, точно сквозь цветное стекло. Его тело лежало на кровати, а он парил над ним.

Все вокруг сделалось призрачным, эфемерным. Даже самые тяжелые и массивные предметы превратились в собственное подобие из цветного стекла. Реальными были только пальцы Карины, касавшиеся его лица. Весь мир стал туманным видением, и только они оставались настоящими.

Никола чувствовал, как сливаются их тела, и дивился тому, каким реальным было это чувство. Он хотел понять, как такое возможно, но мысли разбегались и путались, исчезая в тумане.

Глава одиннадцатая Несколько месяцев спустя Компания Эдисона Париж

В то утро управляющий Морис Бодлер явился на работу в прекрасном расположении духа, хотя в конторе было все так же сыро, а в его кабинете по-прежнему нес свою вахту видавший виды неудобный стул. Управляющий окинул взглядом широченный стол, не без удовольствия прислушиваясь к давно знакомому шуму.

Кап… Кап… Кап…

Сегодня выматывающий стук капель в подвале казался Бодлеру божественной музыкой. «Как это кстати!» — подумал он. В свое время прохудившаяся труба пришлась кстати господину Выскочке. Тогда он не упустил случая посмеяться над управляющим. Ну ничего. Теперь мсье Бодлер посмеется над господином Выскочкой.

Тесла вернулся в Париж всего на несколько дней, чтобы немного отдохнуть от изнурительной работы, но управляющий не собирался жалеть противника. И вот Выскочка стоит перед ним, по ту сторону необъятного стола, и гадает, зачем его вызвали. По лицу Теслы было ясно, что он не имеет ни малейшего понятия о причинах такой спешки.

«Ничего, сейчас узнаешь», — усмехнулся про себя Бодлер. С видом стервятника, поджидающего, когда его обед испустит дух, он отодвинулся от стола и откинулся на спинку кошмарного стула, немедленно отозвавшегося стоном и скрипом.

— Сегодня я намереваюсь попрактиковаться в английском. Вы не возражаете?

— Английский так английский, — легко согласился Никола. — Тому, кто знает латынь и, например, немецкий, нетрудно освоить родственные языки.

Управляющий перекосился от злости, но Тесла уже ухватился за новую идею и следовал за собственным вдохновением, не замечая ничего вокруг:

— На вокзале, чтобы скоротать время до прихода поезда, я мысленно составляю сравнительные словарные таблицы на разных языках. Чтобы проверить, сколько столбцов я могу заполнить. — Молодой человек улыбнулся своим воспоминаниям. — Прошлой осенью я так задумался, что пропустил шесть поездов подряд. Составлял список одинаковых

слов в английском и немецком, в алфавитном порядке. Кончилось тем, что я стал смеяться и окончательно запутался. Представляете, у меня в голове образовалась настоящая словесная каша!

Бодлер нетерпеливо дернул головой и прошипел, сощурившись от ярости:

— Я получил письмо от личного секретаря господина Эдисона. Босс хочет знать, как вам удалось починить все динамо-машины на кайзеровской железной дороге и наладить там освещение… Как вы умудрились все это провернуть, не допустив ни единой ошибки. — Он оглядел Николу с головы до ног. — Ни малейшего промаха.

— Все очень просто. Сначала я мысленно моделирую приборы, которые нужно починить. Прозрачные, эфемерные, громадные машины. Я связываю их веревочками, и получается что-то вроде гирлянды воздушных шаров. — Молодой человек улыбнулся собственному образу. — Я пошутил. На самом деле я не делаю никаких гирлянд, просто держу все модели в памяти и вытаскиваю нужную, когда приходит срок.

Управляющий недоверчиво хмыкнул. «Чудотворец, чтоб его черти взяли! — простонал он про себя, возведя глаза к потолку. — Своими руками придушил бы!» Обращаясь к Николе, Бодлер изо всех сил старался говорить мягким, любезным тоном, но невольно возвышал голос и под конец почти перешел на крик:

— Слушайте внимательно и постарайтесь меня понять. Если вы хотите получить премию в пять тысяч франков, которую «Континентальная компания Эдисона» обещала вам за хорошую работу… Отличную работу… Великолепную работу… Гениальную работу… — Улыбка управляющего сделалась такой ядовитой, что Никола буквально ощутил исходящее от нее зловоние. — Отправляйтесь в Америку и получите награду из рук самого Эдисона.

— Ладно.

Бодлер не поверил своим ушам.

— Ладно?! — повторил он во весь голос, потом пробурчал то же самое слово себе под нос и покачал головой. — Отлично! А если я скажу, что ваш пароход отправляется в плавание завтра, вы тоже ответите: «Ладно»? Ну как? Вы станете составлять свои словарные таблицы в ожидании поезда, который отвезет вас в… порт? — Исчерпав запасы красноречия, управляющий достал билет, положил его на стол, подтолкнул к Тесле и застыл в ожидании.

Никола сохранял безмятежный вид. Даже если мысль о предстоящем путешествии пробудила в нем хоть немного

волнения, он не подал вида.

Убедившись, что смертоносный выпад не достиг цели, Бодлер решил ударить снова:

— Кстати, знаете, что будет, если вы, по обыкновению, замечтаетесь и опоздаете к отплытию? Конец всему. Никаких новых билетов!.. Никаких вторых шансов!

Никола взял билет и положил в карман.

— Я не опоздаю, — пообещал он, улыбнувшись.

Горечь поражения превратила Бодлера из воплощения жгучей ярости в аллегорическую фигуру растерянности, поруганную нахальными голубями.

Никола наклонился к управляющему и сообщил доверительным шепотом:

— На самом деле я всю жизнь мечтал побывать в Америке…

Сделав это признание, он с простодушной улыбкой протянул Бодлеру руку.

Управляющий посмотрел на Николу с нескрываемым отвращением. Затем поднял взгляд к потолку и разразился горчайшим, полным отчаяния смехом.

— Господин Бодлер, — перепугался Никола, — я не…

— Управляющий! Управляющий Бодлер! Я ваш начальник!

— Да, в самом деле. Я всего лишь хотел выразить вам свое расположение. Вообще-то я не большой поклонник рукопожатий. Японский обычай кланяться представляется мне куда более разумным и гигиеничным. Однако в этой части света, кажется, принято пожимать друг другу руки на прощание, вот я и хотел соблюсти традицию.

Никола убрал руку. Бодлер закатил глаза, глубоко вздохнул и сам протянул ладонь для рукопожатия, стараясь не смотреть на Теслу.

Когда тот повернулся, чтобы уйти, управляющий исподтишка вытер руку о рубашку. Никола заметил его жест, но не подал виду. На пороге он обернулся.

— Поверьте, я очень сожалею, что так глупо повел себя тогда с динамо-машиной. Я впервые в жизни увидел динамо Эдисона. Все вышло очень некстати, на глазах у рабочих! Но это было так интересно! Кабель полностью сгорел! — Никола тепло улыбнулся, как отец, повествующий о проказах своего малыша. — Слишком сильное напряжение для таких тонких проводов! И конденсаторы размером с пивные бочки.

С этими словами он вышел из кабинета, с головой погрузившись в упоительные воспоминания.

Бодлер не двигался с места. В кабинете воцарилась тишина. Окаменевшему управляющему оставалось лишь медленно

покрываться слоями голубиного помета. Прошло немало времени, прежде чем краем сознания он различил знакомый звук.

Кап… Кап… Кап…

Глава двенадцатая Одиннадцать дней спустя Нью-Йорк

Трансатлантический пароход «Сатурния» прибыл в Нью-Йорк в июне тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года. Через час все до единого пассажиры покинули каюты и палубы, чтобы погрузиться в первобытный хаос конторы иммиграционной службы на Касл-Гарден. Каждого из них ждал хвост бесконечной очереди, замысловатые ритуалы регистрации вновь прибывших и невыносимая пытка местной бюрократией. Суровые блюстители закона терзали иммигрантов вопросами, но, ко всеобщему облегчению, никого не убили, почти никого не задержали, а оружие в ход не пустили ни разу.

На фоне мрачной толпы оборванцев выделялся молодой человек в запыленном, но вполне приличном костюме и помятой шляпе из превосходного фетра. С изнурительными иммиграционными процедурами он управился на редкость быстро. Не в последнюю очередь потому, что прекрасно говорил по-английски.

Иностранец покинул контору в ранние сумерки. Путь его лежал в Бэттери-парк, на Нижний Манхэттен. Охотников угадать возраст странника могли бы ввести в заблуждение пышные усы и угрюмый, усталый вид, но в действительности нашему герою через месяц должно было исполниться всего двадцать восемь лет. Из багажа при нем был лишь портфель с чертежами и тетрадями, содержание которых любой здравомыслящий человек счел бы бредом сумасшедшего.

Несмотря на усталость, путешественник не переставал дивиться американскому городу. Больше всего его поразил шум: все давно знакомые городские звуки здесь были громче, навязчивей, веселее. Вечером на улицах было полно народу, конторы и лавки и не думали закрываться. Повсюду сновали экипажи, и в пыльном воздухе витал запах конского навоза. Почти все прохожие выглядели так, будто внезапно осознали, что роковым образом опаздывают на очень важную встречу. Чужеземцу увиденное казалось странным и не вполне реальным.

На город опускалась тьма. Вооруженные длинными фитилями фонарщики разжигали в газовых фонарях бледно-желтое пламя.

Бродяга держал путь на север, туда, где, как ему было известно, располагался центр города. Витрины магазинов манили разнообразной снедью, а в желудке у путника урчало от голода.

Во время десятидневного путешествия ему пришлось голодать. Между тем в активе у него были завалявшиеся в кармане четыре американских цента. Купленной на эти деньги еды хватило бы ровно на два укуса, а о крыше над головой и чистой постели не приходилось даже мечтать.

Путник шел от фонаря к фонарю, шаркая подошвами по мостовой. Брел куда глаза глядят, следуя за огнями газовых светлячков в самую глубь городской утробы.

Тесла уже подумывал о том, чтобы устроиться на ночлег в каком-нибудь парке или даже на кладбище. По сравнению с пароходом любое место могло показаться раем. Главное, чтобы там было тихо.

Одно Никола знал наверняка: когда он садился в поезд, бумажник был при нем. Чтобы взойти на борт, требовалось предъявить документы. Так путешественник узнал, что его обворовали. Скорее всего, это случилось в поезде. Хорошо еще, что он переложил билет на пароход в другой карман, а то об Америке можно было и вовсе забыть. Добравшись до своей каюты, незадачливый путешественник окончательно убедился в пропаже бумажника. Отныне все его имущество состояло из чемодана, портфеля с бумагами и горсти мелочи в кармане.

Чемодан хранил верность хозяину, пока матросы не устроили заварушку на борту, и сгинул навек в образовавшейся суматохе. Николе оставалось благодарить судьбу за то, что бесценное рекомендательное письмо было надежно спрятано в кармане жилета. Он готов был пройти через любые испытания, лишь бы добраться до заветных дверей, для которых этому письму предстояло послужить ключом.

Голод мешал думать. Тесла остановился передохнуть, прислонился к фонарному столбу. Куда теперь? Он никак не мог сообразить. Попробуй сосредоточиться, когда живот сводит от голода.

Пройдя еще немного, Никола разглядел в полутьме вывеску ремонтной мастерской. Внутри горел свет. Заглянув в окно, прохожий увидел несимпатичного с виду толстяка в элегантном костюме, который сидел за столом и сосредоточенно ковырялся в каком-то электрическом приборе.

Узрев эту картину, молодой человек улыбнулся, впервые с тех пор, как ступил на американскую землю. Перед ним была машина Грамма, генератор, соединенный с мотором, в точности такой, какой демонстрировал на лекциях профессор Пешль.

Хозяин мастерской сделал неловкое движение и ударился о корпус машины тыльной стороной ладони. Громко выругавшись, он бросил на стол отвертку и принялся расхаживать по комнате,

держа затекшую руку на весу.

Никола позабыл про голод. Голова перестала кружиться, туман рассеялся, впереди возникла ясная и достижимая цель. Тесла распахнул дверь мастерской и с порога радостно сообщил ее владельцу, что имел дело с такой машиной и знает, как ее починить. Предвкушение интересной работы сразу вернуло Тесле растраченные в дороге силы.

Меньше чем через час он победно щелкнул выключателем отремонтированной машины Грамма, и та немедленно ожила.

Владелец мастерской радовался как дитя:

— Только посмотрите на это! Только посмотрите! Уму непостижимо!

— Спасибо! — улыбнулся Никола. — Я рад, что смог вам помочь даже в такой малости.

— А я уже готов был сдаться! — признался хозяин мастерской. — Это была бы трагедия! Уж поверь мне! Настоящая трагедия!

— Трагедия? — удивленно переспросил Никола. — Эти машины не такие уж дорогие, их несложно заменить.

— Заменить?! — взревел хозяин. — Заменить? Ха! Дружище, да ты не знаешь, о чем говоришь! А чтобы ты не думал, что я умею быть благодарным только на словах… — Он достал из бумажника двадцатидолларовую банкноту.

Никола не поверил своим глазам.

— Сударь… Это двадцать долларов!

— Вот и отлично, бери смелее. Поверь, дружище, ты их заработал! Ха! Еще как заработал, так и знай!

Никола растерялся:

— Видите ли, сударь, вся эта машина стоит намного меньше.

Владелец мастерской без церемоний сунул купюру Николе в карман.

— Это, приятель, тебе так только кажется. Заменить! Скажешь тоже. — Он перешел на доверительный шепот: — Я купил эту штуковину для своей подруги. Отличная вещь, чтобы развлекать гостей на вечеринке. Всегда производит фурор.

— А почему бы вам не купить ей новую?

— О, нет-нет-нет! И речи быть не может! Это ее машина. Видишь, здесь выгравированы инициалы? Если я куплю новую, она тут же заметит подмену!

— Боюсь, я не понимаю.

— Мне что, написать это тебе на бумаге?

— Зачем же писать?

— Она думает, я могу починить все на свете! Сечешь? Говорит, что полюбила меня за это. Что я мужчина, на которого

можно положиться, понимаешь? Вот моя жена прекрасно знает, что я не способен починить и половины хлама, который мне приносят. Вещи на выброс! Обломки обломков! — Он похлопал спасенный агрегат по жестяному корпусу. — Будь это вещь моей жены, я бы и не подумал ее чинить.

Хозяин лавки хохотнул и подмигнул Николе.

— Уж поверь мне, мистер, ты заслужил эти деньги! И сдается мне, они тебе очень кстати.

— Боюсь, вы правы. Я очень устал и хотел бы остановиться где-нибудь на ночлег. Да и поесть не помешает.

— А как насчет ванны? — усмехнулся хозяин лавки.

— А уж это первым делом.

— Ну, вот и отлично! Кстати, мне пора закрываться. Сегодня я могу рассчитывать на благосклонность одной дамы. И все благодаря тебе.

Никола с трудом держался на ногах и едва ли понимал, что происходит. Выйдя из мастерской вслед за хозяином, он долго стоял на углу, теребя двадцатидолларовую банкноту. После изматывающего путешествия и неласкового приема, который оказал ему этот шумный город, он за полчаса заработал сумму, составлявшую его месячное жалованье в Париже. Тесла не раз слышал о таких вещах, но не думал, что нечто подобное может приключиться с ним, да еще так скоро. Воистину он попал в страну возможностей.

Должно быть, сами небеса посылали ему знак, что он был прав, когда решил перебраться в Америку, и здесь он непременно добьется успеха. Тесла ощутил прилив энергии. Мощный и свежий. Его хватило, чтобы укрепить дух и прогнать тревогу. Никола чувствовал: на этой земле он недолго будет чужаком.

Переведя дыхание, он втянул голову в плечи и напряг все мускулы. Видения кружили у него перед газами, будто стая ворон. Немного успокоившись, Никола учинил срочную ревизию немногих вещей, о которых можно было с уверенностью сказать, что они настоящие: рекомендательное письмо и двадцать долларов. Краеугольные камни новой жизни.

Первым делом надо было разыскать гостиницу. Теперь Николе шагалось на удивление легко, словно он уже успел отдохнуть. Письма и банкноты должно было хватить, чтобы доказать матери, что она в нем не ошиблась, и опровергнуть предсмертные слова отца о том, что в его сына вселилось зло. Скоро весь мир узнает об удивительных свойствах магнитных полей. Скоро он найдет достойное применение своему удивительному дару, и тот перестанет быть проклятием. Время великих свершений пришло, и места лучше, чем эта удивительная

земля, для них не сыскать.

* * *

К девяти утра Никола успел отлично выспаться, побывать в парикмахерской и обзавестись новым костюмом, который, хоть и был дешев, безукоризненно сидел даже на его тощей и долговязой фигуре.

Отправляясь в знаменитую лабораторию «Компании Эдисона» на Южной Пятой улице, что на Нижнем Манхэттене, Тесла втайне надеялся, что ему представится возможность получить аудиенцию у Босса. Но тут судьба совершила очередной немыслимый разворот. Рекомендательное письмо возымело неожиданный эффект, и ошеломленный Никола меньше чем через час обнаружил себя сидящим в глубоком кресле в приемной самого Томаса Алвы Эдисона. Оставалось лишь поражаться тому, как быстро делаются в этой стране дела.

Эдисона сопровождала целая армия любезных и расторопных помощников. Пока Босс читал рекомендательное письмо, свита взирала на него с молчаливым благоговением.

— Ну что ж, мистер Тесла, — начал Эдисон, ознакомившись с рекомендациями. — Я привык доверять суждениям Шарля Бачелора, нашего парижского коллеги. — Он повернулся к своим помощникам. — Вы только послушайте: «Мистер Эдисон, я знаю всего двух по-настоящему великих людей. Один из них вы, а второй, осмелюсь сказать, Никола Тесла».

Обменявшись многозначительными взглядами с верной свитой и картинно вскинув брови, Эдисон обратился к Николе:

— Должен признаться, ваши парижские достижения действительно впечатляют. Вы, несомненно, талантливы, а мне нравится иметь дело с талантливыми людьми. Что же касается премии, обещанной вам французскими коллегами… Видите ли… У моих компаний на континенте автономное управление.

— Автономное? — без всякого выражения повторил Никола.

— А он неплохо говорит по-английски, — заметил Эдисон в сторону, продолжая пристально смотреть на Николу.

Ассистенты заговорили разом, перебивая друг друга.

— Совершенно с вами согласен, — сказал один.

— Почти как американец, — признал второй.

— Сразу видно образованного человека, — отметил третий.

Четвертый отчитался в проделанной работе:

— Я ознакомился с его резюме: он говорит на восьми языках. Окончил политехническое училище. Основы физики, теория

электричества… — Заметив в глазах Эдисона беспокойство, поспешно добавил: — Это все в Европе.

Эдисон сочувственно и ободряюще улыбнулся, словно добрая бабушка оробевшему внуку.

— Европейские отделения платят своим сотрудникам сами, — терпеливо объяснял он. — Понимаете? «Компания Эдисона» обещала вам премию. Все правильно, но это была французская компания. Боюсь, вы стали жертвой своеобразного французского юмора. — Приближенные Босса бросали на Теслу любопытные взгляды, ожидая его реакции.

И Тесла не обманул их ожиданий: он рассмеялся.

— Жаль, им никогда не узнать, насколько удалась их шутка! В дороге у меня украли бумажник. Я прибыл сюда с четырьмя центами в кармане.

Последовала непродолжительная пауза… Затем Эдисон и его свита разразились хохотом, чем окончательно смутили Николу.

— Вы слышали, парни?! — воскликнул Эдисон. — Он вовсе не белоручка, его путь к успеху оказался тернистым, как у каждого из нас.

Босс повернулся к Николе.

— Я беру вас на работу. Французы утверждают, что вы придумали, как усовершенствовать мои генераторы. Что ж, они только и делают, что ломаются по всему городу. Если вы сумеете поправить положение, я превращу ваши пять тысяч франков в пятьдесят тысяч долларов. Слышите? Пятьдесят тысяч долларов! Сверх основного жалованья, — пообещал он и, не сдержавшись, добавил: — Я знаю, вы не откажетесь!

Эдисон и его люди снова расхохотались, на этот раз пуще прежнего. Отсмеявшись, Босс жестом велел одному из помощников проводить Николу, заключив на прощание:

— Ступайте за этим парнем, он вам все покажет.

Никола послушно поднялся и двинулся к выходу, но у порога Эдисон снова его окликнул.

— Вот что, мистер Тесла, — проговорил он добродушно. — Воруют все, таковы законы бизнеса. Только маменькины сынки из колледжа раскрывают карты в начале игры.

Никола подождал, не скажет ли Босс еще что-нибудь, машинально ощупал карманы и улыбнулся.

— Мистер Эдисон, я вообще не умею играть в карты.

Свиту Босса сразил очередной приступ хохота, но Никола поднял руку, требуя тишины. Жест получился таким уверенным и властным, что ослушаться никто не посмел.

— Однако нашу беседу едва ли можно назвать переговорами. Вы, несомненно, слишком умны, чтобы не взять меня, а я

слишком вас уважаю, чтобы отказаться от работы. Что же касается обещанной парижским отделением премии, будем считать, что я им ее подарил. Все, что ни делается, к лучшему. — Произнеся эти слова, молодой человек вежливо поклонился и вышел.

Эдисон проводил его долгим задумчивым взглядом. От удивления он позабыл, что в кабинете есть кто-то еще. Босс силился понять, кого взял на работу: уникальный талант, на огранку которого не жаль потратить время и силы, или нахального иностранца с непомерным самомнением. Так и не найдя ответа, Эдисон разозлился на самого себя. Довольно этой чепухи. Пора заняться чем-нибудь полезным.

Босс разогнал свиту и сосредоточился на устройстве спирали электрической лампочки, решив, что еще успеет присмотреться к новичку.

И показать ему, как делаются дела.

Глава тринадцатая Вечером того же дня Нью-Йорк

Знакомство Николы с «Компанией Эдисона» завершилось ближе к вечеру. На первое время новичку полагался номер в отеле и небольшой аванс.

Для Теслы этого было более чем достаточно. Еще вчера ему не на что было поесть, а сегодня появились и работа, и крыша над головой, и даже деньги на карманные расходы. Окрыленный, он успел прошагать целый квартал, прежде чем спохватился и напряг мышцы, чтобы чрезмерный восторг не открыл дорогу видениям.

На ходу Никола размышлял, куда направиться. Разумнее всего было вернуться в гостиницу и хорошенько выспаться. Тесла валился с ног от усталости, а рабочий день начинался в семь. Погруженный в раздумья, он сделал большой крюк, запоминая дорогу и заодно глядя по сторонам. Когда Никола вновь повернул на север, все его сомнения рассеялись. Усталость прошла сама собой. Мускулы разогрелись от ходьбы, шаг сделался широким, походка легкой. Долгая прогулка после почти двух недель взаперти была истинным наслаждением. До чего же приятно было снова ощутить под ногами твердую почву!

Дома на Манхэттене были по большей части в пять этажей, как в Европе. Возведенные по европейским образцам, из того же кирпича и гранита, эти здания все равно казались совсем новыми, построенными от силы пару лет назад. Отличия американских копий от континентальных оригиналов были очевидны и в то же время неуловимы, как навязчивый запах. Большинство домов было построено из кирпича, обожженного после рождения Николы. Не старше выглядели и гранитные плиты. Царившая всюду новизна превращала город в декорации модного спектакля.

Заглядевшись, Никола споткнулся о бордюр; боль обожгла ногу и устремилась вверх, разливаясь по всему телу. Слепящая вспышка пронзила мозг, разделив Новый Свет и старую Европу волной энергии. Оставаясь одним целым, они совершенно не походили друг на друга. В мире оживших архитектурных стилей европейские здания и их американские наследники существовали в разных временах и не сливались друг с другом, несмотря на поразительное сходство. Между ними курсировали потоки энергии.

Николе пришло в голову, что его собственные прошлое и будущее, возможно, соединяет такой же поток. При мысли об

этом по спине молодого человека пробежала дрожь. Он сильнее напряг мускулы и ускорил шаг. Сгущавшаяся тьма сглаживала очертания материального мира.

Ритм собственных шагов убаюкивал Теслу. Отдавшись во власть видений, он продолжал путь, полагаясь лишь на крошечный просвет сознания, позволявший держаться нужного направления и обходить препятствия.

Никола сторонился прохожих, опасаясь, что кто-нибудь решит вовлечь его в разговор. Стараться понять, о чем толкуют местные обыватели, вникать в их медлительные раздумья, а потом формулировать ответы, да еще так, чтобы не поставить собеседников в глупое положение, после такого трудного путешествия было для него поистине непосильным трудом.

Тесла воображал себя крошечным человечком, что обитает в собственной черепной коробке и смотрит на мир из окон-глазниц. Этот человечек уютно устроился в кресле-качалке, а мысли его парят свободно, не скованные границами реальности. Так он прошагал по северному Манхэттену двадцать кварталов, или милю, или одну целую шестьсот девять тысячных километра.

Ночь вступила в свои права, на небосклон взошел молодой месяц. Реальный мир, на который крошечный Никола взирал из окон-глазниц, утратил яркие краски и четкие очертания. Газовые фонари в одиночку сражались с темнотой. Лишь изредка впереди мелькал фонарь на облучке экипажа или огонь за шторами какого-нибудь полуночника. Светящиеся стеклянные шары на чугунных столбах в пять метров — или пятнадцать футов — высотой попадались на каждом углу. Исходящие от них брызги янтарного света не могли разогнать ночной мрак, их хватало лишь на то, чтобы увлечь за собой путника, указать ему дорогу в самое сердце города.

Очнувшись от грез и взглянув на указатель, Никола узнал, что находится на перекрестке двух широких улиц, 59-й стрит и Пятой авеню. На территории шикарных особняков и соборов с устремленными в небо шпилями. По идеально ровной мостовой могли бы проехать в ряд шесть экипажей. Уличное движение не затихало даже в такой поздний час, но заторы — бич Праги и Парижа — этой части Манхэттена не грозили. По расчетам Теслы, на каждый квартал приходилось приблизительно пять целых три десятых кэба. Экипажи без труда разъезжались на широких улицах. Казалось, город построен для еще не придуманных механических повозок, значительно превосходящих современный транспорт своими размерами.

На углу Тесла повернул на север, и перед ним раскинулся Центральный парк. Сколько раз он читал об этом в книгах,

прокладывал маршрут на карте! Как замечательно будет прогуляться по аллеям под проливным дождем! А для того чтобы снимать нервное напряжение при помощи гимнастики, лучше места и придумать нельзя. Разбегавшиеся от входа тропинки манили в глухую чащу. Никола проникся благодарностью к тому, кто сумел сохранить посреди огромного города островок полудикой, почти первозданной природы.

Между тем прогулка непростительно затянулась. От ужина можно было и отказаться, но поспать хоть несколько часов точно не помешало бы. Тесла почти не сомневался в том, что главная беда американских генераторов Эдисона — в настройке и балансе и что починить их ему не составит труда даже с закрытыми глазами, однако на новую работу следовало явиться хорошо отдохнувшим и готовым к любому повороту событий.

Положившись на инстинкт и предоставив телу искать дорогу на ощупь, Никола вернулся в уютное кресло перед окнами-глазницами и, точно гравер, поглощенный работой над эстампом, с головой погрузился в размышления. Как лучше воспользоваться нежданным подарком судьбы, как в точности выполнить все, что потребует мистер Эдисон, как не упустить ни одной из новых возможностей? Нужно во что бы то ни стало доказать великому изобретателю, что он не ошибся, приняв на работу пришельца из Старого Света. Встреча с самим Томасом Эдисоном сулила безвестному европейцу головокружительное будущее. Признание, уважение, процветание, проникновение в узкий круг творцов современной науки. Тех, кто освободит человечество от непосильного труда и жестокой борьбы за существование.

В свете такой перспективы давние страхи рассеивались, будто тени под фонарем, а мрачные пророчества отца казались пустыми предрассудками. Добившись своего, он сможет доказать, что видения — дар, а не проклятие.

Николу наполняло чувство чистого восторга, легкого, летучего, словно гелий. С таким наставником, как Томас Алва Эдисон, его жизнь изменится раз и навсегда. Дело оставалось за малым: сделать так, чтобы Томас Алва Эдисон согласился взять его в ученики.

В гостиницу Тесла вернулся к десяти, в предвкушении завтрашнего дня. Ложиться он пока не собирался: сначала надо было выпустить видения, весь день томившиеся в неволе. Они рвались на свободу.

У Николы давно не было повода для благодарности судьбе. Зато теперь он мог сказать, не покривив душой: его усилия не пропали втуне, тяжкий труд и лишения выпали ему не зря.

Теперь робкая нота его жизни станет полнозвучным

аккордом. Сон подождет. Теперь, как никогда, важно ничего не пропустить.

Глава четырнадцатая На следующий день Менло-парк Нью-Джерси

Поутру Томас Эдисон первым делом убедился, что его подчиненные готовы прилежно трудиться и их можно без опасений оставить наедине с приборами до конца рабочего дня. Затем он велел заложить два экипажа для себя и своих ближайших помощников, чтобы поспеть на нью-йоркский паром. Дорога от Менло-парка до манхэттенской лаборатории занимала ровно три часа. Чтобы не терять попусту драгоценное время, Эдисон завел обычай устраивать в пути совещания с ассистентами.

На этот раз им было что обсудить. Босс по очереди выслушивал управляющих, требуя отчета обо всех без исключения ученых и инженерах, бывших под его началом. Эдисон доставал каждого до печенки во имя общей цели. Подчиненные поглядывали на своего хозяина-деревенщину свысока, а он видел их насквозь. По сути, читал их мысли. Они в большинстве своем считали себя куда умнее Босса. Но разве университетские дипломы не давали им права так думать? Они полагали, что авторитет Эдисона держится на деньгах и влиятельных покровителях. И разве это было не так?

Впрочем, от их высокомерия не оставалось и следа, стоило им уяснить, что имя Томаса Алвы Эдисона было известно во всем мире, когда они только пробовали на зуб гранит науки. Все эти мальчики из колледжа изо дня в день таскали в контору корзины с ланчем и трудились от зари до зари за умеренное жалованье — все, за исключением немногих избранных, командовавших ими: малообразованных, неотесанных деревенских тугодумов. Право, трудно не любить страну, в которой такое возможно.

До лаборатории на Южной Пятой улице Эдисон добрался после полудня и первым делом решил проверить, как там новенький. Этот многообещающий молодой сотрудник. Оказалось, что Никола Тесла успел по локоть залезть в недра самой мощной динамо-машины.

Узнав об этом, Эдисон поразился собственной реакции. Новенький сделал, что ему велели, и на первый взгляд не дал руководству никаких причин для раздражения. В том, чтобы начать починку машин именно с этой, несомненно, были свои резоны; генератор в конторе Эдисона должен оставаться исправным, даже если все остальные вышли из строя.

Но несмотря на эти несомненно разумные доводы, при виде

Теслы у Босса заныло под ложечкой. Половина компании столпилась вокруг новичка и внимала его импровизированной лекции о «гармоническом балансе силовых волн». Пока Эдисон стоял в сторонке, прислушиваясь к словам новичка, желудок беспокоил его все сильнее. Один вид сотрудников, побросавших свои места посреди рабочего дня, возмущал Босса до глубины души, хотя те все равно не смогли бы сделать ничего путного, пока в лаборатории не работал главный источник питания. Отсутствие электричества еще не повод бить баклуши и слушать не то что болтовню новенького, а даже саму Нагорную проповедь.

Но главное — с этим ничего нельзя было поделать: Тесла в точности исполнял должностные инструкции. Получалось, что Эдисон сам привлек внимание остальных к этому иностранцу, можно сказать, назначил его героем дня.

Все это было неправильно, но Босс ничего не мог тут поделать. Оставить все как есть он тем более не мог. Эдисону сделалось дурно при первом же взгляде на Теслу, но тогда он не обратил на это внимание. «Пренебрег телесной мудростью», — как сказала бы миссис Эдисон. Сама она никогда не пренебрегала подобными вещами.

И когда он только успел сделаться таким размазней?! До сорокалетия осталось три года: рано почивать на лаврах. Благо перед глазами есть замечательный пример: этот парень, Тесла, моложе его на десять лет и впридачу прекрасно образован. Не хуже его самых толковых управляющих, а то и лучше.

Другими словами, идеальный кандидат на то, чтобы свергнуть Эдисона с престола, побить Чародея из Менло-парка в его коронной игре. Таков закон Судьбы, но Босс не собирался ему подчиняться, по крайней мере не сейчас, когда рукой подать до главной цели: озарить всю страну, а потом и весь мир сиянием Эдисонова электричества.

— О, мистер Эдисон! Как хорошо, что вы пришли! Я как раз говорил леди и джентльменам о значении гармонического баланса силовых волн.

Эдисон поднимался по ступенькам.

— Отлично. Продолжайте. Нас всем есть чем заняться.

Не удостоив взглядом своих приближенных, босс вошел в подъезд и закрыл за собой дверь.

У Томаса Эдисона есть рычаг, чтобы покорить мир. Ни один маменькин сынок из частного пансиона его не отнимет. Пусть не обольщается.

Едва мистер Эдисон скрылся за дверью, сердце Николы заныло от безотчетного страха.

Что случилось?! Что он сделал не так? Работа спорилась.

Остальным было интересно. Почему же Босс прошел мимо с рассерженным видом, даже не взглянув на него?

Впрочем, может, это не так уж плохо. Может, это означает, что Босс уже начал доверять новичку. А если нет — если он в действительности недоволен, — чем, во имя господа, Никола успел его разозлить, не проработав и дня?

Другие работники терпеливо ждали продолжения лекции. Поведение Эдисона их, по всей вероятности, нисколько не смутило. Тесле сделалось еще страшнее. А вдруг их молчание продиктовано обычной вежливостью? Что, если так они давали понять, что ему самому неплохо бы помолчать?

Нечто подобное Никола ощутил после разговора с герром доктором, когда понял, как жестоко поступал с другими студентами, выставляя их дураками. Вдруг сейчас происходит то же самое? Не это ли разозлило мистера Эдисона?

Остальные хранили деликатное молчание. Тесла не мог с уверенностью сказать, сколько длилась эта сцена. Секунды две-три? Никола зажмурился, до отказа напряг мышцы, распрямился, глубоко вздохнул и повернулся к новым сослуживцам.

— Ну ладно. У меня, как видите, еще очень много работы, — объявил он и добавил, немного подумав: — У вас, я уверен, тоже. — Сопроводив свои слова учтивым кивком, Тесла вернулся к сломанному динамо.

Деликатные, но безучастные коллеги тотчас разошлись по своим делам, нисколько не задетые таким обращением. Лишь парочка молодых лаборантов обнаружила что-то вроде человеческих чувств. Они задержались во дворе покурить, пока главный генератор отключен, и, расположившись за спиной у Николы, посмеивались над его рвением.

Теслу вновь охватил ужас. Выходит, он умудрился в первый же день настроить против себя всю контору. Не хватало еще, чтобы мистер Эдисон в нем разочаровался. Нет, такого позора он не перенесет! Надо работать, не жалея себя, надо любой ценой доказать Боссу, что тот в нем не ошибся.

И Никола погрузился в работу. Ремонт генератора оказался задачей не столько сложной, сколько трудоемкой, и грозил занять немало времени. Украдкой вздохнув, Никола вернулся к тому, что проделывал сотни раз, в разных странах и на разных континентах: к починке гигантской динамо-машины. Пока ходячий автомат сосредоточенно работал, его крошечная копия продолжала взирать на мир из окон глазниц. Маленький человечек покачивался в кресле, отпустив душу в свободный полет.

Особый статус Теслы — новичок, к тому же иностранец,

которого взяли по личному распоряжению Босса, — заинтриговал и расположил к нему прочих клерков. Никола подозревал, что его замкнутость и сдержанность, не говоря уж о странных манерах и скованных движениях, должны отпугивать людей, особенно американцев, но вскоре оказалось, что новые коллеги вполне готовы мириться и не с такими странностями.

Тесла справился с первым заданием без особого труда, если не считать того, что во время редких и непродолжительных встреч с Эдисоном маленькому человечку приходилось покидать кресло и возвращаться в собственное тело, чтобы проявить должную почтительность к работодателю.

Шли недели. Никола не брался оценивать свою работу на новом месте, однако ему, по крайней мере, удалось ни разу не прогневать мистера Эдисона. Не так уж мало, если учесть, как легко Босс выходил из себя. Сам Эдисон между тем оставался для Теслы загадкой.

Пока крошечный человечек в голове у Николы размышлял и грезил, тело его автоматически передвигалось по городу, ремонтируя генераторы всюду, где в том появлялась необходимость. Опираясь на парижский опыт, молодой человек старался не только чинить машины, но и совершенствовать их. Работа над динамо занимала от нескольких часов до нескольких дней, и мастерство Николы росло с невиданной быстротой. Он спал по три часа в сутки и вместо зарядки каждое утро купался в Ист-Ривер.

Чтобы сохранить добрые отношения с коллегами, Тесла старался общаться с ними как можно меньше. Подобная тактика приносила плоды, хоть со стороны и могло казаться, что он с ними невежлив.

Зато в мире видений творилось нечто весьма интересное: Никола был поглощен проблемой взаимоотношений энергии и материи. В чем заключается их главное различие, не считая плотности? Тесла неустанно искал ответы: если материя и энергия в сущности одно и то же, можно ли перемещать последнюю из одного места в другое без проводов? Если они во всем сходны, как использовать это сходство? Каждый ответ порождал все новые вопросы.

Но даже лихорадочные поиски истины не могли отвлечь Теслу от мыслей о Карине. Призрак оставался тайной, непознаваемой, лежащей за гранью разума. Никола не знал, когда она появится вновь.

* * *

Эдисон припаивал контакт очередной электрической лампочки и обжегся о раскаленный паяльник. Один из его приближенных — Хокинс, или Хоутон, или Харпер, или как там его, — застал Босса сосредоточенно сосущим палец.

— Прошу прощения, сэр… Сэр?

Эдисон искоса взглянул на управляющего:

— Что там еще?

— Ох. Тесла, сэр. Он только что наладил последнее динамо. Всего их двадцать четыре. Если коротко, он убрал длинноволновые поля и заменил их коротковолновыми. Они значительно эффективнее.

— М-м-м, неплохо… Этот Тесла оказался чертовски полезным приобретением.

— В точности так, сэр.

— И?

— Ох. На двух последних динамо он установил систему автоматического контроля. Сказал: просто так, посмотреть, что получится. Эта система нужна, чтобы провода не перегревались. И она действует! Честное слово, я сам видел.

Эдисон был занят. Любой дурак заметил бы, как сильно он занят. Ему во что бы то ни стало нужно было довести до ума новый цоколь.

— Что ж, очень хорошо. Тесла способный парень.

— Но ведь это было последнее динамо, сэр. — Голос управляющего слегка дрогнул. — Он… э-э-э… уже просил премию?

Хокинс, вот как его звать. Точно, Хокинс. Эдисон наконец удостоил своего первого помощника прямым и пристальным взглядом.

— Я все понимаю, Хокинс. Не хуже вас, осмелюсь сказать.

— Конечно, сэр! Я только хотел спросить…

— Пришли его ко мне! — Эдисон опять взялся за паяльник. — Хотя, это, наверное, лучше сделать завтра. Вели ему зайти утром.

Хокинс кивнул и направился к дверям, но вдруг резко развернулся и шагнул к Боссу, словно хотел схватить его, хорошенько встряхнуть и заставить выслушать. Босс вскользь глянул на него, мельком отметив про себя, что паренек чересчур осмелел.

Замешательство длилось не больше нескольких секунд, но Хокинсу этого хватило, чтобы принять единственно верное решение. Первый помощник Босса тихонько вышел из кабинета.

Глава пятнадцатая Несколько недель спустя Нью-Йорк

В то утро Николу ждали хорошие новости. Впервые за много дней у него появилась веская причина возвратиться из мира видений на грешную землю: аудиенция у Босса.

Разумеется, никто не ожидал, что Тесла справится с ремонтом генераторов так быстро. Все эти долгие, наполненные рутиной дни он ждал, когда мистер Эдисон его позовет. Эта встреча должна была означать, что его признали и приняли.

Полночь застала Николу на прогулке по Бэттери-парку. Подошвы тяжелых ботинок звучно шаркали по промерзшей мостовой. Тесла неимоверно устал за день, но весть о предстоящей аудиенции привела его в такое возбуждение, что сон как рукой сняло. Чтобы немного успокоиться, он решил предпринять позднюю вылазку в город.

Никола не только выполнил все поручения Босса, он сделал гораздо больше и уж точно заслужил обещанную премию. Пятьдесят тысяч долларов! Теперь он сможет забрать к себе мать, а если она откажется перебираться в Америку, обеспечить ей безбедную жизнь в ее доме. Несмотря на поздний час и мартовский морозец, Тесла ощущал живительное тепло, исходящее от этой благословенной земли. В Париже он определенно не был так счастлив.

Пронизывающий ветер нагнал рябь на черную воду залива и заставил Николу поежиться. Морской бриз и морозный воздух бодрили, по пустым ночным улицам шагалось удивительно легко.

Почти в каждом квартале имелась своя турбина, дававшая свет какой-нибудь конторе или паре-тройке жилых домов. Многие из них в свое время побывали в руках Теслы. Слабых генераторов постоянного тока едва хватало, чтобы передать электричество на милю или зажечь одну лампочку. Тем, кто жил вдали от электрических станций, приходилось довольствоваться светом куда более тусклым, чем счастливчикам, которых угораздило поселиться поблизости от источников энергии.

Впервые за полгода вырвавшись из плена видений, Никола наконец увидел, как нелепы и уродливы устаревшие генераторы. В их мерном жужжании, словно в расстроенных музыкальных инструментах, явственно слышалась фальшь.

Тесла подумал, что теперь, когда ему удалось завоевать доверие Эдисона, надо постараться убедить его в преимуществе переменного тока, способного приводить в действие механизм

любой мощности без посредничества турбин.

Но как это сделать? Как убедить Босса перевести генераторы на «несуществующий» переменный ток, не переходя границ и не нарушая субординации? Математические формулы здесь бесполезны; все знали, что Эдисон ставит здравый смысл несравнимо выше академических знаний. Как найти общий язык с человеком, который при каждом удобном случае подчеркивает свое простонародное происхождение и превыше всего ценит абстрактный и таинственный «здравый смысл», зачастую гарантирующий его правоту практически в любом споре?

Наутро Никола явился в контору к назначенному сроку и без толку прождал до полудня. Секретарь Эдисона несколько раз подходил к нему с извинениями, однако Босс продолжал вызывать к себе одного инженера за другим, игнорируя Теслу.

Когда настало время ланча, Эдисон прошел мимо новичка, по обыкновению не взглянув на него, лишь бросив на ходу, что у него полно дел и он примет Теслу, когда вернется. Когда это произойдет, он не уточнил, и Никола, даром, что и сам был не прочь перекусить, не решился покинуть контору. Вместо этого он принялся бродить по мастерским, пока не наткнулся на инженера, отдыхавшего от работы за кульманом, и не выпросил у него карандаш и лист бумаги.

Коль скоро он застрял в конторе, лучше не терять времени даром и набросать схему, с помощью которой можно наглядно продемонстрировать преимущества переменного тока. Вернувшись на свое место, он погрузился в работу, стремительно зарисовывая линии и фигуры, витавшие перед его мысленным взором.

Шли часы. Перерыв на ланч давно кончился. Наступил вечер. Последний из припозднившихся чертежников ушел домой, а Тесла все колдовал над схемой, время от времени устремляя взгляд в пустое пространство, чтобы свериться с видимым ему одному оригиналом. Схематичный набросок успел превратиться в тщательно проработанный, с уверенными элегантными линиями рисунок, изображавший вращение взаимодействующих магнитных полей. К картинке прилагалось подробное, разбитое на параграфы пояснение.

Никола, поначалу втайне роптавший на задержку, теперь видел в ней несказанную милость судьбы. Можно было не сомневаться, что такая ясная и подробная схема легко убедит мистера Эдисона в том, что переменный ток существует и его можно заставить работать на благо человечества.

Неизвестная доселе энергия невиданной мощности существовала, и человек мог ее покорить; доказательством тому

был рисунок на белом листе. Для Теслы этот лист станет пропуском в бессмертие, знаком исполненного сыновнего долга. Теперь его имя останется в веках, а пятьдесят тысяч долларов вот-вот окажутся у него в кармане.

Эдисон вышел из кабинета, на ходу натягивая пальто. Увидев Николу, он на миг замешкался, потом кивнул и направился прямо к нему. Тесла самозабвенно выводил на листе бумаге какие-то каракули. Он так увлекся, что не заметил Босса.

Эдисон кашлянул.

— Все еще на рабочем месте? Весьма похвально, мистер Тесла. Вы единственный человек, который спит еще меньше, чем я.

Тесла ответил, не отрываясь от рисунка:

— На самом деле часы, потраченные на сон…

— Может быть, вы наконец скажете мне, над чем работаете? А то жена ждет меня к ужину.

— Да! Как хорошо, что вы спросили! Я как раз хотел обсудить это с вами. Это, как видите, индукционный двигатель на основе переменного тока. Сэр, я сконструировал таких три! Они работают. Если раскрутить магнитное поле с достаточной силой…

— Переменный ток? Вы предлагаете пускать электричество по тонким медным проводам? И как, по-вашему, человек может справиться со столь мощной энергией? Ну, уж нет! Только постоянный ток, мистер Тесла! Постоянный ток осветит Америку. Это единственный способ поставить электричество на службу массам. Не забывайте о производстве. Производство — это люди, которых нельзя делать заложниками такой страшной силы! Их же поубивает током одного за другим!

Никола уставился на Босса, не веря своим ушам. Чтобы хоть немного успокоиться, ему пришлось по обыкновению глубоко вздохнуть, до предела сжать мускулы и напомнить себе о том, что дискуссия о переменном токе может подождать до следующего раза.

Сейчас гораздо важнее обсудить финансовый вопрос, решение которого сулит небывалые перемены в жизни скромного клерка.

— Ну да. А впрочем, все это пустяки, — начал Никола. — Я просто хотел чем-нибудь себя занять, пока ждал вас. Видите ли, у меня нет возможности посылать матери сколь-нибудь серьезную сумму, однако моя премия…

— Ваша… что?

Никола растерянно запнулся, но тут же произнес, старательно выговаривая каждое слово:

— Пятьдесят тысяч долларов.

— …А! Понятно. — Эдисон взял со стола электрическую лампочку и принялся внимательно ее рассматривать. — Ваша матушка живет в Хорватии?

— Да. Но я хочу перевезти ее сюда, как только получу премию. Моя мать очень больна. Правда, она в этом не сознается. Когда у меня появятся деньги, я смогу ее вылечить.

— Я как-то попытался найти на карте городок, откуда вы родом. Его там не было.

— Моя провинция очень маленькая, и, вполне возможно, на вашей карте…

— Это дикие места?

— Дикие?

— Деньги вам нужны на всякие языческие штучки?

— Языческие? Сэр, о чем вы говорите?

— Я говорю, что я христианин, мистер Тесла! А потому отвечайте как перед Богом: кто-нибудь из ваших родственников хотя бы раз ел человеческое мясо?

Никола часто заморгал. Эдисон выдержал эффектную паузу и разразился громоподобным хохотом:

— Я пошутил, мистер Тесла! Это шутка! Понимаете? В этом ваша главная проблема! Вы, иностранцы, не понимаете американский юмор!

— Мистер Эдисон, я должен послать матери…

— Разве мы заключали договор? У вас есть экземпляр? Мы, американцы, доверяем только документам!

— Я заслужил премию…

— Я ведь уже сказал вам, мистер Тесла: вы определенно не понимаете американский юмор. Ваша премия — это тоже шутка, всего лишь шутка! — Эдисон сердечно улыбнулся. — Но вы не переживайте. Не стоит отчаиваться из-за такой ерунды. Поверьте мне, в этой стране есть все, чтобы энергичный и работящий молодой человек мог преуспеть. Будет и на вашей улице праздник.

Растерянность Николы сменилась гневом. Подступающая к горлу ярость не давала вздохнуть. С трудом волоча дрожащие, негнущиеся ноги, он приблизился к Эдисону почти вплотную и произнес очень тихо, почти шепотом:

— Выходит, у вас с французскими управляющими одинаковое чувство юмора…

— Что?! Ну-ка объяснитесь!

Никола немного возвысил голос:

— Мистер Эдисон, мы с вами слуги прогресса, а значит, люди чести. Если вы не поймете эту, в общем-то, простую мысль, ваша

репутация останется единственным вашим стоящим изобретением.

— Знаете, что я вам скажу, мистер! Вы только что договорились до увольнения!

— Увольнения?! — С губ Николы против воли сорвался резкий смешок. — Вы вообразили, что я захочу здесь остаться? Я только что преподнес вам бесценный дар! Нарисовал его для вас на листе бумаги! Но на что он вам?!

Тесла приблизился к Боссу настолько, что мог коснуться ладонью его широкой груди.

— Ваша репутация — обман! Ваше величие украдено у других!

С этими словами он вышел из мастерской.

Ошеломленный Эдисон молча проводил его взглядом.

Немыслимо! Босс не смел поверить нежданному везению. Этот наивный теленок смылся сам! И не стоил ему ни гроша! Босс, прищурившись, поглядел на кульман, на котором красовалась оставленная Николой схема так называемого «индукционного двигателя». Изобретатель напряженно всматривался в линии чертежа, пока у него не зарябило в глазах.

Высокомерный ублюдок!

Эдисон сорвал рисунок с кульмана, скомкал и швырнул в ближайшую корзину для мусора, где тому было самое место. Ночью уборщики сожгут его вместе с прочим хламом. А поскольку они вот-вот подойдут, Босс может спокойно отправляться в свою манхэттенскую квартиру, не утруждая себя запиранием дверей.

Короткая прогулка помогла Эдисону вернуть утраченное душевное равновесие. В квартире у изобретателя был личный телефон, и он решил, что первым делом позвонит жене, предупредит ее, что остался ночевать в Нью-Йорке, а потом в очередной раз доверится целительной силе фирменной настойки своей матушки. Испытанному средству было под силу утихомирить любую бурю у него в животе. Старая миссис Эдисон знала толк в таких вещах.

* * *

В небе уже зажглись первые лучи нового дня, а Никола все не мог отойти от обиды и гнева. Всю ночь он машинально брел куда глаза глядят, пока не оказался на ступенях Нью-йоркской фондовой биржи.

Тесла оглядел фасады окрестных зданий — по большей части

трех— или пятиэтажных, из красного кирпича или серебристого новоанглийского гранита, задерживаясь взглядом на каждой крыше. С перекрещенных деревянных балок свисали лианы проводов: электрический кабель, телефонный, телеграфный и бог весть какой еще; повешенные без всякой системы, провода переплетались друг с другом. За ними никто не следил. Прославленный на весь мир символ финансовой мощи был коронован венцом искрящих проводов.

Изоляции во многих опасных местах, почитай, не было вовсе, так что короткое замыкание и пожар могли случиться в любую минуту. Даже здесь, в сердце величайшего американского города, на крышах прекраснейших его зданий тут и там виднелись змеиные гнезда перепутанного кабеля, скорбные свидетельства человеческого невежества. Возможно, Эдисон был в чем-то прав, утверждая, что общество не доросло до энергии высоких мощностей.

Что с этим делать, было для Теслы настоящей загадкой. Самый простой и очевидный ответ гласил: неустанно просвещать публику во всем, что касается электричества. Даже малых мощностей постоянного тока хватило бы, чтобы запалить деревянные крыши. Что ж, придется обратить этот хаос в гармонию.

Это была достижимая цель, весьма амбициозная, но вполне подходящая для мира, которым правило тщеславие. В этой привольной и богатой стране Николе Тесле были открыты любые двери — кроме той, что захлопнул перед ним Томас Алва Эдисон, тридцати восьми лет от роду, старше его всего на девять лет, всемирно известный изобретатель и образец делового американца. Никола Тесла, жалкий иммигрант, без году неделя проработавший на Чародея из Менло-парка, позволил себе усомниться в научной ценности его открытий, посмеялся над ним, отказал ему в праве называться человеком чести.

Что же ты с собой сделал?! Никола знал, что это не отец произносит полные горечи слова, что это сам он терзает себя справедливыми упреками, но легче от этого не становилось.

Что ты сделал с нашим добрым именем?! Отец умер. Он умер, но его слова, звучавшие в ушах Николы, по-прежнему жгли, как огонь, и ранили, точно клинки.

Что ты сделал со своим будущим?!

Оставь меня в покое!

Если ты ищешь покоя, почему бы тебе не изгнать демона из собственной души?

Нет никакого демона!

Правда? Значит, она — тоже «видение»? Видение, которое

рассказывает тебе о вещах, которые тебе ни за что не выдумать самому?

Никола ускорил шаг, тщетно пытаясь убежать от бури, бушевавшей внутри.

Ты же знаешь, она настоящая, и остальные видения настоящие, ведь они становятся твоими изобретениями! Кем бы ни была эта женщина, она настоящая.

Да. Наверное. Должно быть, так.

В таком случае ее подсказки — приманка. Она пойдет на все, чтобы получить власть над тобой. Видишь, сколь коварен твой демон?

Прекрати! Она надо мной не властна! Прекрати, прошу!

Только ты можешь это прекратить, Никола! Только ты!

Тесла бросился бежать, силясь найти забвение в бешеной гонке. Ноги сами вынесли его к Ист-Ривер. Пробравшись между двумя складами, молодой человек вышел на набережную, сбросил одежду, в одних тонких черных брюках вошел в воду, доплыл до середины реки и повернул обратно.

Какой-то старик на берегу кричал, что здесь нельзя купаться, но Никола сделал вид, что не слышит. Он боролся с течением, рассекал воду мощными, широкими гребками, не жалел сил, надеясь, что с усталостью придет утешение. И это у него почти получилось; на берег Тесла выбрался изможденным и успокоенным.

Даже если, по мнению того старика, купание в этом месте считалось правонарушением, это правонарушение было не таким уж тяжким. По крайней мере, Теслу старик не дождался. Выбравшись из воды, Никола натянул одежду на не успевшее высохнуть тело.

Расстояние от реки до отеля Тесла преодолел почти бегом. Прохожие недоуменно глядели вслед худущему долговязому чудаку в мокром костюме.

Через двадцать минут молодой человек вошел в гостиничный вестибюль. Его одежда так и не просохла до конца, но с нее, по крайней мере, уже не капало, и Николе удалось подняться по лестнице, не привлекая любопытных взглядов. Войдя в комнату, он запер дверь, прижался к ней лбом и облегченно вздохнул: наконец-то дома, в покое и уединении.

— Что ж, ты хотя бы признал, что я настоящая!

Знакомый голос полоснул его, будто ножом. Никола резко обернулся и увидел ее, живую, облеченную в плоть.

Тесла не удивился, не вскрикнул от ужаса, не произнес ни слова. У него накопилось столько вопросов. Где она была? Отчего так долго не приходила? Почему он должен ей верить? Он

пообещал себе, что добьется ответов во что бы то ни стало.

И забыл о своем обещании, как только увидел Карину.

— Я знаю, ты не демон… — прошептал Никола. — Но иногда мне начинает казаться, что ты… плод моего больного воображения.

— Ага! Значит, я — вдохновенное безумие гения, — игриво заметила Карина. — Или порождение этого безумия? — Она вплотную приблизилась к Николе, почти касаясь его, но все не касаясь, и увлекла на продавленный диван у окна.

— Я ничего не знаю, — проговорил молодой человек, — кроме одного: я не хочу, чтобы ты уходила.

Карина заставила Николу лечь на бок, лицом к окну.

— Все твои идеи, — нежно прошептала она ему на ухо, — все эти магнитные поля существуют на одном делении шкалы энергии. На одном-единственном делении. Под ним и над ним есть бессчетное число других энергий.

— То, что ты говоришь, для человека непредставимо.

Карина улыбнулась, на миг опустила ресницы и вдруг, к ужасу Николы, начала стремительно стариться. Всего за несколько секунд юная девушка превратилась в сморщенную, высохшую копию самой себя. Ту же самую Карину, только старше лет на сто. «Только молчи, прошу тебя, молчи!» — твердил про себя ошеломленный Никола. Он не желал знать, во что превратился нежный, мелодичный голосок его возлюбленной. Отчаянно стыдясь своей слабости, Тесла тем не менее был от всего сердца благодарен этому жуткому существу за то, что оно так и не заговорило. Вместо этого оно посмотрело Николе в глаза, улыбнулось и протянуло к нему костлявую руку. Сознание Теслы затопил ужас, и он едва почувствовал прикосновение тонких пальцев к своей щеке. Прикосновение столь легкое и стремительное, что все закончилось раньше, чем Тесла успел его по-настоящему ощутить.

Это было последней каплей. Но прежде чем потерять сознание, Никола расслышал негромкий свист: это его душа, рассекая воздух, рванулась прочь из тела. Такого просто не могло быть, но он оторвался от земли, подлетел к распахнутому окну и выскользнул в ночь, подхваченный сумасшедшим вихрем.

Черное небо рассекла серебристо-голубая молния, за ней лавиной обрушился гром. Страшный грохот нарастал с каждым новым всполохом. Никола не хотел кричать, но когда небо вновь раскололось пополам, из его глотки против воли вырвался отчаянный вопль. Ослепительная вспышка обратилась в нестерпимо яркий разноцветный фейерверк.

Через мгновение мир снова окутала тьма. Никола трижды

выгнулся в мучительной судороге и застыл. Он лежал с открытыми глазами, восстанавливая внутреннее равновесие. Собравшись с силами, Тесла поднялся с дивана и добрел до подоконника.

Распахнув окно, он высунулся наружу и жадно вдохнул ночной воздух. Небо прочертила молния.

Видения теснились перед глазами и рвались на свободу. Никола вдруг понял, что имела в виду Карина, когда говорила об «одном-единственном делении» и множествах видов энергии. И тогда он раскинул руки навстречу необъятной ночи и завопил от восторга.

Глава шестнадцатая Вечер следующего дня Отель «Новый Амстердам» Нью-Йорк

За окнами шикарного обеденного зала отеля «Новый Амстердам» собирались тяжелые тучи. Гром катился по небу, за ним спешил ветер с очередной порцией ливня. Чугунные печки трудились на славу, чтобы прогреть полный респектабельных посетителей зал. То было царство элегантных нарядов и чопорных манер. Едва ли не единственным послаблением было разрешение курить, и мужская часть публики охотно им пользовалась; тут и там дымили пузатые сигары, трубки из слоновой кости и только что вошедшие в моду тонкие сигареты. По залу плыл голубоватый дымок, приглушая кричащую позолоту. Дамам, затянутым в тугие корсеты и глухие платья, оставалось лишь стойко переносить духоту и стараться не упасть в обморок.

Никола выбрал столик на двоих в глубине зала и, к удивлению официанта, устроился за ним в полном одиночестве. Задумчиво улыбаясь, Тесла глядел в пустоту. Кто-то вдруг отодвинул стоявший напротив стул. Сделав вид, что закашлялся, Тесла прикрыл рот рукой и прошептал:

— Наконец-то мне представился случай разделить с кем-то ужин!

Сидевшая напротив Карина была совсем как живая.

— Мистер Тесла! — пропитанный густым дымом воздух рассек громкий, уверенный женский голос. Вырванный из мира грез Никола вздрогнул и обернулся: к нему направлялась пышно разодетая дама в летах. — Мистер Тесла, я так рада вас видеть! Меня зовут Корин Уоттерс. Мой покойный муж был архитектором, одним из тех, кто построил этот город.

Никола встал, поцеловал даме руку с непринужденной галантностью, которой научился в Страсбурге, и произнес в ответ на ее удивленную и немного смущенную улыбку:

— Рад познакомиться, миссис Уоттерс. Могу ли я быть вам чем-нибудь полезен?

Миссис Уоттерс слегка придвинулась к Николе и проговорила приглушенным, интимным полушепотом:

— Вполне возможно, мистер Тесла. У вас найдется минутка?

— Разумеется, — поспешил с ответом заинтригованный Никола.

— Отлично! — заявила миссис Уоттерс и, прежде чем

молодой человек успел ее остановить, плюхнулась на стул Карины.

Тесле пришлось смириться и сесть на свое место.

— У меня много друзей, мистер Тесла, — продолжала дама, — и кое-кто из них рассказал мне, как возмутительно с вами обошелся Эдисон!

— Как, уже?

— Не волнуйтесь, вашей репутации ничто не угрожает. Вы остаетесь молодым ученым с блестящим будущим, немного странным и удивительно талантливым. — Миссис Уоттерс пытливо рассматривала Теслу и тепло улыбалась.

Ее прическа напоминала разоренный ветром стог сена. Жемчужное ожерелье играло приторно-нежными перламутровыми бликами, от которых у Николы слегка кружилась голова.

Миссис Уоттерс продолжала улыбаться.

— Должна признаться, мне вы совсем не кажетесь странным.

— Спасибо.

Больше Тесла не нашелся что сказать. Опыта общения с цветом американской аристократии у него не было. Одного опрометчиво сказанного слова хватило бы, чтобы попасть в неловкое положение и предстать в глазах собеседницы безнадежным глупцом. Больше всего на свете Никола боялся настроить эту милую леди против себя, как будапештских телефонистов или однокашников по училищу. Он слишком хорошо знал, каково это, когда вполне симпатичные люди превращаются в злобных демонов.

Впрочем, пока миссис Уоттерс была настроена вполне благожелательно. Наклонившись к Николе, она с заговорщическим видом сообщила:

— Мой дорогой мальчик, не все в этой стране поклонники Томаса Эдисона! — Затем внезапно возвысила голос и объявила на весь зал: — Я устрою прием в вашу честь, мистер Тесла. Мы назовем его День независимости! Ха-ха!

Потом дама снова наклонилась к Николе и прошептала так тихо, что ему пришлось читать по губам:

— У меня три дочери на выданье. Ох, нет, что я говорю: четыре. Прелестные девушки.

— О! — Тесла совсем немного, насколько позволяли приличия, отодвинулся, незаметно напряг мышцы, глубоко вздохнул и вернулся к беседе. — Миссис Уоттерс, ваше приглашение для меня — большая честь. Однако миновав пору юности, я твердо решил не вступать в брак.

Благовоспитанная леди пришла в ужас:

— Вы хотите сказать, что вам не нравятся женщины?

Никола засмеялся:

— Почему же? Нет, конечно! Это здесь вообще ни при чем.

— Слава богу! Итак, решено! Я намереваюсь познакомить вас с талантливыми молодыми людьми, которых ждет большое будущее. Как и вас, разумеется.

— Вы очень добры, миссис Уоттерс. К сожалению, у меня совсем нет времени на светские знакомства. — Никола бросил тревожный взгляд за спину своей собеседницы и тут же принялся рассматривать столешницу, пряча улыбку облегчения.

— Мистер Тесла, — настаивала миссис Уоттерс, — не будете ли вы столь любезны объяснить, отчего у вас нет времени на светские знакомства, если вы в настоящее время являетесь безработным?

— Безработный — это тот, кому не надо ходить на службу! — радостно пояснил Никола и сообщил, доверительно понизив голос: — Но ведь настоящих дел от этого становится только больше!

Миссис Уоттерс приподнялась с места, преисполненная благородного негодования.

— Сэр, вы едва ли представляете, что теряет молодой человек вроде вас, отказывая опытной женщине в праве украсить его дни. И ночи, — добавила она с игривой улыбкой.

Никола вскинул руки в знак капитуляции.

— Мадам, позвольте мне говорить откровенно… В моей жизни уже есть женщина. Я мог бы назвать ее своей музой.

— Ну что ж, — усмехнулась миссис Уоттерс, — в таком случае вы просто обязаны вывести свою невесту в свет. Продемонстрировать ее обществу. Должна сказать, я не очень люблю попадать в нелепое положение.

— Ну что вы, мадам, вам это вовсе не грозит! И я был бы счастлив появиться в свете со своей музой. Но она… — Тесла отчаянно подыскивал нужные слова. — С ней так сложно! Она утверждает, что я выдумал наши отношения от начала до конца, и появляется, когда сама сочтет нужным.

— Подумать только! А знаете что? Мне уже нравится ваша невеста! — Корин Уоттерс встала и направилась к выходу, на прощание бросив через плечо: — В пятницу, в восемь вечера, мистер Тесла. У меня! Адрес всем известен. — С этими словами почтенная леди удалилась.

Никола проводил ее взглядом, размышляя о том, что же означал сей разговор. Ответа не было, но, по крайней мере, немного улеглась дурнота от приторного блеска жемчужин. Посетители с удивлением поглядывали на молодого человека, не спускавшего глаз с пустого места перед собой, будто занятого

беседой с кем-то невидимым.

Никола с трудом сдержался, чтобы не засмеяться во весь голос. Его так и распирало от смеха. Он твердо решил не нарушать приличий, но стоило ему взглянуть на пустой стул напротив, и смех тотчас рвался наружу самым бесцеремонным образом. Пришлось имитировать приступ кашля и прикрывать рот салфеткой.

Перед уходом Тесла стоя подписал счет, напряг мышцы и набрал в легкие воздух. Спускаясь по лестнице, он чувствовал, как любопытные взгляды сверлят его спину, но продолжал идти, не оглядываясь, расправив плечи и глядя перед собой. Задержавшись у выхода, он согнул локоть, словно взял под руку даму, и, по-прежнему у всех на виду, вывел свою невидимую спутницу в ненастный вечер. Теперь можно было забыть об осторожности: шум дождя заглушал смех.

* * *

Вцепившись в локоть почетного гостя, Корин Уоттерс повлекла его через вереницу церемонных светских знакомств, мягко, но неумолимо, как подобает достойной женщине, взявшей на себя чрезвычайно важную миссию. Цель у милой леди и вправду была самая что ни на есть благородная: вонзить невидимый кинжал в сердце Томаса Эдисона, посмевшего остаться глухим к ее чарам. Миссис Уоттерс не принадлежала к числу выдающихся людей, однако располагала средствами и связями, чтобы нанести строптивцу весьма болезненный удар. С каких это пор «я женат» стало убедительным оправданием? Какой мужчина отвергнет женщину, которую находит привлекательной? Впрочем, мистер Эдисон отверг ее не потому, что находил непривлекательной, а потому, что, видите ли, считал себя выше радостей плоти.

Мириться со столь оскорбительным высокомерием миссис Уоттерс не собиралась.

Но куда оскорбительнее была истинная причина равнодушия Эдисона, которую не могли скрыть никакие отговорки: разница в возрасте.

Возраст.

Ее возраст.

Она сама.

Рана была глубока, обида взывала к мести. Корин Уоттерс решила стать добрым ангелом для этого Теслы. Поддержать яркое дарование, способное укоротить амбиции великого и ужасного

Томаса Алвы Эдисона.

И вот настал долгожданный вечер, когда мистеру Тесле предстояло пополнить ряды придирчиво отобранных хозяйкой дома молодых людей с блестящими перспективами. Сказать по правде, для самой миссис Уоттерс самой желанной перспективой была бы помолвка одного из этих многообещающих джентльменов с одной из ее дочерей. Ничуть не меньше устроительницу приема интересовало, найдет ли Тесла общий язык с гостями. В том числе с мужчинами: она вовсе не была наивной дурочкой.

Миссис Уоттерс зорко следила, не промелькнет ли между новичком и кем-то из ее подопечных искра взаимной симпатии. На правах хозяйки вечера она была почти избавлена от необходимости вести беседу самой и могла позволить себе роскошь молча наблюдать, собирая тайную коллекцию мимолетных влечений, прочных связей и неожиданных поворотов судьбы, которые оставались незаметными для остальных.

Но не для Корин Уоттерс. Зал для приемов располагался на первом этаже трехэтажного викторианского особняка. Миссис Уоттерс передвигалась среди гостей легко и плавно, как акула в знакомых водах. По скованным манерам и странной осанке мистера Теслы можно было заключить, что ему страшно неловко, однако чувства почетного гостя хозяйку не волновали. Алхимия человеческих судеб весьма сложна и требует особого внимания. Для миссис Уоттерс светская жизнь заключалась в бесконечной череде представлений; остальное было de riguer, вроде болтовни ни о чем, кремовых пирамидок на пирожных или пышной пены нью-йоркского шампанского. Ровно в полночь дедушкины часы возвещали конец вечеринки; гостям по-прежнему улыбались и их потихоньку выпроваживали. Хозяйка дома и ее прислуга отработали эту процедуру до мельчайших деталей.

Никола позволил миссис Уоттерс таскать его от одного гостя к другому, словно ходячий автомат. Хорошие манеры не требовали особой сосредоточенности. Хотя остальные протеже хозяйки старательно изображали непринужденное дружелюбие, в зале витал дух интриг и тщеславия, прямо как при кайзеровском дворе. Никола решил, что его новых знакомых ожидает блестящее будущее. Сам он еще не до конца овладел всеми премудростями американского светского этикета и флирта с американками. К тому же от большинства гостей исходила колючая, агрессивная энергия, и чтобы сопротивляться ее потокам, требовалось немало выдержки. Теслу всюду преследовали хищные, оценивающие взгляды; в безупречно вежливых репликах слышались отчетливые саркастические нотки и сквозили намеки, понятные всем, кроме

новичка.

Громкий смех гостей очень скоро стал докучать Николе. Их разговоры по преимуществу сводились к упражнениям в остроумии над теми, кто был достаточно далеко, чтобы расслышать. Обладавший острым слухом Тесла без труда определил, что статус любого гостя был прямо пропорционален числу отпускавшихся на его счет комментариев и громкости сопровождающего их злого смеха.

На местном наречии процесс символического выдергивания ковра из-под ног несчастной жертвы с последующим наблюдением за тем, как она барахтается, пытаясь восстановить потерянное равновесие, назывался «шпильками». Здешние коалиционные игры в очередной раз напомнили Тесле кайзеровскую свиту, эту стаю надутых снегирей. Хуже всего приходилось кучке бедолаг с самым низким общественным положением, которых открыто высмеивали в их присутствии.

Даже на безопасном расстоянии, в старом добром кресле-качалке перед окнами-глазницами, атмосфера в зале для приемов казалась такой зловещей, что у Николы холодели руки и ноги. Внезапно раздался страшный грохот: это один из официантов уронил поднос с шампанским. Миссис Уоттерс отпустила локоть Теслы и, бросив на ходу что-то вроде: «Подождите, пожалуйста», — отправилась ликвидировать последствия маленькой катастрофы.

Никола впервые за весь вечер оказался предоставлен самому себе. Стиснув мышцы железной хваткой, он оставил на связи с реальным миром лишь малую толику сознания и сосредоточился на связи электромагнитного поля и земного притяжения.

Вопрос заключался в том, вызвана ли гравитация массой земли или существует в виде особого поля, равномерно распределенного по Вселенной и создающего притяжение между телами, обладающими достаточной массой…

На этом месте размышления Николы прервал звонкий женский голос, вежливо, но настойчиво вопрошавший:

— Мистер Тесла, не могли бы вы объяснить мне с точки зрения науки, почему небо голубое? Если посмотреть на него сквозь стеклянную призму, синий распадается на все цвета радуги…

Что это? Серьезный вопрос? Никола заставил себя отвлечься от гравитации и обратиться к собеседнице, которой оказалась одна из дочек миссис Уоттерс, кажется, старшая. Когда их знакомили, она прятала глаза. А звали ее… Как же ее звали? Эта девушка нисколько не походила на своих пухленьких, жизнерадостных сестер. Она была высокой и худой, одевалась в

темные тона и все время смотрела в пол. Миссис Уоттерс представила ей Теслу поспешно и скомканно, рассудив, что нормальный мужчина едва ли заинтересуется самой тощей из ее дочерей.

Так как же ее звали? Никола пропустил имя девушки мимо ушей и теперь жалел об этом. Старшая дочь миссис Уоттерс оказалась не такой уж застенчивой: не побоялась привлечь к себе внимание и громко задать вопрос. Да и вопрос оказался интересным. Чтобы ответить на него, Николе пришлось вернуться на землю.

— Ах, да! Небо! Почему небо голубое? Замечательный вопрос, не правда ли? Он подводит нас к дискуссии о природе световой энергии и энергии в целом…

— Возможно. И все-таки, почему голубое? Не зеленое и не желтое?

Окончательно перебравшийся в реальный мир Никола чувствовал жгучие взгляды остальных гостей, с острым любопытством ожидавших его ответа. Он подумал, что многие из них и сами были бы не прочь узнать, отчего небо голубое, однако лекция по физике едва ли входит в их планы на вечер. Тесла решил притвориться, будто в зале нет никого, кроме дочери миссис Уоттерс, и начал, обращаясь к ней одной:

— Боюсь, нам все же придется затронуть проблему преломления света, — он улыбнулся, — поскольку в действительности небо вовсе не голубое! Оно, как вы верно заметили, переливается всеми цветами радуги, ведь солнечный свет обладает способностью рассеиваться. Так уж получилось, что наше зрение охотнее всего воспринимает именно голубую световую волну. Итак, небо голубое, но только в человеческих глазах. Другие существа видят его иначе.

Все ждали, что скажет дочь миссис Уоттерс. Девушка медленно кивнула, раздумывая над его словами. Разговор о столь сложных материях совершенно ее не смущал.

— Другими словами, — произнесла дочь миссис Уоттерс, бесстрашно глядя Тесле прямо в глаза, — в атмосфере существует некий фильтр, который не позволяет нам увидеть небо таким, каково оно на самом деле?

Никола рассмеялся:

— Да! Совершенно верно! Так оно и есть!

Девушка удовлетворенно улыбнулась. Никола лихорадочно искал новую тему для продолжения разговора, но тут вернулась миссис Уоттерс. Интерес, который почетный гость проявил к самой неказистой из ее дочек, стал для пожилой хозяйки дома сюрпризом, но сюрпризом, несомненно, приятным.

— Ага, мистер Тесла! Я вижу, вам удалось увлечь мою девочку! Интересно, о чем же вы рассказываете, если даже она слушает не перебивая?

Время остановилось.

Теслу сковал ужас.

Он никак не ожидал, что придется вести беседу сразу с двумя дамами! Он ведь так и не вспомнил, как звали девушку, был только что представлен и успел поговорить на весьма интересную тему. Да еще и держался с ней так развязно, словно они давно знакомы.

А что, если называть ее просто мисс Уоттерс? Что говорят по этому поводу правила американского этикета, Никола не имел ни малейшего представления. А вдруг хозяйке и ее дочкам такое обращение покажется оскорбительным? Не зря же они назвали ему свои имена.

А может, лучше признаться? Прямота у американцев в почете. Но тогда его сочтут обманщиком, ведь сначала он притворялся. А это уж точно оскорбительно, не так ли?

В этот леденящий миг Никола понял: это случилось снова. Он вечно настраивает людей против себя. Что ж, возможно, на этот раз чистосердечное признание станет для него хоть слабенькой, но защитой.

— Миссис Уоттерс, боюсь, я…

— Мистер Тесла! — вмешался один из гостей. — Из вашего ответа на замечательный вопрос мисс Уоттерс следует, что вы усматриваете связь между светом и электричеством. В отношении частоты, если я правильно понимаю.

Мисс Уоттерс! Хвала небесам! Если близкому знакомому называть девушку мисс Уоттерс не возбраняется, значит, ему и подавно. Никола был спасен.

— Да. Мисс Уоттерс затронула проблему…

— Если вы так хорошо разбираетесь в вещах, в которых я, к примеру, ничего не смыслю, — ваш покорный слуга всего лишь скромный негоциант, — ваша святая обязанность убедить американцев в благотворном воздействии электрического освещения и внедрить во всех наших городах. — Собеседник изобразил шутовской поклон. — Мое имя Джеймс Д. Кармен, на случай, если вы забыли.

Джеймс Д. Кармен обращался к Николе, а смотрел на мисс Уоттерс; судя по всему, статус старшей дочери хозяйки дома существенно вырос, и Тесле было приятно сознавать, что в этом была и его заслуга.

— Рад познакомиться, сэр, — произнес Никола. Со стороны мистера Кармена было не слишком вежливо разговаривать, не

глядя на собеседника, но Тесла легко простил ему эту оплошность.

Мисс Уоттерс бросила на Кармена уничтожающий взгляд:

— Я имела в виду совсем не уличные фонари, мистер Кармен. Неужели нам не хватит тех, что уже есть?

— Вполне, — усмехнулся Кармен. — Но зачем останавливаться на достигнутом?

— Мистер Кармен, я как раз собираюсь получить патент на электрический генератор переменного тока, чтобы освещать город специальными дуговыми лампами. Что бы там ни говорили защитники постоянного тока, с такими фонарями ночью на улице будет светло, как днем.

По залу прошелестел изумленный вздох. Хорошо воспитанные гости восхищались смелым начинанием, те, что попроще, не таясь, смеялись над идеей превратить ночь в день.

Мистер Кармен с любопытством разглядывал Николу, словно насекомое под стеклом микроскопа. Предприниматель собирался что-то спросить, однако его опередили.

— Джозеф Ходли, мистер Тесла! — представился изнеженный красавчик в костюме от лучшего портного. Он шагнул вперед, дохнув на Николу шампанским, схватил молодого человека за руку, прежде чем тот успел увернуться, и принялся ее трясти. — Учтите, ни единому слову Кармена верить нельзя! — заявил Ходли и подмигнул Николе, будто приглашая его посмеяться над превосходной шуткой.

Все это время он не спускал глаз с мисс Уоттерс.

Нежданные знаки внимания смущали девушку, зато ее мать сияла. Никола подыскивал нужные слова, сомневаясь, стоит ли вообще отвечать. Впрочем, Ходли и не ждал ответа.

— Так вы говорите, откуда вы? — поинтересовался он, перескакивая на другую тему.

Гости уставились на Николу, так что Тесле поневоле пришлось отвлечься от рассуждений об электричестве и световых волнах, а заодно пообещать себе впредь избегать светских раутов.

Чужие взгляды вонзались в Теслу, будто пчелиные жала. Укрыться от назойливых глаз было негде, и он поспешил ответить просто и честно:

— Я родился в Австро-Венгрии, в провинции под названием Лика, в маленьком приграничном городке.

Мисс Уоттерс подхватила нить разговора, стараясь побороть смущение.

— Я слышала, вы говорите на нескольких языках, мистер Тесла, — начала она.

Никола не успел ответить.

— Австро-Венгрия?! Надо же! — вскричал глубоко потрясенный Джозеф Ходли. — Но ведь там все ходят вверх ногами.

Никола с ужасом понял, что это не шутка и от него ждут ответа.

— Сэр, но почему там должны ходить вверх ногами?

— Почему?! — возопил Ходли. — А еще говорили, что вы гений! Разве это ваше «Австро» находится не с другой стороны Земли?

В ответ раздался громкий смех, но веселье сменилось растерянным молчанием, когда почетный гость вдруг отвернулся от остальных, ссутулился и сжался в комок. Выпрямившись, он коротко выдохнул и повернулся к Ходли:

— Вы, должно быть, имели в виду Австралию.

Ходли хмыкнул и провозгласил на весь зал:

— А разве это не одно и то же?

Все без исключения джентльмены и некоторые леди дружно залились смехом.

Корин Уоттерс было любопытно, как ее протеже расправится с этим кретином. Ходли принадлежал к так называемой новой нью-йоркской аристократии, то есть имел запросы принца крови и манеры сутенера. Сложившееся положение было особенно забавным, поскольку в центре внимания неожиданно оказалась ее старшая дочь, зануда и книжный червь, которую Тесла явно предпочел трем другим девицам, хорошеньким и веселым. Вышло так, что невзрачный полевой цветочек сделался главным украшением вечера и сумел заворожить почетного гостя. Неожиданно, конечно, но совсем не плохо.

Никола зажмурился и набрал с легкие воздуха. Реальный мир надвигался на него во всей своей жути. Опомнившись, молодой человек виновато посмотрел на миссис Уоттерс и ее славную дочку, которая ответила ему взглядом, полным сочувствия.

Поклонившись миссис Уоттерс, ее старшей дочери и остальным гостям, Никола молча развернулся и неспешно направился к выходу. Его лицо ничего не выражало.

* * *

Спустя две недели после того как Никола сбежал с вечеринки, на все лады проклиная себя за неспособность влиться в американское светское общество, судьба вновь свела его с Корин Уоттерс. Дама-благотворительница привезла его в город Равей, что в штате Нью-Джерси, к дому, в котором прежде помещался

фабричный склад, а новая вывеска на двери гласила: «Динамо-машины Теслы».

Никола всю дорогу гадал, куда его везут, а теперь не мог поверить собственным глазам. Женщина что-то говорила, но молодой человек был слишком потрясен, чтобы уловить смысл ее слов.

— …покойный муж научил меня воздавать добром за добро. — Миссис Уоттерс с застенчивым девичьим смешком сжала его руку. — Вы уж постарайтесь изобразить изумление, когда окажетесь здесь завтра утром.

Миссис Уоттерс притянула Теслу к себе и зашептала ему на ухо:

— Они предложат вам две тысячи долларов на устройство лаборатории, но я точно знаю, что у них есть все пять!

— Пять?!

— Пять тысяч долларов на первоначальные нужды, мистер Тесла! Платить вам будут немного, но, если вы справитесь с городским освещением, расценки наверняка поменяются. Правда, о ваших специфических теориях они и слышать не желают, но, по крайней мере, у вас будет работа. А впереди блестящее будущее, не правда ли?

Только теперь Тесла понял, зачем Коринн Уоттерс просила его о встрече. В переданной гостиничным коридорным записке она звала его на другой берег реки, в Нью-Джерси, «поговорить о делах».

— Послушайте, мистер Тесла, — вторгся в мысли Николы резкий голос пожилой дамы. — Вмешиваться в вашу работу они не станут; у них только одно условие: вам придется установить генераторы Эдисона. Надеюсь, эта досадная мелочь не помешает вам подписать контракт?

— Угу, — только и смог выговорить Никола.

— Очень надеюсь, мистер Тесла. Мне, видите ли, совсем не улыбается стать посмешищем.

— Посмешищем? Что вы, мадам, это было бы…

— Вы, конечно, можете позволить себе известные чудачества. Вероятно, многие именно этого от вас и ждут. Не так ли? Безумный гений или что-то в этом роде… Однако моя репутация, смею сказать, держится на бескорыстно предложенной и с благодарностью принятой помощи. С благодарностью принятой, а не с возмущением отвергнутой!

— Да… Ну конечно! Вы настояли на встрече, потому что хотели предупредить меня об их намерениях.

— К чертям их намерения, мистер Тесла! Они делают то, что им скажут, ни минуты не раздумывая. Это называется «кредит

доверия общества». Сама надежная денежная единица. Я помогу вам его заработать, а вы уж постарайтесь не растратить понапрасну мой.

— …Хорошо.

— Внимание, которое вы любезно оказали моей дочери, не осталось незамеченным; у девочки тут же появились поклонники. Теперь она помолвлена с весьма неглупым молодым человеком, который обращается с ней как с особой королевской крови и не слишком докучает нам своим обществом.

— Вы хотите сказать… — Имени девушки Тесла так и не вспомнил.

— Именно, — кивнула миссис Уоттерс. — Если женщина моего круга не найдет для дочерей достойных женихов, она не сумеет сохранить кредит доверия, понимаете?

— Вот как?

— Ну разумеется! Своей увлекательной лекцией и драматическим уходом вы сделали для моей девочки больше, чем многие годы интенсивных уроков хорошего тона.

— Но, миссис Уоттерс, я всего лишь ответил…

— Вы показали всем, что моя дочь достойна внимания, мистер Тесла. Они видели, как вы это сделали! Молодой человек, чей ум их страшит, оказывает внимание девушке, которую все считают синим чулком. И что же? Она вас нисколько не боится. Вы принимаете ее слова всерьез. Вы увлеченно беседуете. Для умной девицы, такой, как моя дочь, этого более чем достаточно.

— По-моему, мисс Уоттерс вовсе не нуждается…

— Младшие пухленькие, хорошенькие и, к счастью, не такие умные. — Миссис Уоттерс восторженно хихикнула. — Дайте мне полгода, и все мои три зимние ягодки будут сорваны!

Никола был озадачен. Через полгода зима как раз кончится. Весьма скромные сбережения, которые удалось скопить во время работы на Эдисона, разойдутся еще раньше, а эта женщина отчего-то — он никак не мог взять в толк, отчего, — хочет ему помочь. Наверное, в знак благодарности за участие в судьбе своей непризнанной в свете дочери.

Никакого другого объяснения подобной щедрости у Николы не находилось. Ему оставалось лишь сосредоточенно кивать в ответ на путаные объяснения миссис Уоттерс. Зимние ягоды… Ну да, конечно.

Глава семнадцатая Год спустя Нью-Йорк

Помощник Эдисона Харлан Уолш спешил в манхэттенскую контору. На душе у Уолша скребли кошки. Добравшись до кабинета Босса и заглянув в дверь, он обнаружил знаменитого изобретателя сидящим за столом в полном одиночестве. Эдисон откинулся на спинку стула, глаза его были закрыты. Он крепко спал. Уолш негромко постучал по дверному косяку. Эдисон встряхнулся, схватил со стола секундомер и включил лампочку.

Его сон потревожил второй помощник, то ли Уоллес, то ли Уолден.

— Сэр! Извините, что отрываю от…

— Я рассчитывал срок службы лампочки.

— Так точно! — Ассистент вздохнул. — Наш человек в патентном бюро сообщил, что в Равее…

— Где? — переспросил Эдисон, не отрывая взгляда от спирали лампочки.

— В Равее. Это маленький городок в Джерси. Недалеко отсюда.

— Вот как? — У великого изобретателя решительно не было времени на всякую ерунду.

— Сэр, покровители Теслы объявили о публичной демонстрации нового городского освещения. — Управляющий сглотнул. — Завтра вечером.

Эдисон немного напрягся, но так и не поднял глаз от непослушной спирали.

— Стало быть, в цирке планируется парад.

— Да. Пожалуй. Теслу обязали использовать постоянный ток, и он согласился. Но у него совершенно новые лампы, сэр. Дуговые.

— Дуговые лампы никуда не годятся. Иначе стал бы я возиться с этими несчастными спиралями! Дуговые лампы не работают.

— Раньше не работали…

— Вы знаете, сколько энергии они потребляют? И все ради слабенького, тусклого свечения. Да это просто смешно!

— Прежде так и было…

— Так и запишите: это глупый спектакль для черни. Очередная афера.

— Боюсь, афера — не совсем подходящее слово…

— Это еще почему?

— Дело в том, что Тесла получил семь патентов.

Эдисон наконец поднял глаза.

— Что вы хотите этим сказать?

— Он-только-что-заявил-репортерам-что-в-скором-времени-собирается-перейти-на-переменный-ток!

Повисло глухое молчание.

— Нет. — Эдисон говорил мягко и вкрадчиво, словно пытаясь умаслить судьбу. — Это невозможно. Вы ведь понимаете, что это невозможно, правда? Это, в конце концов, антинаучно. Опасно, безответственно…

— Так и есть! Сэр, вы совершенно правы! Но видите ли… — Ассистент немного понизил голос. — Наш человек в патентном бюро говорит, на испытаниях лампа сработала безупречно.

Управляющий добрался до самого опасного места в разговоре и, не раздумывая, ринулся вперед:

— Сэр, Тесла раздал инженерам безупречные чертежи. Подробные схемы, взятые прямо из головы! И никаких черновых набросков.

Эдисон всем своим видом изобразил недовольство, но то ли Уоллес, то ли Уэллс несся вперед, словно локомотив, у которого отказали тормоза:

— Они обещают, что в скором времени электростанция Теслы будет освещать весь город. Переменным током.

Босс смерил дерзкого подчиненного испепеляющим взглядом. Подпевала номер два как подстреленный отлетел к стене, с шумом выпустил из легких воздух, изобразил виноватую улыбку и исчез за дверью.

Эдисон барахтался в водовороте противоречивых чувств. Ошеломляющее известие нахлынуло, словно девятый вал, угрожая затянуть изобретателя на самое дно. Босс откинулся в кресле и затих. Со стороны можно было подумать, что он уснул, однако пальцы Эдисона беспрестанно двигались: после стольких многодневных мытарств ему наконец удалось правильно свернуть злосчастную спираль.

* * *

Едва различимый в сыром туманном сумраке, Никола поднялся на украшенную флагами трибуну, установленную на главной улице города Равея в штате Нью-Джерси. Едва успевшая начаться церемония открытия грозила затянуться на неопределенное время.

Единственная масляная лампа озаряла трибуну тускло-

желтым светом. Не намного ярче луны.

— Леди и джентльмены, большое спасибо, что рискнули прийти сюда в этот промозглый вечер. Обещаю, вы не будете разочарованы!

Тесла стоял на трибуне очень прямо, будто аршин проглотил, и, вглядываясь в темную массу людей, старательно произносил заученную речь. Собравшихся можно было сосчитать по клубам пара от их дыхания.

Перед трибуной, по обеим сторонам улицы, установили ряды деревянных скамеек, по пять с каждой стороны. На церемонию собрались почти все жители маленького городка, так что на скамьях яблоку было негде упасть. В середине, перед самой трибуной располагались почетные места для городских шишек, их жен и домочадцев.

— …Разрешите от лица всей нашей дружной команды поблагодарить вас за предоставленную возможность…

Произнося положенную в таких случаях белиберду, Тесла невольно сравнивал окутанную морозным паром толпу с гигантским паровым агрегатом. А что, если энергия всех, кто собрался у трибуны, сольется воедино? Какая страшная сила проснется в недрах толпы!

Чтобы определить общую энергетическую мощь, нужно прикинуть, какой энергией обладает каждый из присутствующих. Но правомерно ли считать толпу единым организмом? Вполне, однако для соединения энергий каждого потребуется мощный проводник.

Эта мысль так развеселила Николу, что он едва не засмеялся в голос. Неловко изобразив приступ кашля, Тесла поспешил продолжить речь.

Городские брамины посматривали на простую публику с опаской. Если бы предстоящее зрелище не оправдало всеобщих ожиданий, они со своими супругами и тещами первыми оказались бы на пути разъяренной толпы.

Мэр не преминул объявить мероприятие «официальным торжеством», чтобы у женщин появился повод, несмотря на погоду, принарядиться. Многолетний опыт подсказывал городскому голове, что нарядные дамы не позволят мужьям устроить бунт: побоятся испортить новые платья.

Тем не менее у мэра оставался весомый повод для тревоги. Стылый мартовский мрак угнетал толпу. Пьянчуги зверели от скуки; умеренно пьющие обыватели заметно нервничали. Трезвые смекнули, куда ветер дует, и начали расходиться по домам, оставляя чистую публику на милость пьяных громил.

Устроители торжества напрасно дразнили толпу громкими

обещаниями, да и лозунг «Ночью светло как днем!» звучал чересчур самонадеянно. Малейшая оплошность изобретателя грозила обернуться катастрофой.

Брамины, их супруги и две присутствующие в собрании тещи недоумевали, кто такой этот Тесла и с какой стати ему поручена почетная осветительная миссия. И почему, скажите на милость, чужаку позволили устраивать эту демонстрацию без единой репетиции?

Однако отступать было поздно. Оставалось только ждать, опасаться и подыскивать, на кого бы свалить вину. Изобретатель оказался высоким худым молодым человеком около тридцати в элегантном парадном костюме. Держался он спокойно и с достоинством, говорил непривычно витиевато, но весьма убежденно.

— Залог успеха нашего предприятия кроется в том, что городской совет великодушно предоставил нам целый год для осуществления наших планов. Коль скоро у современной науки нет исчерпывающих ответов на наши вопросы, всю систему пришлось создавать с нуля, от начала до конца!

С этими словами Тесла открыл клапан на тонкой трубке, соединенной с газовыми лампами. Янтарный свет уличных фонарей померк. Голос Николы продолжал звучать во мраке:

— Отныне споры о том, сколь светлым окажется наше будущее, останутся в прошлом. Я вам его покажу!

Никола с силой повернул большой железный рычаг. Улицу озарил пронзительно яркий свет дуговых ламп, закрепленных над старыми газовыми светильниками.

Толпа взорвалась единым возгласом изумления и восторга. Затем наступила тишина…

Отцы города глядели то на лампы, то на толпу, то друг на друга и не верили собственным глазам.

Внимая бешеным овациям и крикам потрясенной публики, Никола чувствовал прилив такой бурной радости, что, казалось, одна его улыбка могла разогнать тьму над городком. Одно дело выстраивать систему в своем воображении, и совсем другое — увидеть ее наяву, сделать частью реального мира, заставить других понять, как она работает.

На лицах отцов города, их жен и тещ читалось нескрываемое облегчение. Их неуверенные хлопки потонули во всеобщем восторженном гуле. Мэр дал отмашку музыкантам, и те вразнобой заиграли нечто, отдаленно напоминающее ирландскую джигу.

Впрочем, покоренной необычайным зрелищем толпе не было дела до качества музыки. Простолюдины пустились в пляс, и

сливки общества последовали их примеру. Вся улица кружилась, подхваченная неистовым вихрем.

Ночью светло как днем! Этот магический свет ослеплял, кружил головы, приводил в неистовство, наполнял восторгом и гордостью. В стране возможностей возможно все!

Каждый знал: нигде в мире уличные фонари не светят так ярко, как в их крошечном городке. Теперь жизнь в Равее изменится навсегда. Уже меняется. Танцующая публика стала двигаться в унисон, точно единое существо, в общем стремлении приблизиться к Николе Тесле. То, что прежде казалось эксцентричным и нелепым, стало влекущим и загадочным. Люди тянулись к Тесле, будто он мог даровать им удачу, исполнить невысказанные чаяния.

С погруженной в темноту соседней улицы за ликующей толпой с любопытством наблюдали трое. Самый высокий из них — тот, что стоял посредине — сделал несколько шагов вперед, подставив лицо тусклому лунному свету. Томас Эдисон, не отрываясь, глядел на Николу Теслу. Оркестр заиграл беззаботный вальс, и публика, разбившись по парам, закружилась в неестественно ярком свете.

Внезапно от праздничной толпы отделилась юная пара и подошла к Тесле. Новоиспеченный супруг просил изобретателя оказать ему честь, пригласив на танец его жену. Тесла пытался вежливо отказаться, но к смиренной просьбе присоединилась вся улица, и пути назад не было. Никола учтиво поклонился партнерше и закружил ее в вальсе. Движения его были немного деревянными, зато осанке позавидовали бы и при кайзеровском дворе. На молодого изобретателя со всех сторон устремились женские взоры. Дама, которой выпало танцевать с виновником торжества, была на седьмом небе. Эдисон догадывался, какие чувства вся эта возня вызывает у соперника. Раздражение, и ничего больше.

Бросив на Теслу прощальный взгляд из-под низко надвинутой шляпы, Босс развернулся и пропал в темном переулке. За ним, стараясь не отставать, двинулись оба его спутника.

Глава восемнадцатая Тогда же Равей Нью-Джерси

За целый год, пока Никола трудился над уличным освещением в Равее, у него ни разу не было повода задуматься об отношениях с городской общественностью. Лишь теперь, в миг торжества, изобретатель оказался под прицелом жадных, пронзительных взглядов, обжигающих, будто солнечные лучи.

Справиться со столь острым интересом к своей персоне Тесле было определенно не по силам. Ускоренный курс поведения в свете, пройденный при дворе кайзера, годился для тихой и предсказуемой Европы, но совсем не подходил для Америки, где приходилось балансировать между утонченным обществом и охочей до зрелищ чернью.

Спасение было в уютной комнате с креслом-качалкой и окнами-глазницами. Пока свернувшийся в кресле человечек представлял толпу гигантским паровым двигателем и размышлял о том, повлияет ли соотношение потребленных калорий и высвобожденной энергии на увеличение давления, тело-автомат кое-как управлялось со светскими обязанностями, ловило заинтересованные взгляды, отвечало на улыбки, раскланивалось направо и налево, старательно избегая рукопожатий. Впрочем, улыбались не все. Иные взгляды пылали бешеной злобой — американским аналогом благопристойной европейской зависти. Николе оставалось только лавировать среди толпы в надежде усмирить разгневанных собратьев сердечным приветствием и учтивой беседой.

По правде говоря, передвигаться по вечерней улице, на которой светло как днем, для Теслы было так же непривычно, как для любого из собравшихся здесь людей. В пронзительно ярком свете почти все лица казались напряженными и недобрыми. Будь у Николы выбор, он предпочел бы озаренной дуговыми лампами площади полумрак лаборатории.

И тут на изобретателя снизошло озарение: чтобы избежать неприятного собеседника, надо поменять его на другого собеседника. Всякий раз, когда кто-то из горожан пытался завести с Николой разговор, тот делал вид, что заметил невдалеке знакомого. Тесла почти добрался до границы спасительной темноты, когда на пути у него появилась дородная дама средних лет. Тесла и вовсе бы ее не заметил, если бы не хорошенькая девушка, которую матрона тащила за собой.

Вечерний наряд девушки был столь открытым, что нетрудно

было предположить наличие у ее матери матримониальных планов. Приятно округлые формы девицы поневоле наводили на мысль о счастливом семействе с целым выводком ребятишек.

Тесла в панике озирался по сторонам. Праздничная толпа отрезала ему путь к отступлению. Неужели придется слушать, как мать расхваливает дочь в ее присутствии, предлагает, будто товар на рынке? В такой момент любое сказанное слово — верный способ обидеть одну из женщин, а то и обеих сразу. Но решится ли почтенная матрона перейти в наступление у всех на глазах? Сбившись с легкого светского тона, она поставит под сомнение успех всего предприятия.

В миг отчаяния изобретателя снова спасло вдохновение. Прежде чем мамаша успела потянуть завидного жениха за рукав, он принялся лихорадочно ощупывать карманы, будто только что обнаружил пропажу бумажника. «Досадное происшествие» давало Тесле возможность избежать очередного знакомства, не оскорбив ничьих чувств. Прием нехитрый, но безотказный.

Незаметно выскользнув из круга света, Никола со всех ног бросился в свою лабораторию. Там изобретатель мог почувствовать себя в безопасности и сделать то, что действительно хотел и должен был сделать: дождаться Карину, которая — он знал — непременно явится.

Разве он не сделал Равей самым светлым городом в мире, вопреки смехотворному приказу властей использовать «безопасный» постоянный ток? Разве он не сделался знаменитым американским инженером всего через два года после того, как стал американцем? Гордость переполняла Теслу, не оставляя места терзаниям и сомнениям.

Все мысли Николы были о Карине, предчувствие долгожданной встречи владело всем его существом. Жажда снова увидеть ее была такой сильной, что ему казалось, будто его самого окружает магнитное поле. От него словно бы исходило сияние, и оно лилось в небо и стелилось по земле, освещая Николе путь.

Глава девятнадцатая Следующим вечером Нью-Йорк

Он неподвижно сидел на грубом стуле перед распахнутым окном, подставив лицо лунному свету, туману и уличной пыли. Пока ничего не происходило, но он знал: она придет. Надо набраться терпения, бодрствовать и ждать. Сноп лунного света неспешно обошел комнату, а Никола все стоял у окна. Лишь один раз он ненадолго отлучился по естественной надобности и тут же вернулся. Она должна прийти.

Луч перебрался с пола на стену. Никола валился с ног от усталости, но не спешил отойти от окна. Карина не могла бросить его одного ночью такого дня. Молодой человек отодвинул тяжелый стул и уселся на пол. Если Карина настоящая, она придет.

* * *

В глубине души Никола знал, что спит, и тем не менее отчего-то понимал, что это не сон. Ему казалось, что он всем своим весом налегает на стену, будто хочет пройти сквозь нее. Тесла прижимался к стене левым боком, чувствуя ее холодную поверхность щекой, плечом, бедром, коленом и лодыжкой.

Стена вибрировала, и мерная дрожь передавалась его телу. Со временем неопределенный далекий гул перерос в чью-то тяжелую поступь. Затем послышались голоса. Мужские голоса. Они приближались и становились все громче.

На самом деле по-настоящему громким был один голос, остальные звучали приглушенно и почтительно. Кто-то что есть мочи колотил в стену. Гулкие удары болезненно отдавались у Николы в висках. Потом раздался невыносимый треск и грохот. Даже во сне Никола догадался, что кто-то пытается выломать дверь.

Чудовищный шум разбудил Теслу. В момент пробуждения мир перевернулся, и стена превратилась в пол. Никола открыл глаза и тут же снова зажмурился. Комнату наполнял яркий утренний свет. Что-то здесь было не так. Словно в подтверждение этой мысли за дверью снова загремели чьи-то башмаки, и послышался грубый, полный раздражения голос:

— И что с того, что у нас нет ключей? Помещение со всей обстановкой переходит к новым владельцам, так что мы имеем

право…

С этими словами незнакомец вломился в лабораторию и растерянно уставился на Теслу. То был крепкий широкоплечий мужчина явно не робкого десятка, однако вид распростертого на полу человека совершенно сбил его с толку.

— Что… Что вы здесь делаете? — с запинкой произнес Никола.

— Полегче! — прогремел здоровяк. — Что вы здесь делаете — вот в чем вопрос! Это частная собственность.

— Вот именно! Лаборатория принадлежит моей компании, а вы, господа, только что совершили незаконное вторжение. И если вы немедленно…

— Погодите! Так вы Тесла? Изобретатель! Вы же изобретатель?

Никола немного успокоился:

— Он самый. Я, видите ли, всю ночь работал и заснул прямо на полу.

— Ага! — вскричал здоровяк, чрезвычайно довольный тем, что тайна раскрылась, загадка оказалась разгаданной и прискорбное недоразумение само собой разрешилось. — Так вот почему вас не предупредили!

Повернувшись к остальным, он приказал:

— Давайте, ребята! Сначала выносим мелкие вещи, чтобы расчистить дорогу для крупных.

— Стойте! — Это слово сорвалось с губ Николы само по себе, помимо его воли.

— Послушайте, мистер… э-э-э… Тесла, верно? Обычно я не начинаю работать, пока люди из банка не явятся с предписанием, прежние владельцы не освободят помещение и, так сказать, не будет проведена предварительная подготовка.

— Ради бога, сэр, о чем вы говорите?

— Вы, конечно, можете обратиться к адвокату. Я бы на вашем месте так и поступил. А мое дело маленькое. Мне заплатили, чтобы я нанял команду грузчиков и выволок все это барахло…

— Довольно! Я не собираюсь слушать ваши бредни! Это моя лаборатория. Немедленно вон! Вы все! Я собирался починить дверь сам, но если вы не уберетесь подобру-поздорову, вам придется платить за новую…

— Вот только не надо меня пугать! Насколько мне известно, ваша компания была продана банку через полчаса после того, как вы зажгли свои лампы. За долги. Нам велели вынести обстановку, чтобы банк мог сдать помещение новым арендаторам.

— Это мои приборы.

— А в банке сказали, что они — собственность компании.

— Так и есть, однако…

— Это не ваша компания, мистер Тесла! Все права принадлежат кредиторам. Они их купили. На законных основаниях.

— Эти приборы совершенно бесполезны для всех, кроме…

— В банке тоже так подумали, но потом решили, что за приборы можно выручить приличные деньги, если продать их как лом.

— Как лом?! Как лом! — Никола схватил железную вычислительную линейку и двинулся на самозванцев, сжимая ее в руке, словно меч. — Вон! Вон отсюда! Ворье!

Здоровяк поднес к губам висевший на шее свисток. Раздался пронзительный свист. Помощь подоспела незамедлительно. Через минуту поверженный бунтовщик валялся на полу. Его скрутили так, что он едва дышал.

Голос здоровяка звучал спокойно и примирительно.

— Что ж тут поделаешь, мистер Тесла! Ваши «инвесторы» не только продали помещение банку, но и закрыли счет компании. Если у вас нет личных сбережений, чтобы оплатить долги, ваше положение представляется безвыходным.

Он сделал знак грузчикам. Николу поставили на ноги, но на всякий случай продолжали придерживать с двух сторон.

Тесла выпрямился, все еще тяжело дыша.

— Сэр, безвыходных положений не бывает. Большая часть активов компании отдана мне в качестве платы за работу.

— Если я правильно понимаю, речь шла о будущих доходах.

— Верно, но после вчерашней демонстрации доходы, несомненно…

— Все продано, мистер Тесла! Возможно, ваши покровители решили себя обезопасить. Кто знает? Как бы то ни было, теперь все это — собственность банка. Вы наверняка остаетесь держателем акций, или как там это у них называется. Если хотите, компания по-прежнему будет называться вашим именем. Но это здание со всем, что в нем есть, отныне принадлежит банку. Общая стоимость имущества составляет… — Он сверился с извлеченным из кармана клочком бумаги. — Три тысячи сто сорок один доллар пятьдесят девять центов.

Никола горько рассмеялся.

— Это первые шесть цифр числа *пи* … — пояснил он удивленному приставу.

— Слишком большая цифра для такого коротенького названия.

— Это из области математики! — оживился Никола. — Три, запятая, один, четыре, один, пять девять, и так далее. Можно

прочесть как три тысячи сто сорок один…

Улыбка сошла с его лица.

— Интересно, как они сумели это подсчитать, не имея представления о том, зачем нужны эти приборы?

— Кто знает? Так решил совет директоров. Или им кто-то посоветовал. Кто знает…

— Что ж, сэр, в таком случае им должно быть известно, что никаких сбережений у меня нет. Моего жалованья едва хватало на жизнь.

— Ничего удивительного. У многих и того нет, мистер Тесла. Если уж человек держится за такую работенку, как моя, значит, времена и вправду тяжелые. Скажите спасибо, что банк не требует выплатить долг с процентами…

— Это они мне должны! И вообще все это полная бессмыслица. Мои партнеры прекрасно знали, где меня искать, чтобы заплатить за…

— Заплатить вам?! Господь с вами, мистер Тесла. Отыскать вас, чтобы заплатить? — Здоровяк был в полном отчаянии. — Ладно, ребята, уведите-ка его отсюда, чтобы мы могли начать.

Грузчики сгребли растерянного Николу в охапку и потащили к выходу.

— Осторожней! — прикрикнул здоровяк. Конвоиры немного ослабили хватку, но Теслу не отпустили. — Вы уж не держите на меня зла, мистер Тесла, за то, что испортил вам день. Ничего личного. Для меня, по крайней мере.

Никола рванулся из рук конвоиров с такой силой, что им пришлось отступить.

— А у кого есть что-то личное?

Здоровяк смотрел на него ничего не выражающим взглядом.

— Отвечайте!

Пристав повернулся к нему спиной.

— Отвечайте!

Грузчики вытолкали Николу за порог. Не слишком грубо, но достаточно решительно, чтобы он понял: обратно лучше не соваться. Дабы раз и навсегда пресечь любые попытки сопротивления, один из захватчиков сорвал с двери вывеску с надписью «Электрическая компания Теслы» и швырнул на землю.

— Я сделал все это своими руками! — выкрикнул Никола. — Это мое!

Грузчик скрылся в лаборатории, закрыв за собой искалеченную дверь.

* * *

Никола сбил костяшки пальцев о крепкую дверь едва ли не до крови, когда на пороге наконец появился неряшливый тип в джинсовом комбинезоне на голое тело, с увесистой куриной ножкой в руке. Вытерев лоснящиеся от жира губы тыльной стороной ладони, домовладелец с тупым равнодушием уставился на постояльца.

— Сэр, — начал Никола, — прошу вас! Я целый день пытался разыскать своих партнеров. Пока мне это не удалось, но я уверен, что совсем скоро…

— Срок аренды истек вчера.

— Я знаю. Но я же говорил вам утром: компанию продали, и мне не успели заплатить жалованье. У меня всего двадцать долларов, и я могу оставить их как залог…

— Я сменил замок. — Домовладелец выковырял изрядный кусок мяса, застрявший между передними зубами, и сплюнул его фута на три в сторону.

— Сэр! — вскричал Никола отчаянным шепотом. — А как же моя одежда, книги, личные вещи? Все осталось…

— Ага! — подтвердил хозяин с видом отпетого мошенника, играющего простака. — По закону, все ваши вещи останутся здесь, пока вы не заплатите. Там, откуда вы родом, все иначе, что ли? У вас не принято отдавать долги?

Американец самодовольно ухмыльнулся, как человек, только что одержавший верх над омерзительной плесенью.

— Здесь тебе не твоя страна, понял, европейский кусок дерьма? — Он вплотную придвинулся к Николе, источая чудовищный смрад изо рта. — Пошел вон, и без денег не возвращайся! — И домовладелец захлопнул дверь перед носом бывшего арендатора.

Тесла немного постоял, недоуменно взирая на закрытую дверь, потом развернулся и побрел навстречу закату. С самого утра он метался по городу, пытаясь предотвратить катастрофу. Абсурдная убежденность в нереальности происходящего, спасавшая его рассудок в первые часы, уступила место безудержному отчаянию. Теперь Тесла с беспощадной ясностью видел, что американский триумф обернулся обманом и нищетой.

Напрасно он пытался обдумать все, что с ним приключилось, или составить план дальнейших действий: усталый мозг отступал перед такой напастью. Когда дело касалось бизнеса, гений превращался в полного профана. Конечно, ответ был и, скорее всего, лежал на поверхности, но как только Никола погружался в утомительные подсчеты, его охватывала удушающая паника, с которой невозможно было справиться, даже намертво напрягая мышцы.

Все, с кем Тесле удалось поговорить в этот день, утверждали, что он сам во всем виноват. От этих разговоров вернулась сосущая боль в животе, что прежде была верной спутницей отцовских нотаций.

На город опускалась ночь, а Никола все брел куда глаза глядят. Все давно забытые страхи возникли из небытия и собрались вместе, чтобы терзать беззащитную жертву. К страхам вскоре прибавился голод: у Николы с утра не было во рту маковой росинки. Но Тесла и не думал о еде: он упрямо топтал городскую мостовую, направляясь к северу Манхэттена. Несколько часов спустя, добравшись до северной оконечности острова, Никола повернул на юг и пошел к центру города, до которого оставался двадцать один километр или тринадцать миль.

Ночь миновала, начало светать. Никола, все еще в парадном костюме по случаю демонстрации в Равее, встретил первые утренние лучи посреди Центрального парка. Бездумно разгребая ногами осенние листья, он брел между крепких стволов американских вязов и испанских дубов.

Здесь, в самом сердце парка, без труда можно было позабыть о том, что рядом город: вокруг все дышало покоем. Даже наездники, выбравшиеся на раннюю прогулку, поневоле переходили с рыси на шаг. Николе казалось, что он и впрямь покинул город. Следуя за солнцем, он вышел на усыпанную сверкающими росинками поляну и застыл в изумлении. Прямо перед ним, окруженная легкой утренней дымкой, стояла Карина. Их глаза встретились. Девушка улыбнулась и протянула руку.

Никола с воплем бросился к ней по мокрой траве. Прижал к груди, подхватил на руки и закружил, пьянея от радости. Карина обхватила руками его лицо и глядела на него с немым восторгом, словно пила взглядом. Потом она откинулась назад, отдавшись стремительному кружению, а Никола держал ее так близко, что мог коснуться ее шейки губами.

Вдруг все изменилось. Карина превратилась в отца; еще миг, и на месте живого Милутина появился отвратительный полуразложившийся труп. Его гнилые пальцы вцепились в лицо Николы. Тот закричал, выплескивая в крике весь ужас и боль, всю ярость и обиду, всю тяжесть последнего дня.

Через мгновение, дрожа и задыхаясь, он очнулся на койке в убогой ночлежке.

— Заткнись! — рявкнул кто-то из темноты. Никола, весь в холодном поту, тяжело дыша, озирался по сторонам. Проникавший в окна лунный свет позволял разглядеть длинное помещение с рядами коек вдоль голых стен. Все койки были

заняты. Под ними валялись чьи-то сапоги и котомки. Когда Тесла понял, где находится, страх потянул его на дно пудовым якорем.

Глава двадцатая Несколько дней спустя Нью-Йорк

Никола вышел из ночлежки все в том же парадном костюме. Он плохо соображал от голода, с трудом волочил ноги и гадал, какие испытания готовит ему новый день. В кармане у Теслы каким-то чудом сохранилась тощая пачка долларов, но даже самое дешевое жилье и еда сократили бы эту скудную сумму вдвое. Через пару дней у него вовсе не останется денег. А времени уже не осталось.

Первые сутки после выселения ушли на безнадежные поиски инвесторов. В результате стало ясно, что целый год кропотливой работы обратился в прах и разлетелся по ветру.

Следующий день был потрачен на то, чтобы любой ценой задержать наступление голода. Начав с мест, где могли по достоинству оценить его способности и образование, Тесла вскоре готов был согласиться уже на любую работу, хотя бы отчасти связанную с тем, чем он привык заниматься. Еще через день бесплодных поисков он принялся стучать в любую дверь, где могла пригодиться пара рабочих рук, но на каждое место претендовала чуть ли не тысяча кандидатов.

Третий день был последним рубежом. Накануне, перед сном, Никола поклялся самому себе, что согласится на любую работу, лишь бы она была. Денег в кармане оставалось всего ничего. Потратить пятьдесят центов на более-менее приличный завтрак означало остаться с тремя купюрами по доллару каждая.

Проходя мимо газетного киоска, Никола мельком взглянул на заголовки, объявлявшие тысяча восемьсот восемьдесят шестой «годом Депрессии», и грустно улыбнулся: всего пару дней назад он даже не подозревал, что в Америке экономическая депрессия, что такое вообще бывает в стране возможностей.

Ветер со стороны Атлантики был слишком уж бодрящим, Тесла предпочел бы туман. В последние дни у него не было времени думать о Карине, но теперь она вновь завладела его мыслями. Никола боялся, что отец был прав насчет девушки, гнал страхи прочь, видя в них симптомы безумия, и сгорал от стыда из-за того, что посмел усомниться в своей музе.

Свернув в переулок, Тесла наткнулся на одетую в лохмотья женщину с тремя ребятишками. Встретившись с ним взглядом, мать молча протянула руку. Горе в глазах женщины было столь красноречиво, что Никола, не раздумывая, вложил в ее ладонь три бумажных доллара и высыпал мелочь. Детские мордашки

засияли: по крайней мере, сегодня они не останутся голодными.

Взгляд их матери излучал такую безмерную радость, что Никола не выдержал и бросился прочь. Вслед ему неслись сбивчивые слова благодарности, но у Теслы не было сил на них ответить. Попытайся он заговорить, слова застряли бы в горле.

К полудню Никола утратил счет местам, в которых ему отказали, и был близок к отчаянию. Ближе к вечеру он набрел на строительную контору, перед которой выстроилась длинная очередь соискателей, в основном дюжих парней. Объявление на двери гласило: «Требуются мужчины. Тяжелая физическая работа. Два доллара в день».

Гнушаться даже такими предложениями было непозволительной роскошью. Никола с сомнением ощупал отсутствующие бицепсы, расправил плечи и встал в очередь. Не важно, что за работа. Важно, что за нее платят два доллара день.

Поскольку тяжелая физическая работа едва ли требовала мощных интеллектуальных зарплат, Тесла предпочел забраться в любимое кресло-качалку, предоставив действовать автомату и строго-настрого запретив себе терзаться угрызениями совести. Сложившиеся обстоятельства требовали не самообвинений, а решительных действий.

Никаких переговоров с работодателем в действительности не было. Чтобы заслужить два доллара в день, оказалось достаточно роста в шесть футов два дюйма, а на телосложение никто не смотрел. Тесла покинул контору поздним вечером, чтобы вернуться назавтра ровно в пять, получить инструменты и задание на день.

Работа с ежедневной оплатой казалась вполне приемлемой для того, кто потерял все. На последние медяки можно было снять койку в ночлежке, а вот от ужина пришлось отказаться. Чтобы получить два доллара, Николе предстояло на голодный желудок отработать двенадцатичасовую смену. Жалованья должно было хватить на то, чтобы дожить до следующего дня и начать сначала. И все же, получив работу, Тесла почувствовал себя немного увереннее.

По пути в ночлежку Бауэри в Нижнем Ист-Сайде Никола приметил длинную очередь, ведущую к ступеням католической церкви. Расспросив народ в хвосте, молодой человек узнал, что здесь беднякам раздают хлеб и суп.

Очередь за бесплатным супом могла бы послужить пособием для изучения горя и нищеты. Стояли в ней по большей части мужчины, хотя встречались и женщины. Многие из них перенесли столько ударов судьбы, что давно перестали надеяться и смиренно ждали конца.

«Вот мои коллеги. И ради этого стоило так много учиться!» Николе сделалось не по себе от собственного веселья. Немного помедлив, он встал в конец очереди. Впервые за два года Тесла радовался, что его родные остались за океаном. Не хватало еще, чтобы они стали свидетелями его унижения.

Глава двадцать первая Зима — лето 1886 Нью-Йорк

Через несколько недель в Нью-Йорке ударили морозы. Лютая зима сделала и без того несладкую жизнь бедняков совершенно невыносимой. Ледяные вихри застигали врасплох вгрызавшихся в мерзлую почву землекопов. Им предстояло вырыть траншею в шесть футов длиной и три фута шириной. Натянув теплые фуфайки, товарищи Николы без устали махали кирками. Молодому человеку было нелегко угнаться за бывалыми работягами, но он не желал сдаваться. Когда на улицах с каждым днем становилось все больше обездоленных, немногочисленным счастливчикам приходилось держаться за свои места обеими руками. Проработав две недели за верные два доллара в день, Никола твердо усвоил, что самый тяжелый и неблагодарный труд во много раз лучше унизительной безработицы. Стабильное жалованье — пусть и столь смехотворное — позволяло надеяться на лучшее. Толпы голодных каждый день напоминали Тесле о том, что он отнюдь не одинок в своих терзаниях. В то поистине горькое время слишком многие разрывались между стыдом за грязную и нелюбимую работу и благодарностью за спасение от голода.

Ледяные дни тянулись нестерпимо медленно. Мышцы Теслы ныли, дух пребывал в угнетении, зато траншея становилась все длинней и глубже. Когда с ней было покончено, для землекопов нашлось другое дело, потом еще одно; конкурентов у них не находилось: такая работа была под силу лишь самым крепким и выносливым.

Когда весеннее солнце начало потихоньку согревать землю, Никола стал проводить все больше времени в кресле-качалке, глядя на мир из окон-глазниц. Но ни изнурительный труд, ни научные теории не могли отвлечь его от главного. Важнее работы и денег, важнее всего на свете был один мучительный вопрос: неужели отец был прав насчет Карины, неужели ее появление в жизни Теслы обернулось катастрофой?!

Голос отца снова и снова звучал в его голове. Стращал адом, умолял отказаться от сношений с демоном. Никола не желал ему верить, но и Карине не мог поверить до конца.

Где теперь его муза? Как узнать наверняка, что она не служит темным силам? Никола жаждал и боялся ее появления. В глубине души он оставался сыном священника, слишком хорошо знавшим, куда приводят шашни с прислужниками дьявола.

* * *

Наступило лето. Холод сменился тяжелой духотой, а Тесла по-прежнему работал за два доллара в день. Теперь его бригада ломала перекрытия в обреченном на снос здании почтамта.

После удара гонга, возвещавшего перерыв на обед, одуревшие от жары рабочие разом побросали инструменты и потянулись за узелками с едой. Никола выбрался на свежий воздух, зачерпнул полный ковш воды из большого ведра и жадно осушил его. Бригадир Фриц Ловенштейн подвинул деревянный ящик и уселся рядом.

Ловенштейн, уроженец нью-йоркского предместья, был на несколько лет старше Теслы. С подчиненными он держался немного насмешливо, но неизменно доброжелательно.

— Мистер Тесла, я заметил, что вы почти все время проводите в размышлениях. Настоящий ученый. Кто поумнее, давно уволил бы вас за то, что витаете в облаках во время работы. Это опасно, знаете ли. Но я дам вам шанс спастись, рассказав мне, где витают ваши мысли. По рукам? Только постарайтесь меня не разочаровать.

— Где витают мои мысли?

— Я что же, обидел вас?

— Вовсе нет, мистер Ловенштейн, просто я, признаться, не привык…

— Зовите меня Фриц. Итак, я весь внимание!

— Что ж… Я по большей части думаю о магнитном поле. О его физическом воздействии на железо. Меня интересует, каким образом сила, не имеющая материального выражения, приводит в движение материю.

Ловенштейн оглядел Теслу с голову до ног и громко объявил:

— Слышали, ребята? Одного моего работника интересует, почему магнит притягивает железо! С чего бы это?

— Взаимодействие поля и материи является зеркальным отражением того, как наша телесная оболочка соотносится с душой.

— Что-то я не пойму.

— Невидимое магнитное поле притягивает железо. Разве не так энергия жизни одухотворяет человеческое тело?

— А! Так вы философ?

Никола улыбнулся и покачал головой:

— Я рабочий, как видите.

— Это нормально. Времена сейчас тяжелые. — Ловенштейн усмехнулся. — Ладно, а теперь признавайтесь, кто вы на самом деле.

— Если я кем-то и был, то сейчас это совершенно не важно, поскольку теперь я этим не занимаюсь, а деньги мне платят совсем за другое, так что… Что я говорил?

— Что.

— Что?

— Вы сказали: что.

— Да, верно. Я изобретатель.

— Изобретатель… Ну да! Тот самый Тесла? Новые фонари? Не может быть! Никола, верно? Никола Тесла!

— Да, я… Вы обо мне слышали?

— Слышал?! Ну да! Само собой! Я же читаю газеты, правильно? — Ловенштейн снова возвестил в пространство: — Сегодня в моей бригаде вкалывает сам Никола Тесла! Ну, мистер гений, — продолжал он с видом заговорщика, — о чем еще вы думаете в часы, за которые вам платят деньги?

— Так вот, сэр, несколько месяцев…

— Фриц.

— Несколько месяцев размышлений, мистер Фриц, и я мог бы создать нечто поинтереснее уличных фонарей.

— Например?

— Например, беспроводной способ передачи электрического тока в любую точку планеты. Как телеграф, только вместо слов будет энергия, способная привести в действие любой механизм, простой или сложный.

— Что-то вроде молний, пронзающих пространство?

— Да нет же! Ничего подобного!

Ловенштейн смотрел на Николу с уважительным интересом.

— А сколько денег надо нашему чудо-ребенку? — спросил он доверительным шепотом. — Например, чтобы построить небольшую лабораторию. Что скажете?

— Со всем оборудованием… А почему вы спрашиваете?

— Мистер Тесла, человек, который всю жизнь прожил в этом городе, знает, как здесь делаются дела. Из-за депрессии очень многим людям — изобретателям вроде вас — катастрофически не хватает денег. А у меня как раз есть знакомые, готовые заплатить тому, кто предложит им нечто уникальное. Нечто такое, до чего больше никто не додумался. Ваша идея, мистер Тесла, — если вы, конечно, сумеете воплотить ее в жизнь, — как раз то, за что они могут заплатить.

— Это еще не все, мистер Ловен… Фриц. Я знаю, как электрифицировать весь штат Нью-Йорк, — Никола понизил голос по примеру Ловенштейна, — и осветить каждый дом за цену куда меньшую, чем в компании Эдисона.

Ловенштейн выслушал признание изобретателя с

непроницаемым лицом. Прошло несколько секунд, прежде чем в его глазах блеснул огонек понимания, а губы растянулись в широкой улыбке.

— Эй, Джейкоб! — окликнул бригадир крутившегося неподалеку рабочего. — Остаешься за старшего. Смотри, чтобы парни не расслаблялись!

Он хлопнул Николу по плечу.

— Сдается мне, кое-кто в этом городе жаждет познакомиться с господином Николой Теслой, даже если он сам об этом еще не знает!

С этими словами Ловенштейн ухватил молодого человека за рукав и потащил за собой. Пока бригадир ловил кэб, Никола отошел в сторону и изо всех сил напряг мышцы, чтобы сладить с волнением и не упустить нового шанса, возможно, величайшего в жизни.

* * *

Через две недели, ушедшие на бесконечные переговоры с деловыми людьми, курильщиками толстых сигар, не успевший опомниться Никола переступил порог новой лаборатории — маленькой и скромной, но чистой, с рядами пустых стеллажей и стеклянными шкафами, ожидавшими, когда их заполнят необходимыми приборами. Обитель высокой науки, которая, по какому-то невероятному стечению обстоятельств, оказалась в его полном распоряжении.

Ловенштейн, в числе прочих явившийся поздравить своего подопечного, оправдывался:

— Здесь, конечно, тесновато. Помещение маленькое. Но мы предоставим вам все необходимые приборы…

— Что вы, это сущие пустяки! Тут прекрасно поместится все, что нужно для работы. Уверяю вас, джентльмены, я отлично здесь устроюсь! — Никола обвел горящим взором будущую лабораторию и, вздохнув, добавил: — О, да!

Тесле вдруг пришло в голову, что случившееся с ним вовсе не было чудом. Просто он сумел сформулировать свои идеи так, чтобы заразить ими других. Рано или поздно это должно было случиться.

Ловенштейн усмехнулся.

— Надеюсь, вас не смущает, что мы на Южной Пятой улице, буквально в двух шагах от лаборатории Эдисона. Так случайно вышло, клянусь! — Он слегка улыбнулся и добавил: — Однако вышло довольно символично, вам не кажется?

Никола подошел к окну. Он долго вглядывался в ночь, прежде чем сумел различить в темноте силуэт главной конторы компании Эдисона с огромным логотипом на фасаде.

— Интересно, оценит ли он такую символику?

Глава двадцать вторая Декабрь 1887 года Менло-парк Нью-Джерси

Поздним вечером в Сочельник Томас Эдисон метался по кабинету, точно голодный медведь. Срывать гнев ему пришлось на попавшем под горячую руку первом помощнике, то ли Колберте, то ли Холберте.

— Почему я до сих пор не знаю, что там творится?! У кого-то хватило наглости устроить свою лабораторию практически напротив моей, и спустя семь месяцев я все еще понятия не имею, над чем он работает!

— Туда никого не пускают, сэр.

— Я сыт по горло вашими отговорками!

Первый помощник продолжал:

— Мы отправили туда двух частных детективов под видом соискателей вакансий, но он лично беседует с каждым…

— Правильно! Я тоже так делаю.

— Он вмиг раскусил детективов, сэр. И велел передать вам… что при всем уважении лампы Теслы будут освещать весь мир. — Первый помощник придал своему голосу нотки подобострастия. — Никто из нас не сомневается, что этого никогда не случится, сэр.

— Я уже слышал эти бредни! Великий мечтатель случайно не рассказал, как собирается претворить свои грандиозные планы в жизнь? Как он думает сдвинуть с места такую громаду?

— Нет, но он говорил что-то… — Колберт или Холберт вздохнул, предчувствуя грядущую бурю, — о судьбе.

— О чем?

— О судьбе, мистер Эдисон.

— О судьбе! Вот оно что! Все ясно, — хмыкнул Босс и повернулся к Холберту или Колберту спиной, давая понять, что аудиенция закончена. Помощник ушел, а Эдисон еще долго стоял у окна.

Забравшись с ногами в кресло-качалку, Никола пристально глядел в окно, боясь упустить видение. В реальном мире изобретатель примостился за конторкой на высоком стуле и торопливыми штрихами наносил на бумагу чертеж детали аккумулятора. Телу-автомату было оставлено достаточно сознания, чтобы скрупулезно перенести схваченный образ на белый лист.

Тесла поднял глаза, чтобы свериться с картинкой, висевшей в воздухе на расстоянии вытянутой руки от его лица.

Представленный в разрезе аккумулятор медленно вращался вокруг своей оси, позволяя изобретателю рассмотреть каждую деталь. Никола подправил чертеж несколькими стремительными штрихами и передал ассистентке в белоснежном халате. Девушка схватила листок и с нервной улыбкой попятилась назад.

Никола окинул взглядом лабораторию. Несколько его помощников в поте лица трудились над гигантской «катушкой Теслы» — дощатым цилиндром десять футов высотой и двадцать в диаметре. Катушка не была готова даже наполовину, но и в таком виде занимала большую часть лаборатории. На нее наматывали толстый изолированный провод из медных нитей толщиной ровно в дюйм. Пока успели обернуть лишь несколько первых слоев: основная работа была впереди.

Зато железный сердечник уже успел занять свое место. Из катушки торчал двенадцатифутовый металлический стержень. К его вершине был прикреплен блестящий медный шарик, служивший для разрядки провода.

Еще один сотрудник лаборатории собирал тот самый аккумулятор, который предстал Николе в видении. Лаборантка передала инженеру очередной чертеж и украдкой покосилась на Теслу; тот поспешно зарисовывал новую деталь, чтобы поскорее передать схему поджидавшему рядом помощнику.

Девушка заметила, как Никола поднимает глаза, словно хочет рассмотреть что-то в пространстве, и тут же снова принимается рисовать. Внезапно Тесла резко выпрямился и принялся озираться по сторонам, будто уловив присутствие кого-то постороннего. Потом он так же внезапно замер, тряхнул головой, прогоняя наваждение, и вернулся к чертежу. Молодой помощник терпеливо ждал, когда он закончит, деликатно глядя в другую сторону.

* * *

1888 год не принес облегчения американской экономике, но конторы Дж. Пьерпонта Моргана держались на плаву. Знаменитый финансист превратил викторианское здание в центре Нью-Йорка в настоящую крепость из стекла и мрамора, за стенами которой семейному бизнесу не угрожали никакие потрясения.

Внутри посетителей ждали резные панели из полированного дерева, дорогие кожаные диваны и кричащая позолота. Так и должно было выглядеть современное и усовершенствованное логово Царя Зверей, владения феодала девятнадцатого века, в

которых было все, чтобы наслаждаться богатством и властью.

Дж. Пьерпонт Морган, кряжистый седеющий человек пятидесяти с лишним лет, в полной мере пользовался всеми преимуществами своего положения. Томас Эдисон нервно расхаживал по кабинету. Морган сидел, развалившись в удобном кресле, и с любопытством наблюдал за его терзаниями.

— Он же совершенно бездарен!

— Тут я с вами не соглашусь, — мягко возразил Морган.

— Я имею в виду, что он бездарный предприниматель! — поправился Эдисон. — Ума не приложу, что вы в нем нашли.

Морган улыбнулся и неопределенно пожал плечами:

— Мой источник в патентном бюро утверждает, что он еще до Рождества зарегистрировал сорок новых изобретений. Сорок. Довольно много, не так ли? Для запатентованных изобретений. Не знаю, как для вас, Томас, а для меня это впечатляющая цифра. Между прочим, над изрядной частью этих патентов он работал в новой лаборатории. Неподалеку от вас.

— Только не сорок! Это слишком много.

— Сказать по правде, он просил о семи. Насколько мне известно. Но сорока принесла на хвосте, что ребята из патентного бюро насчитали в его работе сорок новых изобретений. И каждое запатентовали.

Морган подался вперед и понизил голос, давая понять собеседнику, что в его интересах не упустить ни единого слова. А любезная улыбка на губах предназначалась для того, чтобы сбить мистера Электрическую Лампочку с толку.

— Знаете, Томас, кое-кто считает, что он открыл совершенно новую сферу знания. Ее называют «невидимой наукой».

— Да он же ненормальный! Ему никогда в жизни такого не придумать. Его пресловутый «гений» — наполовину выдумка! Нет никакой невидимой науки, потому что там и видеть нечего! Где доказательства?

Морган снова улыбнулся и затянулся превосходной сигарой с видом человека, у которого впереди вечность, а в его распоряжении — все деньги мира.

— Патентов без доказательств не дают, Томас.

Эдисон хотел ответить что-то резкое, но тут в дверях появился дворецкий с сервировочной тележкой. Банкир знаком велел ему подойти. Эдисон в замешательстве наблюдал, как слуга подкатывает тележку к столу. Роскошный ланч был накрыт на одного. Просиявший при виде еды Морган в нетерпении потирал руки.

— М-м-м! Ну-ка, что тут у нас? Вы только поглядите! Ради этого стоит вставать по утрам.

Морган подмигнул гостю и многозначительно погладил живот. — Так, а это что? Тосты, надо полагать! Поджаристые! Возможность угодить своему чреву — одна из главных привилегий, доступных богачам. Так и знайте, друг мой! Если у вас есть мягкая постель, из которой не хочется вылезать, и больше еды, чем вы можете съесть, значит, вы в жизни чего-то добились. Определенно! Чем быстрее вы набираете вес, тем больше преуспеваете! — Посмеявшись собственной шутке, финансист бросил дворецкому: — Подождите здесь. Заберете посуду, когда я закончу.

И Морган с видом искушенного гурмана принялся смаковать блюда. Казалось, об Эдисоне он попросту забыл.

— Мистер Морган! Не будете ли вы столь любезны…

— Томас! — Морган остановил гостя небрежным взмахом вилки. — Человеку не пристало волноваться. Это вредит пищеварению.

— Как же я могу не волноваться, если…

— Спокойствие, друг мой! Спокойствие. — По-прежнему не глядя на Эдисона, банкир все же сделал гостю одолжение и прервал процесс тщательного пережевывания пищи (подцепил вилкой — прожевал — проглотил, подцепил — прожевал — проглотил) ровно настолько, чтобы успеть произнести: — Возьмите себя в руки, если рассчитываете на мою поддержку.

У Эдисона от ярости перехватило горло.

— Мистер Морган, для моей работы жизненно важно…

— Для нашей работы.

— Да, разумеется. Для нашей работы.

— На сегодняшний день?

— Что?..

— На сегодняшний день. Здесь и сейчас. Как говорится. — Подцепил, прожевал, проглотил. Подцепил, прожевал, проглотил.

— Мистер Морган! — выкрикнул Эдисон вне себя от гнева и ужаса и, спохватившись, продолжал куда сдержаннее: — Мистер Морган, у моей компании есть все, чтобы возглавить процесс повсеместной электрификации.

Морган всецело отдался ответственному и увлекательному процессу пережевывания пищи. Набив рот, он старательно работал челюстями, время от времени прихлебывая вино. Не прерываясь, он жестом велел гостю переходить к делу.

В душе у Эдисона все клокотало от гнева, однако он умел держать себя в руках.

— Что ж! Ладно. Увеличивать финансирование…

— Да, так что с финансированием? — поторопил его банкир, намазывая масло на булку.

— Нецелесообразно.

Морган кивнул, не отрываясь от еды, махнул вилкой, давая понять, что разговор окончен, и снова принялся жевать, так что посетителю оставалось лишь покинуть комнату, стараясь не слишком шуметь.

Едва за Эдисоном закрылась дверь, Морган с усмешкой бросил вилку и зажег сигару.

— М-м-м. Чудно! — пробормотал он и подозвал дворецкого. — А теперь отнесите-ка это на кухню и подогрейте. Все должно быть готово к приходу следующего гостя. Я собираюсь попросить Джорджа Вестингауза об одной пустяковой услуге.

Дворецкий с достоинством поклонился и покатил тележку к дверям.

— Через три минуты после прихода Вестингауза, — продолжал Морган, — несите все обратно. Ровно через три минуты.

— Да, сэр.

— Постойте! — спохватился банкир, что-то поспешно подсчитав в уме. — Накройте на двоих.

Слуга кивнул, с грохотом выкатывая тележку за порог, и в кабинете Моргана ненадолго воцарились мир и покой. Финансист умел ценить такие моменты. Поудобнее устроившись в глубоком мягком кресле, он с наслаждением затянулся сигарой.

У человека в его положении не было ни единой причины не любить жизнь. И Дж. Пьерпонт Морган любил ее всей душой. Не только миф о сверхъестественно удачливом предпринимателе, но и неприглядную правду: перебои с пищеварением, изуродованные артритом суставы, основательное брюшко, седину и лысину.

Он любил жизнь, которую выстроил своими руками, и умел радоваться каждому новому дню. Он упивался властью над людьми и дурачил их без всякой жалости. Его желудок работал как часы, а сон был безмятежен.

Глава двадцать третья Май 1888 Манхэттен

Ассистентка Теслы Нэлл Уитэкер уже третий раз подряд задержалась на работе за полночь. В углу лаборатории отсчитывали секунды старинные часы, и измученная до крайности Нэлл находила утешение в их мелодичном тиканье.

Старые часы были единственной привычной и нестрашной вещью в электрической лаборатории Теслы — прочая обстановка внушала Нэлл благоговейный ужас.

Взять хотя бы освещение. За окном царила непроглядная безлунная ночь, а в лаборатории было светло как днем. Нэлл в жизни не видела ничего подобного: как будто в доме не было ни стен, ни потолка, а на дворе стоял солнечный полдень.

На потолке, по всей длине комнаты, были с одинаковым интервалом развешены дуговые лампы. То были лампы нового образца, создавая которые изобретатель учел ошибки Равея. На место массивных динамо-машин пришли компактные генераторы. Вопреки всеобщим опасениям, они прекрасно справлялись с «неуправляемым» переменным током.

После двенадцатичасовой смены при ярком свете у Нэлл страшно уставали глаза, но девушка и не думала сдаваться: если мистеру Тесле угодно задерживаться на работе дольше всех, она ни за что от него не отстанет. В такой решимости был, конечно, элемент профессионального тщеславия, но только элемент. На самом деле молодой женщине не хотелось возвращаться в пустую неуютную квартиру. Уж лучше сидеть в конторе, добровольно взваливая на себя все новые нудные дела. Надежды на долгожданную перемену судьбы таяли с каждым днем. Мисс Уитэкер смотрела на вещи трезво и знала, что от жизни не приходится ждать слишком многого.

Если женщина дожила до двадцати семи лет, ни разу не получив предложения руки и сердца, ей не следовало тешить себя иллюзиями. Нэлл до сих пор нет-нет да и позволяла себе невинные девичьи фантазии, но лишь для того, чтобы снова предаться унынию и в очередной раз напомнить себе, что она слишком толстая, хотя ее и пухленькой-то можно было назвать разве что на Рождество, когда она и впрямь могла набрать десять-двадцать лишних фунтов, но лишь для того, чтобы легко избавиться от них летом.

Ночные бдения на работе были прямым следствием твердого решения принести себя в жертву мистеру Тесле и его делу, если

это, конечно, можно было назвать жертвой. Старой деве полагалось вести тихую, бесцветную и скучную жизнь. Так было бы и с Нэлл, согласись она играть роль, отведенную женщине ее возраста. Долгие вечера в лаборатории давали ей ощущение свободы: никаких обязательств, и дома никто не ждет. Никакого мужа, а значит, никаких упреков и расспросов, отчего она так задержалась на службе.

Нэлл гордилась своей работой и любила ее всей душой. На то были две причины: фантастический мир электромагнитных полей и мистер Тесла. Ее боссу едва исполнилось тридцать два года, а его роскошная шевелюра была черна как смоль.

На этот раз Нэлл выпала непростая задача: намотать тонкую медную проволоку на металлический стержень в три фута длиной и два дюйма в диаметре. Стержень крепился к рабочему столу при помощи железных тисков с резиновыми насадками. Каждый виток проволоки следовало класть вплотную к предыдущему, чтобы обеспечить равное напряжение по всей длине кабеля.

Нэлл вспоминала, с каким жаром мистер Тесла втолковывал ей, что эту работу следует выполнять особенно тщательно. «Мы будто рисуем металлом по магнитному холсту, наносим слой за слоем так, чтобы провод можно было взвесить с точностью до долей миллиграмма и предсказать, какое поле он образует!» Он говорил еще много важных вещей о полях и электричестве, но Нэлл уже не слушала. Она запомнила лишь магнетическое сияние его глаз.

Проработав в компании полгода, Нэлл убедилась, что вокруг мистера Теслы и фантастических вещей, населяющих его лабораторию, и вправду существует волшебное поле притяжения. Эта колдовская сила удерживала ее на работе и примиряла с нескончаемой рутиной, что неизбежно следовала за очередным прозрением изобретателя.

Притяжение усиливалось всякий раз, когда мистер Тесла выходил из своего кабинета, чтобы узнать, как дела в лаборатории. С Нэлл он говорил как с равной и никогда не называл ее по имени: только «мисс». «Ми-исс», — произносил он, слегка растягивая гласные. Этот восточноевропейский акцент казался Нэлл таким экзотическим!

Был ли мистер Тесла любезен с остальными? С Нэлл он порой бывал резким, а порой рассеянным, но она все равно чувствовала, что босс выделяет ее из других работников. К сожалению, им редко выпадал случай завести беседу, а о том, чтобы поговорить по душам, не могло быть и речи.

К полуночи в лаборатории оставались трое из двенадцати сотрудников, и Нэлл была в их числе, чем по праву гордилась.

Магнитное поле изобретателя удерживало ее на месте, заставляя терпеливо ждать, когда мистер Тесла разглядит в прилежной ассистентке верную соратницу и родственную душу.

Нэлл поморгала, чтобы вернуть зрению остроту, и снова принялась аккуратно наматывать проволоку на стержень. Основная часть работников — еще одна женщина и восемь обремененных семьей мужчин — разошлись еще час назад. В лаборатории оставались трое холостяков, вольных распоряжаться своим временем как заблагорассудится. Впрочем, стойкостью мисс Уитэкер ни один из них не обладал; поглядывая на своих коллег, Нэлл замечала, что оба вот-вот свалятся от усталости.

Итак, в самое ближайшее время ей предстоит остаться с мистером Николой Теслой наедине. И если великому изобретателю угодно просидеть до утра, совершенствуя то, над чем они трудились последние двенадцать часов, значит, так тому и быть.

Мисс Уитэкер еще немного поморгала, чтобы прогнать плавающие перед глазами цветные пятна, покрутила головой, разминая шею, и продолжила наматывать на сердечник идеально ровные слои проволоки. Вслед за Теслой она старалась представить, что наносит на холст аккуратные мазки, создавая шедевр. Еще днем, когда мистер Тесла подошел к ней с новым ответственным поручением, Нэлл на мгновение вообразила себя художницей. Босс, хоть и держался с ней немного застенчиво, все же отыскал подходящие слова, чтобы по-человечески объяснить, как важно наматывать проволоку идеально ровно.

Сила тока, которую был способен выдержать кабель, прямо зависела от — Нэлл влюбилась в это слово, как только услышала, — проводимости провода. Для определенной массы меди надлежало заранее рассчитать силу тока, чтобы не допустить никаких колебаний.

Любое, даже самое крошечное препятствие на пути бегущего по проводу тока привело бы к внезапному разряду. Электричеству требовалось высвобождать энергию, чтобы двигаться дальше. Мощность потребляемой энергии снижалась с каждым разрядом. Мистер Тесла говорил, что пробелы в обмотке сердечника все равно что ямы, через которые току приходится прыгать.

И Нэлл очень старалась. Рисковать такой работой было бы в высшей степени неразумно. Нэлл смотрела на вещи трезво и отлично понимала, кто она на самом деле: обыкновенная старая дева, которой повезло найти необыкновенную работу. Да и этим везением мисс Уитэкер изрядно растратила отпущенную ей удачу, примеры которой, в чем она сама могла бы признаться на исповеди, и так можно было «перечесть по пальцам руки».

Мисс Уитэкер даже приблизительно не представляла, сколь далеко простираются сверхъестественные возможности ее начальника. Говорили, что Тесла берет свои идеи из воздуха. В прямом смысле. Он и сам этого не отрицал. Еще говорили, что приборы изобретатель сперва строит в воображении, а потом воссоздает свои фантазии на чертежах, без единого чернового наброска. Нэлл собственными ушами слышала, как босс признается в этом одному из редких посетителей, который задал вопрос, но ответ, в отличие от нее, пропустил мимо ушей.

Нэлл давно решила, что захватывающий мир изобретений как раз по ней. Вот бы еще сделаться в нем своей и хоть чуточку приблизиться к мистеру Тесле! Разумеется, она и мысли не допускала о том, чтобы сравняться с мужчиной, да еще и выдающимся ученым, получившим блестящее образование в Европе.

Однако почему бы не помечтать? Своим тайным девизом Нэлл выбрала слова: «Не решай, пока не попробовала», — боевой клич незамужней американки новой эпохи. У нее было достаточно времени, чтобы вышить не один десяток подушек, день ото дня вплетая в узор накопленную за годы одиночества горькую мудрость. Эта мудрость не раз выручала Нэлл там, где у нее на первый взгляд не было ни малейшего шанса: взять хотя бы эту работу.

Когда бес тщеславия заставил Нэлл Уитэкер устроиться в компанию, она как-то не подумала, что среди ее коллег окажутся всего две женщины и десять мужчин, включая самого босса. Нэлл не имела ни малейших оснований полагать, что мужская часть лаборатории, не в пример мистеру Тесле, не одобряет девушек с карьерными устремлениями, зато имела все основания подозревать, что женская часть в этом отношении солидарна с мужской, и потому ждала, что ей рано или поздно в самых недвусмысленных выражениях укажут ее место.

Нэлл догадывалась, что своей нынешней работой она обязана исключительно привычке мистера Теслы лично беседовать с каждым соискателем. После насмешливых взглядов и скользких шуточек работников-мужчин она готовилась к худшему, когда хозяин лаборатории пригласил ее в свой кабинет, усадил в кресло, прикрыл дверь и начал задавать вопросы. Однако он, вопреки ожиданиям, был безупречно вежлив. Мистер Тесла слушал ее очень внимательно и ни разу не перебил. Ни разу. Во время беседы он глядел на соискательницу с такой теплотой, что у нее дрожали колени, а сердце трепетало от восторга. Нэлл из последних сил старалась ровно дышать и держаться так, чтобы работодатель ни о чем не догадался.

Нэлл не только слышала о небывалом успехе изобретателя в Нью-Джерси, но и видела плоды его трудов собственными глазами. Ночью светло как днем! Придумать такое обычному человеку не под силу. А что, если Тесла может прочесть ее мысли? Ведь он должен быть особенным, чтобы разглядеть нечто особенное в ней. Мистер Тесла не только принял Нэлл на работу, но и лично представил ее каждому сотруднику, демонстрируя к новой служащей безграничное уважение и требуя того же от других.

Босс с первого дня доверял Нэлл Уитэкер сложные и ответственные задания, и она самоотверженно бросалась их выполнять, зачастую жертвуя обеденным перерывом. Впрочем, мистер Тесла и сам привык обходиться без еды, так что лаборантке приходилось припрятывать в кармане халата печенье или бутерброд. В результате Нэлл перестала набирать вес, привыкла спать по несколько часов, а по утрам летела в контору как на крыльях. Она готова была отдать все без остатка своей замечательной работе, принести себя в жертву, любой ценой добиться того, чтобы мистер Тесла обратил на нее внимание, а в укромном уголке в самой глубине души лелеяла робкую надежду, что ее уже заметили и берегут для какой-то поистине великой миссии.

Для Нэлл Уитэкер началась новая жизнь. Жизнь, в котором появился смысл и даже в некотором роде мужчина. И вот настал ее звездный час: босс поручил самое ответственное и трудоемкое дело — накручивать проволоку на сердечник — именно ей и никому другому. Вероятно, сверхъестественное чутье мистера Теслы подсказало ему, что новенькая сделает все, лишь бы стать своей в этом удивительном месте, и «невыполнимое» задание станет для нее сущим пустяком. Нэлл успела намотать проволоку в пять идеальных слоев, когда оба ее сослуживца дрогнули и взмолились об отдыхе.

С трудом оторвавшийся от чертежей Тесла в изумлении уставился на своих работников, которым, по его представлениям, давно полагалось разойтись по домам, и, смущенно посмеиваясь, распрощался с ними до утра.

Нэлл идти домой не собиралась. Она продолжала возиться с проволокой, стараясь не выдать своего присутствия, чтобы не услышать нечто вроде: «А, мисс Уитэкер! Простите, я понятия не имел, который час. Отправляйтесь-ка домой, а завтра можете прийти попозже».

Только не сейчас, когда все стало складываться так удачно. Впервые за полгода работы в электротехнической лаборатории Николы Теслы Нэлл удалось остаться с ее владельцем наедине.

Небывалое везение. В любой другой конторе такое было бы совершенно немыслимо. Другие женщины и помыслить не могли о том, чтобы оказаться в обществе такого мужчины.

Рабочая обстановка избавляла обоих от обременительной необходимости поддерживать разговор. В списке талантов Нэлл Уитэкер не значилось умение вести светскую беседу.

Все, что от нее требовалось, это наматывать проволоку вплотную, без просветов, образуя вокруг железной сердцевины непроницаемую медную броню.

Никола наконец покончил с батареей в разрезе. Работа вышла тоскливой и муторной. Встав из-за стола, он поднял руки и потянулся, до упора напрягая спину. Проделав это нехитрое упражнение, Тесла огляделся и с удивлением обнаружил, что Нэлл Уитэкер не ушла домой. Лаборантка, словно заведенная, продолжала наматывать проволоку. Никола на миг растерялся, напуганный столь сверхъестественным рвением, но тут же сообразил, в чем дело, и произнес с виноватой улыбкой:

— Мисс Уитэкер, ради бога, простите! Боюсь, я совсем оторвался от реальности. Вы отлично потрудились и превосходно справились с работой, однако я, похоже, невольно ввел вас в заблуждение: ее не обязательно заканчивать сегодня.

Тесла помолчал, ожидая ответа, но мисс Уитэкер удостоила его лишь кивком и слабой улыбкой.

Никола упрямо ждал: она должна была хоть что-нибудь сказать или, по крайней мере, дать знать, что все поняла и готова пойти домой. Вместо этого Нэлл как ни в чем не бывало склонилась над столом и принялась наматывать очередной слой проволоки.

Никола в замешательстве глядел на лаборантку. Он явно допустил какой-то промах, понять бы еще, какой. Почему она здесь? Ведь остальные давно разошлись. Тесла разрешил ей идти, прямо и недвусмысленно, но она проигнорировала его слова и продолжала работать.

— Должен признаться, мисс Уитэкер, я восхищен вашим трудолюбием и самоотверженностью. Вы пример для других сотрудников…

Лицо лаборантки озарилось такой светлой, радостной благодарностью, что стало ясно: владелец лаборатории нашел правильные слова. Но девушка по-прежнему не двигалась с места. Почему бы ей, в конце концов, не отправиться домой?

— И с моей стороны было бы истинным злодейством задержать вас на работе еще хотя бы на минуту.

Нэлл Уитэкер робко потупилась, всем своим видом выражая смирение.

— Мистер Те… Те… Те… сла, я ра… ра… рада быть… — Она смешалась, глубоко вздохнула и замолчала, собираясь с мыслями.

— Да, конечно, и я вам очень благодарен, правда. И мне, поверьте, очень стыдно так сильно вас задерживать. Не будь я так занят… Вот. — Тесла пожал плечами и улыбнулся. Нэлл с лихвой хватило бы и одной улыбки, но он добавил: — Завтра приходите во второй половине дня, после ланча. Договорились? — с наигранной суровостью добавил Никола, возвращаясь к столу.

Нэлл улыбнулась, закивала и чуть слышно, одними губами, прошептала слова благодарности. Тесла вежливо кивнул и взялся за чертеж.

Разобравшись с мисс Уитэкер, Никола вновь погрузился в размышления. Шестнадцатого мая ему предстояло прочесть лекцию в Американском электротехническом институте. То было не только первое выступление Теслы в Новом Свете, но и вообще первое его появление перед солидной научной публикой. Специально для нее изобретатель запланировал демонстрацию действия переменного тока. Сопровождающему демонстрацию тексту надлежало стать по-американски «кратким и забавным». Начать можно было бы с…

— Никола!

Голос Карины прошелестел у левого виска. Николу пронзил страх.

— Почему ты не отвечаешь?

Тесла молчал, парализованный ужасом.

— Тебе нельзя без музы, — предостерегала Карина. — Без меня ты ничего не создашь, только загубишь свои творения!

В дверях Нэлл обернулась, чтобы еще раз посмотреть на мистера Теслу. Он отпрянул назад, словно увидел что-то страшное. Взгляд изобретателя метался по лаборатории, разыскивая что-то видимое ему одному.

— Нет! — простонал мистер Тесла, зажмурившись и закрыв руками уши. Его тело сковала мучительная судорога.

Нэлл стало страшно. Сначала она решила, что кто-то пробрался в лабораторию и напугал мистера Теслу. Но почему он зажимает уши, к кому обращается неразборчивым, гортанным шепотом? Нэлл была готова поклясться, что кроме них в конторе никого не было.

Выходит, гений говорит с самим собой, решила потрясенная мисс Уитэкер и тут же устыдилась того, что видит нечто, не предназначенное для посторонних глаз. Девушку охватило неприятное чувство, смесь смущения, раздражения и страха. Инстинкт требовал развернуться и бежать, но чутье куда более древнее — из тех времен, когда предки человека жили на

деревьях, — подсказывало: стоит ей пошевелиться, и он ее заметит.

Нэлл попятилась назад, надеясь неслышно переступить порог и исчезнуть, прежде чем Тесла обратит на нее внимание или вытворит что-нибудь совсем уж странное. Девушка старалась двигаться плавно, как кошка. Она понятия не имела, что делать, если ее присутствие перестанет быть тайной для изобретателя.

Нэлл не успела сделать и трех шагов, как Никола издал жуткий вопль. Он рухнул на колени, все еще зажимая уши:

— Я не знаю, что ты такое!

Нэлл замерла от ужаса, но всего лишь на мгновение. Подчиняясь все тому же безотказному инстинкту, она метнулась к стене и стала медленно продвигаться к выходу. Девушка знала: один звук, и мистер Тесла откроет глаза. Изобретатель снова закричал:

— Ты повсюду сеешь беду! Это правда! Ты меня истерзала!

Нэлл проскользнула вдоль стены и шагнула за порог.

— Не-е-ет!

Мистер Тесла размахивал руками, будто отгоняя невидимых птиц. Глаза изобретателя были широко раскрыты, но Нэлл он по-прежнему не замечал. Девушка распахнула дверь и лишь тогда оглянулась удостовериться, что он за ней не гонится.

Ее страхи оказались напрасными. Мистер Тесла все так же стоял на коленях посреди лаборатории. Он перестал отмахиваться от несуществующих птиц и застыл, вытянув руку, благоговейно касаясь пустого пространства, как ребенок, увидевший чудо. Лицо Николы было совершенно безмятежно, страшная судорога отпустила его члены. Тесла плавно поднялся и шагнул навстречу пустоте.

В глазах молодого человека не было ни стыда, ни страха, лишь безграничная нежность и тихое счастье. И этот чистый детский восторг напугал Нэлл куда сильнее, чем недавняя яростная вспышка.

Мисс Уитэкер не стала закрывать за собой дверь, опасаясь пробудить безумца. Спятивший гений мог принять лаборантку за кого угодно и заподозрить во всех смертных грехах.

Выбежав из лаборатории на пустынную улицу, Нэлл бросилась в спасительную темноту безлунной ночи. Вокруг царили тишина и покой. Мисс Уитэкер хотела одного: добраться до дома и рухнуть на кровать. За полгода непрерывных сверхурочных она скопила достаточно денег, чтобы позволить себе отдохнуть целую неделю или даже две, прежде чем отправиться на поиски новой работы. Желательно на другом конце города.

Только на новом месте она ни за что не будет задерживаться допоздна. Ей нужна нормальная, не слишком обременительная работа, оставляющая довольно свободного времени, чтобы ходить в гости, знакомиться с порядочными людьми и, возможно, завести друзей. Пришло время изменить свою жизнь, раз и навсегда покончив с невыносимым одиночеством, которое привело ее в это кошмарное место. В эту проклятую лабораторию.

Глава двадцать четвертая 16 мая 1888 года Американский электротехнический институт Нью-Йорк

После официального приема и ужина в честь мистера Николы Теслы профессора и почетные гости перебрались в центральную аудиторию, где должно было состояться главное событие вечера. Все прочее было лишь преамбулой. Изысканный ужин и дорогое вино должны были разжечь у собравшихся аппетит. Все ждали почетного гостя. Руководство института отправило мистеру Тесле официальное приглашение выступить с лекцией, и он любезно согласился. И вот настал долгожданный день. Изобретателю выпала возможность показать ученым мужам истинную ценность своей работы. Редкая удача и страшная ответственность во времена, когда за неосторожно сказанное слово можно поплатиться карьерой. От своевременно запатентованного изобретения зависела судьба изобретателя, а неожиданное открытие могло изменить ход истории. Мистер Тесла пообещал публике техническую революцию, и публика жаждала ее узреть.

Никола знал, что его будущее зависит от благосклонности научных кругов, и готовился к предстоящему выступлению с подобающей тщательностью. Пока гости занимали места в зале, он еще раз украдкой оглядел свой парадный костюм и пришел к выводу, что тот сидит безупречно. И это был не единственный повод для оптимизма: за последние пять месяцев правительство Соединенных Штатов выдало сорок патентов на изобретения Теслы и признало их началом нового направления в науке.

Наконец публика расселась по местам. На озаренную ярко-желтым газовым светом трибуну поднялся распорядитель вечера и поднял руку, призывая к тишине.

Стоя за сценой, Никола слушал, как ведущий представляет его нетерпеливым зрителям:

— Все мы наслышаны об удивительных открытиях, сделанных нашим гостем в области электричества. И хотя до сегодняшнего дня имя Николы Теслы было известно лишь узкому кругу специалистов, теперь, когда его изобретения официально признаны Патентным бюро Соединенных Штатов Америки, о нем, несомненно, услышит весь мир.

Он повернулся к Николе, жестом приглашая его показаться публике.

— Мистер Никола Тесла…

Гости проводили распорядителя вежливыми аплодисментами и охотно поприветствовали Николу, который поднялся на трибуну и встал под большим плакатом с надписью «Американский технологический институт». Дух его был бодр, мысли ясны, а сердце трепетало от волнения. То, что он собирался поведать собравшимся, должно было не просто поразить их, а потрясти основы их сознания, перечеркнуть все, что они успели выучить и чему привыкли верить.

Никола вынул из кармана набросанные вчерне заметки, пробежал их глазами и снова убрал. Потом он обратил взор к залу, стараясь разглядеть каждого зрителя, поймать каждый взгляд, и глубоко вздохнул. Пыльный воздух аудитории был пропитан покоем и академизмом. Как раз то, что нужно.

Два аспиранта выкатили на сцену стол на колесиках. На нем располагались два соединенных между собой трехфазных двигателя, которые Никола собрал специально для того, чтобы подкрепить теоретические выкладки наглядными примерами.

Тесла по привычке напряг мускулы, чтобы очистить разум от видений. Оглядевшись по сторонам и глубоко вздохнув, он начал лекцию:

— Вращающееся магнитное поле — краеугольный камень сегодняшних представлений о природе электричества, однако это не более чем одно-единственное деление на бесконечной энергетической шкале. Модулируя энергию как ноты в партитуре, человечество добьется — еще при нашей жизни — небывалого прорыва в области массовых коммуникаций. Маленькие двигатели, которые вы видите перед собой, призваны продемонстрировать значение переменного тока для нашего общего будущего… Это лишь первый шаг. Очень скоро — повторяю, еще при нашей жизни! — будет создан энергетический поток такой мощности, который позволит бесплатно снабжать электричеством всю землю! Я говорю не о передаче информации. Речь идет о передаче энергии как таковой по всей планете.

Тесла окинул взглядом слушателей, безмолвных и неподвижных, словно восковые фигуры. Предстоящая демонстрация не слишком занимала публику: от обладателя сорока патентов никто всерьез не ждал провала. Собравшихся волновало совсем другое. И хотя Никола мог прочесть в глазах иных гостей давно знакомые зависть и злость, большинство лиц терялось в полумраке и сливалось в одно. Лучшие научные умы со страхом и недоверием смотрели на того, кто собирался оспорить все, во что они верили. Их мир рушился у них на глазах, и Тесла знал, что привычные взгляды не заставят себя ждать.

* * *

Наутро Никола явился в лабораторию еще до рассвета. Ранними утренними часами он дорожил ничуть не меньше, чем поздним вечером, когда контора пустела. Вчерашняя эйфория еще не прошла, и Тесла, поспав всего час, торопил наступление нового дня.

Первым делом он залез на стремянку, чтобы проверить, как закреплен кабель на почти готовом гигантском трансформаторе. Тесла знал, что лаборанты успели проделать эту процедуру по крайней мере дважды, но для собственного спокойствия решил лишний раз убедиться, что все в порядке.

Хлопнула входная дверь, но Никола не стал поворачиваться: его работники нередко старались прийти пораньше. В лабораторию вошел чернявый крепыш с пышными усами, придававшими своему владельцу сходство с моржом. В зубах у незнакомца дымилась толстая сигара, а его костюм вполне подошел бы для аудиенции при дворе. Оглядевшись по сторонам и заметив притулившегося на стремянке Николу, он хищно усмехнулся и прогремел на всю лабораторию:

— Бесплатное электричество для всех! — Гость выдержал драматическую паузу. — Здорово! Ну, разве не здорово, скажите на милость?

Озадаченный Никола посмотрел на незнакомца сверху вниз и учтиво ответил:

— Пожалуй. Благодарю вас.

— Подумать только, какая реклама! — проревел незваный гость. — Бесплатно это, конечно, слишком, но ему ничто не помешает превратиться в «по доступной цене».

— Сэр, это частное владение, — напомнил Никола, спускаясь.

Непрошеный посетитель, ничуть не смутившись, протянул ему свою широкую ладонь для традиционного американского приветствия.

— Мистер Тесла, меня зовут Джордж Вестингауз, и должен признать, ваше вчерашнее выступление было просто блестящим! — Глядя на протянутую лапищу, Никола проклял свои познания в бактериологии, помноженные на представления о том, сколь мало обитателей земного шара имеет привычку регулярно мыть руки.

Внезапное появление Вестингауза и решимость, с которой тот приступил к делу, ошеломили Теслу. Будь у него побольше времени — хотя бы пара минут, — он сумел бы найти предлог, чтобы заменить рукопожатие учтивым поклоном, а так пришлось невзначай спрятать руку, неловко сползая со стремянки.

Впрочем, гостя такой маневр ничуть не смутил. Убрав руку, он продолжал как ни в чем не бывало:

— Дьявол, я еще вчера хотел вас поздравить, но вокруг собралась такая толпа! Вот почему я здесь. Что сказать о ваших изобретениях? Они гениальны, сэр. Гениальны!

— Спасибо, мистер Вестингауз. И я наслышан о вас.

— Наслышаны! Ясное дело. Я ведь, можно сказать, самый ярый поклонник Теслы и его переменного тока на земле! Жду не дождусь, когда он побежит по всей стране! — Вестингауз огляделся по сторонам, проверяя, не затаился ли в каком-нибудь углу соглядатай, и продолжал: — Кстати, один мой знакомый финансист хочет, чтобы вы спроектировали гигантские генераторы для использования энергии Ниагарского водопада!

— Ниагарского водопада?

— Ага. Слышали про такой?

— Да! Разумеется слышал! Я и сам порой думал…

— Мы с вами должны приспособить ваши генераторы для этой задачи, мистер Тесла. Обделать дело, так сказать.

У Николы закружилась голова. Чтобы отдышаться, он уселся прямо на пол.

— Такая мощь может дать много миллионов вольт.

— Тем лучше! От вас требуется всего сто тысяч. Надо будет протянуть кабель от Ниагары в Буффало, штат Нью-Йорк. Чтобы уладить все формальности, понадобится время. Так что у вас есть несколько лет.

Успокоив дыхание и поборов хаос рвущихся на свободу видений, Никола медленно проговорил:

— Мистер Вестингауз, передайте, пожалуйста, вашему знакомому финансисту, что с оборудованием мощностью в четыреста тысяч вольт можно осветить все восточное побережье.

— Сначала Буффало, потом все восточное побережье, если вам будет угодно. Мой знакомый — деловой человек, его в первую очередь интересует результат. Если вы согласны, разумеется.

— Ах, вот как? Когда приступать?

Вестингауз хлопнул в ладоши и одобрительно рассмеялся.

— Как насчет завтра? К чему тянуть кота за хвост? — Он придвинулся к Николе и доверительно понизил голос: — Вы, надеюсь, не любитель тянуть кота за хвост?

— Я, признаться…

— Я уполномочен предложить вам миллион долларов за сорок патентов на ваши потрясающие изобретения.

Не привыкший размышлять о таких суммах Никола торопливо подсчитывал в уме. В Америке конца девятнадцатого

века номер в первоклассном отеле обходился постояльцу в несколько долларов за ночь. Добротный дом в черте города стоил от десяти до двадцати тысяч. Чтобы открыть лабораторию, надо было купить земельный участок по тысяче долларов за акр, оснастить помещение необходимым оборудованием, провести электричество, нанять специалистов и назначить каждому достойное жалованье, и все это в надежде на весьма скромную прибыль не раньше, чем через пару лет. Тесла сбился со счета и утратил дар речи от потрясения.

Вестингауз истолковал его молчание по-своему:

— Плюс авторские отчисления. По доллару за каждый генератор вашего образца. Авторские выплачивают, когда…

— Миллион? Миллион долларов?

Джордж Вестингауз заговорщически подмигнул Тесле:

— Для начала пятьдесят тысяч наличными. Надеюсь, вы любите мою страну так же сильно, как я.

— Да, я… я надеюсь однажды сделаться ее гражданином. Здесь я добился того, о чем в других странах не мог бы и мечтать.

Вестингауз довольно улыбался.

— Это точно! Поверьте коренному американцу! Вот это я называю делать дело! А не тянуть кота за хвост! — Гость протянул Николе руку: — Итак, завтра мой человек принесет вам документы и чек…

— Завтра? Миллион долларов?

Вестингауз не опускал руки:

— Аванс пятьдесят тысяч. Если вы согласны.

Тесла лихорадочно моргал, силясь прогнать застилавшую глаза пелену:

— Неужели в Америке найдется человек, который откажется от миллиона долларов плюс авторские отчисления за изобретение?

Вестингауз, так и не опустивший руки, гулко расхохотался:

— Если и найдется, он будет редкостным дураком.

Никола улыбнулся и не глядя пожал протянутую руку.

* * *

Прошло несколько минут, прежде чем Тесла с изумлением обнаружил, что все еще сидит на полу, привалившись спиной к нагретой солнцем стене. Это было словно дивный сон. Вся его жизнь совершенно переменилась будто по мановению волшебной палочки. Теперь он сможет открыть собственную лабораторию, обустроить ее по своему вкусу и нанять квалифицированный

персонал. Прежняя жизнь безвозвратно канула в прошлое, теперь все будет по-другому.

— Никола! — Голос Карины послышался совсем близко.

Тесла вздрогнул и огляделся. Карина выступила из сгустившейся в углу тени, глядя на него с тревогой и нежностью.

— Почему ты меня избегаешь?

— Молчи! Молчи! — Никола со стоном закрыл лицо руками. Когда он снова смог говорить, его голос звучал слабо и устало:

— Мой отец был священником. Теперь его дух преследует меня. Горько признавать, но ничего не поделаешь. Когда мы вместе, я слышу его голос, он твердит, что ты несешь беду.

Карина легонько коснулась его лица:

— У тебя немало сильных врагов, но это не страшно. Ты уже изменил мир, хоть еще об этом и не подозреваешь.

Годы не остудили его чувства. Перед властью Карины склонялись и страх, воля. Чтобы безраздельно подчинить себе Николу, ей довольно было появиться, в реальном мире или в недрах его души.

Из-за двери послышался пронзительный скрежет. Кто-то поворачивал ключ в замке; шум заставил Теслу позабыть о Карине. Снаружи грохотали ботинки явившихся на работу клерков. Никола только и успел, что оглядеться и сообразить, что его вот-вот застанут врасплох.

Он наклонился и немного напряг мышцы, чтобы изгнать из головы Карину и ее призрачную свиту, но было слишком поздно: трое молодых сотрудников вошли в лабораторию. Один из них замешкался на пороге, увидев, что босс стоит посреди комнаты с растерянным и виноватым видом. Остальные решили поторопить замечтавшегося товарища толчком в спину, и все трое едва не налетели на изобретателя.

Никола напоминал пьянчугу, который пытается изобразить трезвого. Бледный, помятый, с испариной на лбу, он поднял голову с таким трудом, будто на нее давила вся тяжесть мира, и попытался улыбнуться.

— Доброе утро, — прохрипел Тесла.

Многозначительная пауза продлилась недолго: наспех пробормотав приветствие, лаборанты прошмыгнули к своим рабочим столам. Опытные клерки знали, когда лучше промолчать.

* * *

Эдисон не стал выглядывать в окно своей манхэттенской

конторы, чтобы полюбоваться на грузовики, доставившие в лабораторию на соседней улице новое оборудование. Он знал, что клерки исподтишка наблюдают за ним. Так батраки на ферме ждут, что станет делать хозяин, когда налетит ураган. Старо как мир. Для подчиненных Босс с головой ушел в работу. Склонившись над открытой книгой, он пытался определить направление света новой лампочки. Лицо Эдисона было непроницаемо: тот, кто знал Босса много лет, мог бы наблюдать за ним целый день и не заметить ни единого проблеска человеческого чувства; он словно обратился в камень.

Эдисону было известно, что за последние два дня наниматься к Тесле приходили десятки мужчин и даже несколько женщин. А это, как бы то ни было, очень много народу.

— Рано пташечка запела, — пробормотал Эдисон сквозь зубы. Так его матушка говорила о тех, кто слишком быстро выбрался из грязи в князи. Рано пташечка запела, а столько подпевал ей не по чину.

Босса вся эта шумиха нисколько не удивляла: он всегда считал своим главным преимуществом умение разбираться в людях. Он сразу почувствовал, что с этим Теслой не оберешься хлопот. Эдисон вообще не доверял людям с гладкой речью и хорошими манерами: они заморочат вам голову, усыпят сладкими словами и ограбят. С тех пор как этот идиот Вестингауз предложил Тесле миллион долларов вкупе с солидными авторскими выплатами, в лаборатории на углу закипела работа. Судя по новому оборудованию и числу соискателей, готовится нечто грандиозное. Как можно давать такую власть субъектам вроде этого проныры? Однако к чему такая секретность? Не взрывчатку же он там изобретает? Хуже: этот эмигрантишка затеял игры с переменным током, сулящим немедленную смерть всякому, кто случайно прикоснется к проводу, о чем он, Эдисон, не устает твердить тем, кто готов его слушать. Старый добрый, практически безвредный постоянный ток нельзя менять на грозный и непредсказуемый переменный. Он сжигает плоть до костей и мгновенно останавливает сердце. Все, кто имел представление об электротехнике, догадывались об опасных экспериментах Теслы, и все же за ними скрывалось нечто другое, еще более зловещее. А иначе зачем ему понадобилось прятаться за стенами лаборатории, словно какому-нибудь черному магу или некроманту? Если бы постоянный ток взяли на вооружение по всей Америке, никто не стал бы тратить бешеные деньги на сомнительные опыты наглого иностранца.

А что, если, размышлял великий изобретатель, устроить в лабораторию к Тесле парочку парней из Джерси, кого-нибудь, с

кем он точно не знаком? Врага надо знать в лицо, сейчас больше, чем когда бы то ни было. За успех лазутчику можно посулить жирный куш — на словах, разумеется. Или даже разрешить оставлять себе назначенное Теслой жалованье. За преданность приходится платить. Пусть шпион поживится за счет двух господ, главное — чтобы Эдисон вовремя узнавал, что задумал противник. Не приходится сомневаться, что выскочка в своей лаборатории колдует не только над силовой станцией в Филадельфии, о которой мечтает этот кретин Вестингауз.

На соседней улице определенно творилось что-то еще. Что-то куда более серьезное, чем работа над уличным освещением. Получив доступ к большим деньгам, Тесла мог отважиться на нечто совершенно новое и чертовски опасное.

«Если в мире есть кто-то страшнее возомнившего себя гением безумца, — резюмировал про себя Эдисон, — это возомнивший себя гением безумец, располагающий миллионом долларов».

Глава двадцать пятая Три года спустя Филадельфия

В реальном мире прошло три года, в течение которых Никола почти не покидал привычного кресла-качалки. Мостиком в реальность была лаборатория, где видения обретали жизнь.

Эта пора была бы лучшей в жизни Теслы, если бы не одиночество и не тоска по дружбе более глубокой и преданной, чем бывает у партнеров по бильярду. Пока что его судьба складывалась именно так, как предсказала мать, когда они возвращались с кладбища после похорон Дане. Имя Николы не принесло новой славы компании Эдисона, зато его собственная слава однажды явилась к нему на порог в образе Джорджа Вестингауза.

Дух отца утратил власть над сыном. Железные шипы больше не терзали Николу, отцовские проклятия перестали стучать в его висках. Ужас отступил, и прошлое померкло. Теперь Милутин вспоминался Тесле добрым благородным человеком, который очень старался быть хорошим отцом. И в глубине души сын знал, что так оно и было.

Мать Николы старела и слабела, по-прежнему наотрез отказывалась переезжать в Америку. Джука Тесла черпала силу из земли, по которой привыкла ступать, она не желала умирать на чужбине.

Никола утешался тем, что денег, которые он регулярно посылал домой, вполне хватало, и мать ни в чем не нуждалась. Джука гордилась сыном, и ее поддержка придавала ему сил. Теперь он тверже стоял на земле, не терялся в обществе и не боялся мероприятий, ради которых приходилось облачаться в смокинг. Даже микробы, с детства внушавшие Тесле ужас, пугали его немного меньше. В один прекрасный день он с немалым облегчением понял, что, слегка ослабив над собой контроль, он по-прежнему справляется со своими обязанностями, везде поспевает вовремя и безошибочно подбирает подходящую к случаю пару носков.

Впрочем, копаться в себе было некогда. Все время, свободное от придумывания, создания и испытания новых приборов, уходило на ланчи, ужины и приемы, на которых собирался цвет нью-йоркского общества. Успехи Теслы привлекали внимание деловых людей, издали чуявших прибыльные начинания.

Переменного тока все еще побаивались, но было очевидно, что он покоряет человечество с той же неизбежностью, с какой за

вспышкой молнии следует раскат грома. Финансовые воротилы не могли устоять перед мощью миллионов генераторов, произведенных компанией Вестингауза по чертежам Теслы и установленных на сотнях предприятий, суливших баснословную прибыль.

Воротилы не ошиблись: через несколько месяцев после покупки патентов Теслы Вестингауз начал выпуск множества новых приборов, обещая в скором времени наводнить ими рынок. Немногочисленных скептиков должно было переубедить уведомление на всех основных языках: «Энергия вращающихся магнитных полей может быть использована для приведения в действие любой машины. Абсолютно любой».

* * *

Спустя год после покупки патентов Николы Теслы Джордж Вестингауз назначил изобретателю встречу в роскошном, самолично выбранном ресторане. Фабрикант надеялся, что шикарная обстановка немного смягчит удар, который он собирался нанести своему компаньону и другу. Впрочем, теперь, когда Вестингауз ждал Теслу за столиком на двоих, собственный выбор уже казался ему совершенно нелепым. О чем он, во имя всего святого, думал? Решил, что человек, которого он собрался пустить по миру, простит его, отведав изысканных закусок? Тесла еще не пришел, а он уже ведет себя глупо и неловко. Да еще этот шерстяной костюм, слишком теплый для такой духоты. Целый день он вполне годился и вдруг превратился в пропитанную потом власяницу.

Вестингауз огляделся по сторонам. Народу вроде бы немного, отчего же так душно? Один из посетителей разжег от камина трубку, наполнив зал густым вишневым ароматом. Фабриканту захотелось заорать во весь голос: «Как можно курить такую дрянь?! Неужели ты не понимаешь, что тебя встречают по запаху твоего табака?!»

Вестингаузу вдруг показалось, что его легкие сделались малы для такого тучного тела. Его медвежьей груди требовалось много воздуха, а легкие будто сжимались с каждым вздохом.

Сердце стягивали тугие ремни. Как взаправду, пропади они пропадом! Охватывали кусок трепещущей плоти все тесней и тесней.

Фабриканта терзали мысли о предстоящем разговоре. Обуревавшие его чувства были столь сильны и противоречивы, что он и сам не брался сказать, что ощущает в данный момент

или что должен ощущать. Стыд? Но что постыдного в том, чтобы вложить прибыль от патентов в дело? Бизнесу положено развиваться, иначе он зачахнет. Что же поделать, если банкирам взбрело в голову закрыть ему кредит? Теперь придется продавать компанию и заодно решать судьбу рабочих и их семей.

Конечно, он мог заартачиться. Мог набраться храбрости, разогнать кредиторов и попытаться заново собрать ликвидный капитал. Он мог бросить вызов недругам и спасти свою компанию. Но поступить так означало рискнуть не только собственной репутацией, но и благополучием своих работников, их жен и детей. Пойти на поводу у своей совести и выплатить Тесле причитающиеся гонорары означало рискнуть всем и с огромной долей вероятности все потерять. Не говоря уж о том, что в случае банкротства изобретатель все равно ничего не получит.

— Чертов бизнес! — пробормотал Вестингауз, запивая вином второй кусок хлеба с маслом. — Проклятый бизнес, — добавил он, вытирая губы салфеткой. — Пропади оно пропадом!

В глубине души фабрикант чувствовал, что ему грех жаловаться на жизнь, но сегодня эта мысль не приносила ни малейшего утешения. Джордж Вестингауз убедился, что судьба ему благоволит, не тогда, когда двадцатилетним мальчишкой придумал воздушный тормоз для поездов. И не тогда, когда получил патент на изобретение, принесшее ему мировую славу, а тогда, когда чудом выжил в страшном крушении на железной дороге. Та катастрофа и натолкнула его на мысль о новом тормозе.

Вестингауз был честным богобоязненным человеком и знал, как ему должно поступить: отдать Тесле все, что тому причитается, а в дальнейшем уповать на высшие силы. Однако с другой стороны, от доброго христианина требовались подвиги исключительно во имя веры; о том, чтобы жертвовать собой ради мужчин, женщин и детей, не имевших права голоса на утомительном часовом совещании с советом директоров, в Писании не было ни слова. Порой приходится выбирать меньшее из зол. Признать собственные ошибки и отделить от них истину. Ибо без вмешательства божественного Провидения корабль Джорджа Вестингауза очень скоро пойдет ко дну, и он в неполные сорок три года останется у разбитого корыта, в то время как приличному человеку подобает удаляться от дел не раньше пятидесяти и скопив внушительный капитал.

Быть верным себе значит помнить о долге. Фабрикант вновь и вновь повторял про себя эти слова. От него зависит слишком много жизней. Что значит дружба по сравнению с такой

ответственностью? И все же угрызения совести не утихали. Что он скажет Тесле, если не может убедить даже самого себя? На душе у Вестингауза скребла целая стая кошек.

Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой.

Это золотое правило хранило его от соблазнов в долгом браке с Маргаритой и помогало честно вести дела. Но теперь оно не годилось.

Почувствовав чье-то присутствие, Вестингауз поднял голову и увидел Николу. Изобретатель стоял у стола с учтивой улыбкой на устах и терпеливо дожидался, пока фабрикант обратит на него внимание. «Вот кто не умеет за себя постоять», — подумал Вестингауз с внезапным раздражением, жестом приглашая компаньона присесть.

Он любил Теслу всей душой, хотя сотрудники лаборатории вечно жаловались, что их заставляют работать сверхурочно. В компании ходила шутка, что инженерам, собравшим столько новых двигателей, надо выяснить, на какой тяге работает двигатель их начальника.

Что и говорить, этот Тесла был странным типом, но фабриканту он нравился. К несчастью, Джордж Вестингауз не родился дипломатом и не умел ходить вокруг да около. Поздоровавшись с компаньоном, он прочистил горло и без обиняков перешел к делу. Разложил все по полочкам, старательно разъяснил, что к чему, полный раскаяния и тайной надежды, что бывший друг не потащит его в суд, который Вестингауз, вполне вероятно, проиграет.

Пытаясь прочесть мысли Николы, он поспешно, с возбуждением поведал о расходах на расширение компании, о том, что они, возможно, поторопились, сделав ставку на переменный ток, о призраке грядущего банкротства, и наконец о том, что ему нечем платить изобретателю гонорары.

Тесла был погружен в собственные раздумья, его взгляд ничего не выражал. Вестингауз гадал, взорвется тот и устроит сцену или молча развернется и уйдет, чтобы немедленно направиться на поиски толкового адвоката. Он попытался представить себя на месте Николы, но тут же решил, что на это место лучше вовсе не попадать.

— Теперь вы все знаете, мистер Тесла. Клянусь, я отдал бы все на свете, чтобы этот разговор никогда не состоялся. Я знаю, вы рассчитывали на обещанные деньги… — Вестингауз умолк. Он не знал, что еще сказать.

Фабрикант никак не ожидал, что Никола бросится ему на помощь.

— Мистер Вестингауз, — начал изобретатель с теплой, ободряющей улыбкой. — Ваше великодушие помогло мне воплотить мечту в жизнь. Я думать не смею о том, чтобы требовать большего, тем более если это усложнит ваше положение.

С этими словами Тесла достал из кармана аккуратно сложенный лист бумаги и развернул его. Вестингауз узнал экземпляр их старого договора и похолодел от страха. Никола откуда-то узнал, зачем его позвали, и подготовился к разговору. У фабриканта засосало под ложечкой. Неужели он так ошибся в этом человеке?!

— Вот наш договор, сэр, — объявил Никола.

Вестингауз едва не упал замертво, глядя, как Тесла медленно рвет листок на две половины, потом еще на две. Фабрикант смог только простонать:

— Что вы делаете? Зачем?!

Партнер еще раз порвал листок и бросил клочки на стол.

— Мы, люди будущего, должны стоять друг за друга, — произнес Тесла спокойно. — Поступать бесчестно ниже нашего достоинства. Вы со мной согласны?

Что ж, для Джорджа Вестингауза долг и честь не были пустыми словами, Тесла же и вовсе верил во все, что наговорил. Он произнес свой монолог спокойно, мягко, без излишней аффектации, не оставляя собеседнику ни тени сомнения в своей искренности. Теперь изобретатель смотрел фабриканту прямо в глаза, улыбался и ждал ответа.

Вестингауз медленно поднялся из-за стола. Ноги у него были будто ватные. Не спеша смахнуть набежавшие на глаза слезы, он сжал руку Николы:

— Я никогда этого не забуду.

Никола поднял бокал.

— А я уже забыл.

Усевшись на место, Вестингауз заговорил медленно, взвешивая каждое слово:

— Что ж, в моей компании всегда найдется для вас место. Я стану платить вам двадцать четыре тысячи в год. Столько получают мои управляющие. Вы будете кататься как сыр в масле и заниматься своими исследованиями в свободное от работы время.

Никола покачал головой:

— Я вам очень признателен, но теперь, когда наши общие дела в Филадельфии закончены, мне лучше вернуться в Нью-Йорк. — Он коротко рассмеялся. — Благодаря вам мои изобретения вот-вот станут известны по всей стране, а то и — как

знать! — по всему миру, а значит, я смогу открыть новую лабораторию и посвятить себя экспериментам, которые давно задумал. — С губ Теслы вновь сорвался торжествующий смех. Он прикусил губу, тряхнул головой. — Впереди столько работы. — Никола вдруг замолчал и весь сжался, но уже через мгновение вернулся в прежнее безмятежное расположение духа.

Разговор был окончен. Уже на улице Вестингауз вновь протянул Николе руку. Тесла уклонился от рукопожатия, учтиво поклонился, развернулся и побрел по тротуару, ища глазами свободный кэб.

Вестингауз уселся в свой элегантный экипаж и отправился домой, страдая от изжоги и недоумения. Что это было? Он ожидал любого поворота событий, но не такого. Фабрикант недаром так долго держал произошедшее в тайне от бывшего компаньона. Слишком высоки были ставки. И каково?! Мистер Тесла ничуть не удивился, более того, прихватил с собой экземпляр договора.

Казалось бы, Вестингауза уже ничем не удивишь, но нет: Тесла не воспользовался документом, чтобы напомнить компаньону о его обязательствах. Отнюдь! Он порвал договор и бросил клочки на стол. Фабрикант ждал упреков, а получил заверения в дружбе и самые искренние слова благодарности. Никола был признателен Вестингаузу, что тот помог ему заработать, и нисколько не жалел о потерянных деньгах. Будущее изобретателя не страшило: он ни на миг не усомнился в том, что сумеет начать все сначала. Хорошее жалованье и безбедное существование не значили для Теслы ровным счетом ничего.

Вестингауз не знал что и думать. С ним ни разу в жизни не случалось ничего подобного. Как можно оставаться спокойным, когда речь идет о подобных суммах? Уму непостижимо!

Экипаж подпрыгнул на ухабе, и Вестингауз согнулся пополам от боли. Он давно перестал обманывать себя: никакая эта не изжога. Стыд и разочарование — вот что грызло его изнутри.

Фабрикант не хотел злиться на Теслу, но в груди его против воли поднималась ярость. Он с трудом подавлял желание растоптать этого человека, бедного иностранца, моложе его на десять лет, причину и единственного свидетеля своего унижения.

В душе Вестингауза разгоралось пламя. Нет, он вовсе не планировал задушить Теслу или перерезать ему горло, но не стал бы осуждать того, кто решился бы это сделать. Вестингауз знал, что гнев умаляет достоинство и ослабляет дух, но ничего не мог с собой поделать. Только затаиться и все как следует обдумать… Попытаться обдумать… Но для этого требовалось время. Пока фабриканту было слишком стыдно, чтобы сосредоточиться на

чем-либо другом.

Глава двадцать шестая Лаборатория на Пятой улице Нью-Йорк

Никола добрался из Филадельфии в Нью-Йорк на поезде, предаваясь в пути приятным воспоминаниям о дружеском прощании с Вестингаузом. Этот человек сделал для него слишком много: открыл миру его переменный ток, помог сделать первый шаг, дал силы, чтобы побороть проклятие. Ну как тут не быть благодарным?

Теперь Тесла отлично понимал филантропов. Что за удивительная вещь восторг дарения! На радостях Никола решил непременно посвятить себя благородному делу помощи достойным людям. Как подобает признанному изобретателю, ставшему миллионером в тридцать три года.

Никола как никогда страстно жаждал появления Карины. Глядя на мелькавший за окном пейзаж, он чувствовал в душе мучительную пустоту и думал, что ее удалось бы заполнить, если бы Карина была настоящей и могла разделить с ним его радость.

В пути Теслу охватило чарующее ощущение, будто в его жизни вот-вот воцарятся мир и гармония. Об этом свидетельствовало письмо из дома, полученное накануне отъезда из Филадельфии. Каждая строка дышала материнской любовью, но так было и прежде, когда обстоятельства, сложившееся в реальном мире, еще не позволяли ему по-настоящему заботиться о Джуке, скрашивая ее старость. Теперь матери жилось легко и свободно, и она всей душой радовалась за сына.

Теперь ему было бы что ответить на обвинения отца. Николу подхватила высокая волна тепла и радости. Пришлось напрячь мышцы, чтобы не смущать своим видом остальных пассажиров.

Дела в манхэттенской лаборатории пошли по-старому, как до отъезда изобретателя в Филадельфию. Тесла с головой погрузился в работу. В жизни определенно началась светлая полоса, которую омрачала лишь тоска по Карине.

Николе ни разу не приходило в голову превратить одно из многочисленных светских знакомств в настоящую дружбу. Отправляя вместо себя автомат, он забирался в удобное кресло-качалку и наблюдал, как дружат, любят и страдают другие.

Случайные прохожие, мать, позабывшая обо всем на свете, склонившись над ребенком, влюбленные, которые держатся за руки и тихонько смеются им одним понятной шутке. Тесла знал, что из таких мгновений обыкновенно состоит человеческая жизнь, и понимал, что не нуждается ни в ком, кроме Карины.

Существование на грани реальности и видений отвращало Николу от других людей. Он был избран. Не зря же эти сущности являлись именно ему, неказистому младшему сыну, на плечи которого легла обязанность исполнить то, что не успел совершить так много обещавший и так рано умерший Дане. Тесла знал о своем предназначении и никогда его не оспаривал.

И вовсе об этом не жалел. Теперь он мог позволить себе построить гигантские генераторы, чтобы экспериментировать с широким диапазоном частот, раскрывая секреты каждой из них. В чудесном мире чистой науки не было ни одиночества, ни усталости; ничего, кроме спектра электромагнитной энергии с его ослепительной чарующей красотой.

В новой жизни не было места страхам. Тесла редко вспоминал об отцовских пророчествах и о том, что его муза может оказаться злобным демоном. Он скучал по Карине.

Чтобы передохнуть от работы, Никола считал в уме. На прогулке он подсчитывал собственные шаги, а потом проверял, можно ли пройти то же расстояние, сделав в три раза меньше шагов, чем обычно.

В ресторане он определял объем каждого кусочка пищи и глотка воды с точностью до миллиграмма, ограничивая себя величинами, кратными трем. Эта головоломка требовала предельного внимания: стоило немного отвлечься, и приходилось начинать все сначала.

Пресытившись подобными забавами, он придумал заранее высчитывать число слов, необходимых для ответа на любой вопрос, причем это число, само собой, должно было быть кратно трем.

Но ни одной игре было не по силам справиться с излишками энергии, бурлящей на границе миров. Тесле довольно было мельком бросить взгляд на гладкую переливающуюся поверхность вроде жемчужины, чтобы от хоровода видений зарябило в глазах. От мелких рисунков глаза чесались и слезились. Свет, упавший на чьи-нибудь волосы, открывал целый лабиринт перепутанных узоров без начала и конца.

Однако хуже всего было то, что неиспользованная энергия влекла за собой непрошенные знания. Почти фотографическая память Николы была забита свежими научными статьями о бактериях, инфекциях и болезнях. А учитывая повсеместное пренебрежение гигиеной, общение с людьми означало обмен микробами. Тесла взял за правило носить с собой салфетки, чтобы протирать ножи и вилки в ресторане, и старался ни при каких обстоятельствах не пожимать ничьих рук.

Несмотря на страсть и тоску, Тесла не поддавался искушению

призвать Карину, ведь с тех пор как она исчезла, все пошло на лад. Как бы ни противился Никола посмертной воле отца, загадочная муза все еще внушала ему страх.

Со временем изобретатель стал все дольше задерживаться в кресле-качалке, предоставляя телу-автомату управляться в реальности. В его внутренней, умственной лаборатории происходило столько интересных вещей, что он не желал отвлекаться ни на мысли о Карине, ни на чужую нежность.

И все же Тесла знал: такому, как он, не суждено быть ни с кем, кроме Карины. Повсеместное признание означало не только успех и свободу, но и новую меру ответственности. Чрезмерная эксцентричность могла отпугнуть публику: один неверный шаг, и его ославили бы безумцем.

Вот почему Никола предпочитал держаться на глубине, как говорят американцы. Любовь к работе заменяла ему все прочие чувства, а женская красота восхищала без вожделения. Спасение от рутины и светской тоски таилось в комнатке с креслом-качалкой, а тело-автомат неплохо справлялось с ролью любезного и немного экстравагантного европейца.

В редких случаях, когда реальность требовала присутствия Теслы целиком, он чувствовал себя так, будто заснул среди ночи, а проснулся в разгар рабочего дня. Возвращаясь к действительности, Никола всякий раз удивлялся, отчего у него не взрывается мозг, и тут же вспоминал, что в реальном мире ничего нового не произошло.

* * *

В один прекрасный день Тесла сумел выделить немного свободной энергии, чтобы подать прошение о предоставлении американского гражданства. Бумажная волокита требовала недюжинного терпения, по слова клятвы так тронули Николу, что он решил в порядке исключения приносить присягу в полном сознании.

На этот раз пребывание в мире людей чересчур затянулось. На вечеринке в свою честь, чтобы отвязаться от одного изнеженного денди, ему пришлось пуститься в рассуждения о сходстве молнии и голых зимних ветвей. Завести такой разговор на светском приеме означало сделать именно то, против чего его в свое время предостерегал профессор Пешль.

— Разница во времени, понимаете? В обоих случаях энергия течет вдоль намеченных линий, только проходит их с разной скоростью. — Его собеседник наверняка согласится, что

древесный сок обладает такой же живительной силой, что и разряд электричества, только действует значительно медленнее. Другими словами, речь идет о сходных процессах, один из которых чрезвычайно растянут во времени. Разве не очевидно, что этот «чрезвычайно растянутый во времени процесс» не что иное, как принцип действия обыкновенного электрического конденсатора?..

Юный денди тоскливо закатил глаза, а у Николы упала гора с плеч. Теперь можно было спокойно возвращаться в кресло-качалку.

Однако не успел изобретатель перевести дух, как кто-то мертвой хваткой вцепился в его плечо повыше локтя. Обернувшись, он увидел Флору, очаровательную хозяйку дома, чья медовая улыбка никак не вязалась с твердой рукой.

— Ага! — лукаво промурлыкала молодая леди. — А я уже боялась, что мой черед никогда не наступит. — Игриво проведя пальцем по узлу его галстука, она ловко развернула почетного гостя к стене, чтобы ненадолго скрыться от любопытных глаз. — Я должна вам сказать, Никола, мое сердце едва не выскочило из груди, когда я увидела, что Эрик не вызвал у вас никакого… скажем… интереса. Я все понимаю. Для меня это было бы ударом! — заключила она патетически.

Тесла-автомат вежливо улыбнулся и немного поболтал с хозяйкой, пока не представилась возможность отойти прочь, не нарушив приличий. Застигнутый врасплох изобретатель оказался беззащитным перед атакой Флоры. Его нервы были оголены, чувства пришли в беспорядок. Николе казалось, будто на него набросили душное шерстяное одеяло во много раз тяжелее его веса.

Флора не приближалась к Тесле вплотную, но он так явственно чувствовал ее кисловатое дыхание, словно их губы слились в страстном поцелуе. Женщина заполонила все его обострившиеся чувства. Она наполняла его ноздри, гортань, мозг. Он ощущал ее кожей, кончиками пальцев. Обонял целую симфонию разноречивых запахов. Сквозь аромат мыла и пудры уже пробивался терпкий смрад подмышек. Чисто вымытые волосы Флоры были затянуты в узел на затылке, и Никола невольно проникся к хозяйке дома благодарностью за то, что она выбрала такую простую прическу без всяких завитков и лабиринтов. Шея женщины пахла ванильным тестом. Ее окружала аура здоровья, жизнелюбия и плодовитости.

Флора до боли вцепилась Тесле в плечо. На что же она рассчитывала теперь, в полном гостей зале? С этой женщиной все было неясно, кроме исходящего от нее запаха тревоги. Флора

была не просто богатой наследницей, но сказочно богатой. Чего она хотела от мужчины, привыкшего прятаться от мира под собственной черепной коробкой?

Остальные гости смотрели на изобретателя с истинно американским бесстыдным обожанием. Скрытую за улыбками зависть и злобу можно было и не заметить, если не подходить слишком близко. Здешняя публика существенно отличалась от прочих поклонников великого человека: для нее репутация определялась величиной дохода и ценой костюма. В последнее время Никола все чаще встречал таких людей, даже среди своих сверстников. В их глазах ему мерещились пустые темные коридоры, угрожавшие затянуть в себя любого, кто осмелится подойти ближе. Тесла отчаянно стыдился таких мыслей и радовался, что их нельзя прочесть.

Затерянный среди чужаков, он все сильнее жаждал увидеть Карину, все больше нуждался в силе, которой она с ним делилась. Вспоминая о своей музе, изобретатель будто чувствовал ее тепло, столь не схожее с владевшим его сердцем холодом. Тепло проникало в него, разливалось по телу, прогоняло стужу из дальних уголков души. Никола даже знал, какого оно цвета: темно-красного. Он уже давно не чувствовал ничего подобного. Теперь от былого осталось лишь воспоминание.

Реальность хлынула в сознание Николы, будто сточные воды. Будто пьяница, в последний момент отставивший бутылку, он нашел в себе силы перестать думать о Карине. Еще немного, и от его решимости не осталось бы и следа.

Никола сжал мускулы и зажмурился, избавляясь от видений, и попытался сосредоточиться на происходящем вокруг.

Невидимые линии, соединявшие три настенных светильника, образовывали равносторонний треугольник с Теслой в центре. Никола принялся разыскивать по всей комнате другие треугольники. Это занятие должно было привязать его к действительности.

Оказалось, что между действительностью и миром видений можно нащупать золотую середину. Автомат отлично справился со светскими беседами, а Никола занял место в любимом кресле.

Глава двадцать седьмая Месяц спустя Сербская провинция Лика

Телеграмма из дома моментально выдернулся Теслу из мира грез. Отныне промедление сделалось его главным врагом.

Путешествие в Европу показалось Тесле мучительно долгим. Мать была при смерти, а он ничем не мог ей помочь.

Никола мог позволить себе путешествовать первым классом, но все прелести купленного за деньги комфорта не могли заглушить его страх. Время тянулось невыносимо медленно. Тело-автомат вечно торчало на палубе, не обращая внимания на погоду. Роскошной кают-компании Тесла избегал. Урчание парового котла в корабельном брюхе уносило его мысли очень далеко…

«Если звезд не видно, корабль следует за стрелкой компаса, который в свою очередь заряжается от магнитного поля Земли. У магнитного поля есть проводящие энергию полюса, положительный и отрицательный. Один скрывается в недрах нашей планеты, другой располагается наверху, где-то в ионосфере. Следовательно, Землю вместе с атмосферой можно рассматривать как гигантский электрический прибор…»

И Тесла тут же принялся рассчитывать массу этого прибора.

«Если судить по составу коры, главный элемент земного ядра, вероятнее всего, железо. Расплавленное железо, учитывая царящую там температуру… А коль скоро гигантское магнитное поле по своим свойствам не отличается от тех, что можно создать в лаборатории, у него должна быть определенная частота или несколько частот, генерирующих гармонические колебания Земли, подобные музыкальным долям.

Если продолжать эту аналогию, нельзя ли создать устройство, вызывающее определенные колебания земной коры? Эти дополнительные колебания станут выделяться на фоне естественных земных вибраций, распространяясь по всей планете; с их помощью электричество можно будет передавать куда угодно без проводов…»

И так далее и тому подобное. Тесла не возвращался к реальности, пока не добрался до родительского дома.

Здесь по-прежнему царили простота и сердечность. Едва переступив порог и вдохнув почти забытые запахи, Тесла вновь почувствовал себя маленьким мальчиком. Следуя за сиделкой в материнскую спальню, он с болью в сердце вспоминал о том, как много лет назад точно так же спешил домой, чтобы успеть к

постели умирающего отца.

Джука Тесла едва могла говорить, но взгляд ее остался ясным и пронзительным, а рука, которой она сжала ладонь сына, твердой. Не говоря ни слова, она благодарила сына, радовалась его приходу, благословляла его. В комнате кто-то заплакал, но Никола не обернулся, боясь хоть на миг отпустить взгляд Джуки, полный такой нежности, с какой только мать может смотреть на своего ребенка. Как в детстве, когда она приходила подоткнуть ему одеяло. Она отходила с миром, завещая сыну всю свою любовь.

— Ты пришел, Никола, — наконец прошептала Джука. — Я горжусь тобой.

То были ее последние слова.

* * *

Никола отстоял заупокойную службу, исполнил все положенные ритуалы и надолго задержался у свежей могилы, когда остальные разошлись. Хотел помолиться, но слова не шли на язык. Так он и стоял у могильного холма в полном молчании, размышляя о том, что было бы, если бы Джука Тесла не защитила своего диковатого мальчугана от подстерегавших его демонов, не дала бы ему любовь и заботу, чтобы он мог вырасти и найти в себе силы встретиться с ними лицом к лицу.

Никола пробыл на кладбище до вечера. В сумерках на землю опустился серебристый влажный туман. Ответ, которого он ждал, пришел в свое время. Никола заставил измученное тело-автомат сделать еще один шаг и растворился в тумане.

* * *

Вернувшись в Америку, Тесла перепоручил автомату скучные дела, связанные с текущими заказами, патентами, деловыми переговорами и благоустройством лаборатории. Финансы компании требовали тщательных подсчетов. Деньги текли, словно вода, но за отливом неизбежно следовал прилив. Новых доходов вполне хватало, чтобы оплачивать текущие расходы.

Изобретатель охотно выступал с публичными лекциями о вещах, которые мало кто понимал и в которые мало кто мог поверить, а демонстрируя скачок напряжения в электрической сети, не раз доводил публику до панического бегства, когда не подключенная к проводам лампочка сама собой зажигалась в его

руке. Добропорядочные и богобоязненные обыватели в ужасе бросались к выходу, но не потому, что были глупы и невежественны, а исключительно из-за того, что ни один человек в те времена не мог представить себе ничего подобного. Изобретение Теслы казалось им дьявольским наваждением, кошмарным недоразумением, которому нет места в нашем мире.

Иногда, провожая взглядом в страхе разбегавшихся зрителей, Никола чувствовал к ним необъяснимую нежность и всей душой жалел, что напугал. В иные дни они напоминали ему крыс, спешащих покинуть обреченный корабль. Но даже в такие минуты он продолжал их любить и желал им спасения, если случится настоящее бедствие.

Когда у Теслы не было времени выступать перед публикой, он отправлял вместо себя автомат, и тот справлялся с ролью докладчика так легко и непринужденно, что каждая лекция изобретателя становилась большим событием. Слава его росла, а с ней росло и состояние.

Начало девяностых годов выдалось таким гладким, что Никола почти не заглядывал в реальный мир, предпочитая, покачиваясь в любимом кресле, размышлять о сходстве энергии солнечного света и электрического генератора. Настоящая работа протекала не в лаборатории, а в комнате с окнами-глазницами, где никто не мог застичь изобретателя врасплох.

* * *

Нью-йоркское общество не любило узнавать новости из газет, предпочитая свежие сплетни. Научных журналов, как водится в любую эпоху, почти никто не читал.

Почти никто — за исключением тех, у кого были власть и деньги. Контракт манхэттенской лаборатории Теслы с «Вестингауз электрик» не остался незамеченным. Как и создание системы освещения на переменном токе для «Колумбовой выставки» на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 году. То был отличный шанс раз и навсегда прекратить разговоры о чрезмерной опасности нового тока. Впечатляющий успех изобретателя дал новый толчок «войне токов», как журналисты окрестили вражду Теслы и Эдисона.

Томас Эдисон приходил в отчаяние, наблюдая за успехами иностранного выскочки. Не в меру одаренный сын сербского священника не унаследовал отцовского благочестия, но при этом умел не хуже любого попа произносить проникновенные проповеди, попутно облегчая карманы честной публики.

В публичных выступлениях Теслы несомненно заключалось нечто большее, чем в обыкновенных лекциях или представлениях фокусника. То, что он предлагал зрителем, существовало за гранью научной логики и не исчерпывалось набором артистических приемов. Никола творил чудеса. Веселые, восхитительные чудеса. Он осыпал свою публику головокружительным фейерверком, каждой искрой которого можно было осветить целый город.

Устройств для потешных опытов в лаборатории Теслы скопилось едва ли не больше, чем полезных приборов. С их помощью хозяин лаборатории не только потчевал гостей любопытным зрелищем, но и заставлял их заглянуть в будущее.

Нехитрая магия публичных опытов приводила зрителей в экстаз: в зале, где не было ни камина, ни свечей, ни фонарей, вдруг становилось светло как днем. Гости немели от восторга, впервые в жизни увидев разноцветные электрические лампочки причудливой формы. Их свет был столь ярок, что делалось больно глазам, привыкшим смотреть только на солнце.

Никола отлично высыпался за два-три часа и почти не тратил драгоценного времени на ночной отдых. Порой ему удавалось проработать двое суток подряд не смыкая глаз.

Теперь, когда родители покоились в могиле, а у сестер были свои семьи и своя жизнь, Тесле предстояло обрести новую цель. Отныне он видел свое предназначение в том, чтобы воплотить в реальность посланные Кариной видения. Таким должен был стать его вклад в будущее, весомый и зримый, как сама реальность.

* * *

Колумбова выставка в Чикаго обернулась триумфом Теслы и Вестингауза. Никола купался в лучах всеобщего обожания, согревавших его усталое тело. Отчаявшись успеть все, что от него требовалось, он высылал навстречу публики автомат, а сам мысленно уединялся в своей лаборатории, старательно воссозданной в воображении.

Работа захватила Теслу с головой. Вокруг шумела и сверкала выставка, а он рассеянно бродил по павильону, в который раз продумывая детали будущего эксперимента. Ученому предстояло со всей возможной достоверностью установить, что порождает гравитацию: масса самой планеты или накопленное вокруг нее магнитное поле вкупе с притяжением противоположных полюсов. Во втором случае можно было считать доказанным существование отдельной силы гравитации.

Если же земное притяжение изначально присуще самой Земле, на него можно влиять при помощи магнитных полей, а то и вовсе отключить.

Превратить гравитацию в левитацию.

Следующим шагом могло бы стать создание двигателя, способного преодолеть притяжение Земли. Тогда можно будет построить аппараты, способные добраться до любой точки на карте или даже отправиться на другую планету.

* * *

Поздним вечером накануне последнего ярмарочного дня Никола отправился прогуляться. Сверкающие огнями павильоны не отвлекали его от мысленного поединка с земным притяжением. С ним у Теслы были старые счеты.

Погруженный в размышления, Никола и сам не заметил, как набрел на Томаса Эдисона, окруженного стайкой репортеров. Один из них узнал изобретателя, окликнул и поинтересовался, не затем ли тот придумал свой переменный ток, чтобы низвергнуть великого Эдисона? Приятели наглеца заухмылялись, оценив его смелость.

Никола ничего не слышал и спокойно прошел мимо, не заметив, как побагровела от ярости мировая знаменитость. Изобретателя волновали совсем другие вещи.

В тот вечер в лице Теслы было нечто такое, что ни один из репортеров не решился догнать его или окликнуть еще раз. Ученого оставили в покое.

Глядя Николе в спину, журналисты переминались с ноги на ногу и смущенно покашливали. Когда Тесла скрылся из вида, все как один повернулись к Эдисону посмотреть, как Чародей из Менло-парка переживет неслыханное оскорбление.

Сенсации не случилось. Томас Алва Эдисон умел держаться с достоинством и в унижении. А еще он умел ждать. Когда растешь в семье, где каждому приему пищи предшествует столь долгая молитва, что еда может остыть — еще одно доказательство религиозного рвения, — поневоле научишься терпению.

* * *

На подготовку достойного ответа ушел почти год. Когда великий день настал, Эдисон почувствовал себя на десять лет моложе и на двадцать фунтов легче. Воодушевленный и полный

решимости, он бросился — или, точнее сказать, быстрым шагом направился — в контору Дж. П. Моргана и швырнул — то есть аккуратно положил — перед ним на стол экземпляр «Уорлд» от 22 июля 1894 года. Затем он форменным образом наорал — то есть обратился на слегка повышенных тонах — на самого Моргана, хлебавшего из миски наваристый суп.

Миллиардер крошил в миску белый хлеб. О том, что в действительности скрывается за этой неспешной трапезой, догадывались немногие.

Подождав, пока на него обратят внимание, Эдисон ткнул пальцем в журнальную заметку.

— Это воскресный выпуск! Прочтите то, что обведено кружком. Всего один абзац. — Не дождавшись реакции, он схватил журнал и прочел вслух: — «Гигантские генераторы на Ниагарском водопаде еще не были построены, а доктор Тесла уже уверял журналистов, что любой находящийся в добром здравии американец имеет немало шансов дожить до повсеместного распространения переменного тока». По-все-мест-но-го! — патетически произнес Эдисон и замолчал, выдерживая паузу. Он ждал, когда Морган прожует.

Морган посмотрел на посетителя, кивнул и отломил от багета очередной кусок. Суп он зачерпывал аккуратными круговыми движениями. Эдисон решил не отвлекаться на эти европейские штучки и продолжать как ни в чем не бывало.

— Видите? — настаивал он. — Видите, что бывает, если позволить сумасшедшему безбожнику, который разговаривает с облаками, взять хотя бы небольшую власть?

Морган покосился на изобретателя.

— И что же? Что, собственно говоря, бывает? — Он потер подбородок, изображая глубокую задумчивость. — Оказывается, можно покорить мощь Ниагарского водопада, не разрушив его красоты. Зажечь миллион новых лампочек, изрядная часть которых продана вами и принесла вам прибыль. Так?

— Людей!.. — заорал Эдисон. Спохватившись, он прочистил горло, взял себя в руки и заговорил спокойно. — Людей и близко нельзя подпускать к такой страшной силище. Большинство людей. Говорю вам, мистер Морган, этот переменный ток убьет уйму народу! Он слишком мощный! Люди будут постоянно прикасаться к этим чертовым проводам в таких ситуациях, каких мы с вами даже вообразить не сможем, и каждое прикосновение станет смертельным!

Морган спросил с набитым ртом, не поднимая глаз от миски:

— Разве постоянный ток не может убить?

Эдисон растерянно умолк, вздохнул…

— Нет, сэр. У моих приборов для этого недостаточно напряжения. Их можно трогать сколько угодно, они абсолютно безопасны!

Морган позволил себе вежливо выразить нетерпение. Аудиенция начала его утомлять. Голос финансиста звучал едва слышно, словно у него совершенно не осталось сил поддерживать разговор:

— Для вашего безопасного тока требуется по станции на каждые полмили. Итого шесть тысяч, чтобы протянуть один-единственный кабель от побережья до побережья.

У изобретателя упало сердце. Сейчас Морган позовет мажордома и велит проводить гостя. Оставалось только выложить козырную карту. Эдисон рисковал собственной репутацией, но выбора не было.

— Еще окончание статьи, мистер Морган. Я его не отметил, но, возможно… возможно… вам стоит его прочесть!

Морган хранил молчание.

— Вы должны прочесть его, это в ваших интересах! — не унимался Эдисон. Финансист и ухом не повел. Изобретатель продолжал: — Тесла во всеуслышание заявил, что собирается вовсе отказаться от кабеля. Отказаться от кабеля! Вы слышите? Никакого кабеля! Он говорит, что кабель не нужен! — Эдисон наклонился к Моргану и понизил голос: — Речь идет о сотнях миль медного кабеля, в производство которого вы уже вложили деньги, кабеля, которым вы могли бы опутать всю страну. По мнению нашего Теслы, провода уродуют пейзаж. Значит, от них надо избавиться. А почему бы и нет? Ему-то что, он же у нас человек будущего!

У Босса осталась последняя попытка, и он решил идти до конца.

— Человеку будущего неинтересно, сколько стоит медный кабель и какой это адский труд — протянуть его по всей стране.

Последние слова Эдисон произнес в сторону, не глядя на Моргана. Немного помедлив, он повернулся к собеседнику и возобновил атаку:

— Он хочет войти в историю, остальное его не волнует.

Изобретатель готов был орать во весь голос, плясать, кувыркаться, трясти миллиардера за плечи. «Посмотри на меня! Посмотри же, черт возьми, на того, с кем разговариваешь! Ага, наконец-то! Слава богу! Что, приятель, весело терять свои деньги? Давай, посмейся над собой!»

Томас Алва Эдисон был слишком умен, чтобы произнести это вслух. Когда Дж. П. Морган наконец соизволил оторвать свой багровый нос от тарелки, он не прочел в лице изобретателя ни

гнева, ни обиды. Он всего лишь говорил правду. Тем приятнее было недоучке и деревенщине увидеть, как глаза вечно невозмутимого финансиста наливаются бешенством. Эдисон не ожидал, что мучить старика будет так приятно. Что и говорить: в том, чтобы толкнуть падающего, есть некое неизъяснимое удовольствие.

«Посмейтесь, мистер Морган! Вообразите бесконечные мили медной проволоки от „Морган идиотик“! А потом велите подать себе еще супа».

Глава двадцать восьмая 1895 Обеденный зал отеля на Манхэттене

— Мистер Тесла? — осведомился высокий человек с седой шевелюрой и моржовыми усами. — Ага! — продолжал незнакомец. — В газетах вас рисуют очень похоже.

Он говорил как коренной американец. Пока Никола пытался определить по акценту, из каких мест происходит бойкий джентльмен, тот оказался у его столика и доверительно сообщил:

— Как я понял из вашего письма, вы имеете обыкновение ужинать здесь…

— Прошу про… — Реальный мир опрокинулся на Николу всей своей тяжестью, будто толстая книга, соскользнувшая на пол с края стола. Он вскочил. — Сэмюэл Клеменс! Вы ведь Сэмюэл Клеменс, верно? — Тесла сиял от радости. — Марк Твен!

— К вашим услугам! — Твен положил руку на спинку свободного стула. — Вы позволите? — Никола еще не успел ответить, а тот уже пододвинул себе стул.

— Конечно! Пожалуйста, располагайтесь! Это для меня такая честь! — Вне себя от счастья Тесла принялся загибать пальцы, перечисляя названия книг. — «Том Сойер», «Гекльберри Финн», — что за имя, подумать только! — «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура»… Сэр, ваша сатира на коронованных особ так правдива, так…

— Однако… — Твен поднял руку, прерывая собеседника. — Однако и мне приходилось немало читать о вашей работе, сэр, — заключил он, раскуривая сигару. — И мне сразу захотелось познакомиться с видным ученым, который, не стыдясь, признается, что любит читать романы.

— О да! — радостно подтвердил Никола. И простодушно добавил: — Таков мой способ хотя бы некоторое время ни о чем не думать.

— Понимаю.

Никола с энтузиазмом продолжал:

— В прошлом году мне пришлось съездить домой: мать была при смерти. В дороге ваши книги отвлекали меня от мрачных мыслей.

Твен в полном восторге хлопнул себя по колену.

— Вот оно! Все в точности так, как я думал. Я сразу решил, что вы отличный собеседник, и теперь вижу, что не ошибся. Что же касается утешительной силы книг, мне, признаться, не доводилось испытывать ее на себе. А знаете что, идемте ко мне, я

живу недалеко. — Он оглядел зал с притворным недовольством. — У меня припасен отличный коньяк, здесь такого не подают.

Твен поднялся из-за стола и махнул сигарой в сторону дверей.

— К тому же я охоч до лести. Так что хвалите мои книги сколько душе угодно, не стесняйтесь. Я это обожаю.

Никола вскочил с излишней поспешностью, которую писатель из деликатности предпочел не заметить. Марк Твен взял Теслу за локоть и сам потащил его к выходу.

— И постарайтесь, чтобы комплименты получились не слишком однообразными. Вы же изобретатель. Вы справитесь.

* * *

Тесла и Твен расположились на веранде с бокалами в руках. Никола развалился в кресле, писатель смотрел на небо. Оба потеряли счет времени. Между ними на низком столике стоял графин с коньяком.

* * *

Дверь лаборатории на Южной Пятой улице треснула под ударами тяжелых башмаков. Двое мужчин в черном ворвались в темное здание.

* * *

— Скажите, — спросил Никола, — когда вы поняли, что писать книги — ваше призвание?

— Ах, это! В первый же день на речном флоте. — Твен глотнул коньяку и вздохнул. — Сойдя на берег, я повстречал самую очаровательную девушку на свете. И ее тетушку.

— Тетушку?

— Тетушку или матушку, какая разница? Главное — девушка была само совершенство. И она обратила на меня внимание, приметила мою капитанскую фуражку. Эх, знали бы вы, какие словеса я сплетал, какие красочные эпитеты придумывал, чтобы подольститься к старой карге и приблизиться к ее подопечной!

Никола звонко рассмеялся.

— Увы, по предыдущему опыту я знал, что в присутствии

такой красавицы просто потеряю дар речи, так что не стал и пробовать… Только проводил ее взглядом вместе с тетушкой.

— Так это была ее тетушка? Не матушка?

— Она обернулась. А я слишком оробел, чтобы улыбнуться! Представляете? Каков болван! Тогда-то я понял, что мне на роду написано пойти по кривой дорожке. Лгать, красть, — он сделал еще глоток, — писать романы. Воистину богомерзкое занятие. Поразмыслив, я решил сделаться вольным писателем. Вольный писатель что вольный стрелок — служит всем и не принадлежит никому.

— Здорово! Я вас отлично понимаю. Я и сам такой.

* * *

Невидимые руки лили на пол керосин, обливали полки, плескали на стены. Яркая вспышка, и керосиновая лужа взметнулась к потолку оранжево-алым пламенем. А через минуту всю лабораторию объял огонь.

* * *

Никола совсем размяк от выпитого.

— Мистер Твен, ваше творчество полно истинного волшебства. Я всегда это знал.

Твен отсалютовал полной рюмкой.

— Спасибо. Волшебство оказалось бессильно, чтобы спасти жизнь моей дочери, но я вам благодарен. Ненавижу одиночество, зато обожаю тонкую продуманную лесть. Вы, как я вижу, тоже одиноки, но вы ведь сами так решили.

* * *

Все три этажа лаборатории — настоящий дом Николы и родина его свершений в последние шесть лет — вмиг заполыхали. Прожорливое пламя, урча, глотало податливую древесину.

* * *

Никола кивнул.

— Так нужно для работы. Но на самом деле я не одинок. У

меня есть муза. Беда в том, что вслед за ее дарами на меня сыплются всевозможные несчастья, которые губят мой труд. Что-то вроде проклятия. Тут поневоле решишь, что спятил… Поэтому в последнее время я не занимаюсь ничем, кроме работы. Возможно, мое предназначение в том, чтобы жить только работой, без женщины, без детей, без семьи. Как вы считаете?

Твен запрокинул голову и впервые за вечер безудержно, до слез расхохотался. Немного отдышавшись, он проговорил:

— Так-так, мистер Тесла. А вы, очень может быть, отнюдь не так умны, как о вас говорят.

Никола хотел спросить, что это значит, но писатель не был расположен отвечать. Вместо этого он предложил гостю налить себе еще коньяка и сам подал ему пример.

* * *

Когда пожарная команда прибыла на место, лаборатория полыхала сверху донизу, ярко освещая ночное небо. Огнеборцы смогли защитить соседние дома, но отбить у огня контору Теслы оказались не в силах. Вскоре прогоревшая крыша рухнула, похоронив под собой результаты многодневных трудов и превратив бесценные приборы в груду искореженного, оплавленного металла.

* * *

Никола вдруг почувствовал, что пришло время задать любимому писателю Самый Важный Вопрос.

— Мистер Клеменс, когда я впервые прочел вашу книгу, мне показалось, что у вас тоже… — Он помолчал и начал снова: — Мистер Клеменс, как, по-вашему, музы существуют? То есть я хотел спросить, нет ли у вас…

Твен отозвался не сразу:

— Есть ли у меня муза?

— Да! Кто-то, кого можно было бы назвать…

— Музой?

— Ну да.

Твен вздохнул и потер веки:

— Мистер Тесла, любой человек… Нет, лучше сказать, любой наш с вами современник, который умеет читать… О чем это я? Ах да. Любой, кто умеет читать, знает о грандиозном строительстве на Ниагаре и ваших планах использовать энергию водопада.

Какая дерзновенная идея! Не исключено, что вы и вправду сумеете дать всему миру бесплатное электричество. А вы говорите о какой-то музе. Вас часом не интересует, сколько ангелов поместится на полях бабушкиной шляпы?

— Ох нет, что вы, я не имел в виду духов, невидимый мир и тому подобное. Я говорю о цели, об источнике вдохновения. — Никола вдруг страстно зашептал: — Прошу вас, сэр, мне нужно это знать! Я должен знать!

Старый писатель пытливо смотрел на Теслу, делая глоток за глотком. Потом поднял глаза к небу, пригладил усы, затянулся сигарой и медленно произнес:

— Сэр, подобными расспросами вы провоцируете меня дать вам хороший подзатыльник.

Никола уставился на Твена, пытаясь переварить его ответ. Затем взял свой бокал и молча допил коньяк.

* * *

Первые лучи следующего дня застали Фрица Ловенштейна на Южной Пятой улице в обществе лабораторных клерков. Все они с болью и ужасом взирали на покрытые серым пеплом дотлевающие развалины. Ловенштейн утратил дар речи от потрясения. В полной растерянности он повернулся к Джорджу Шерфу, двадцатилетнему пареньку, недавно поступившему в контору. Тот, судя по всему, был подавлен еще сильнее, чем сам Ловенштейн. Оттого Фриц и решил заговорить с парнем, ища у него поддержки, будто у близкого друга.

— Боже Всемогущий! — Голос Ловенштейна дрогнул. — Джордж, здесь было все наше имущество! Мистер Тесла вкладывал в лабораторию каждый заработанный цент!

Шерф пытался бодриться:

— Да, но главное — люди живы. Мы получим страховку, мистер Ловенштейн, и все отстроим заново.

Ловенштейн отвел глаза.

— Так компания была… — начал Шерф.

Ловенштейн опустил голову так низко, что почти коснулся подбородком груди.

Шерф не сдавался.

— Но оборудование, по крайней мере, застраховали? А инструменты? Хотя бы инструменты?

Ловенштейн возопил к небесам:

— Мистер Тесла доверил мне вести дела компании! — Он подскочил к Шерфу и яростно прошептал: — И я всегда был

честен! До последнего цента!

Фриц отвернулся, тряхнул головой и бессильно уронил руки. После долгого молчания он вдруг выпалил Шерфу в лицо:

— Я пренебрегал мелочами. Постоянно. Второстепенными вещами. Мелкими и незначительными. Разными деталями. Будь они прокляты.

— Деталями?! — переспросил Джордж.

Ловенштейн прижал ладонь ко рту и побрел прочь, ни на кого не оглядываясь. На ходу он повторял:

— Я проклят, так и знайте! Проклят Богом!

Джордж Шерф изучал картину пожарища при свете разгоравшегося дня. От лаборатории осталась лишь куча почерневшего щебня да дотлевающие головешки. Взгляд молодого человека застилал туман; когда Ловенштейн затемно ворвался к нему в дом, вопя о том, что в лаборатории случилось нечто ужасное, Джордж поспешил за ним, позабыв захватить очки. Теперь, чтобы оценить масштаб бедствия, ему приходилось щуриться.

Среди руин маячил знакомый долговязый силуэт. Шерф без труда узнал в нем босса, но не решился к нему подойти. Он чувствовал, что теперь его долг быть на месте и видеть все своими глазами.

Шерф достаточно знал Теслу, чтобы понимать: гибель лаборатории — страшная утрата для всего человечества, пускай оно и осознает это очень нескоро. Изобретатель опустился на колени всего в двух ярдах от своего помощника и принялся отчищать от золы останки какого-то прибора. Шерф застыл на месте как вкопанный. При виде безнадежного отчаяния, проступавшего на лице мистера Теслы, у его молодого помощника защемило сердце.

Джордж ни единой минуты не верил в то, что пожар был случайностью. Не верил он и в то, что злоумышленников удастся найти. Да еще эта нелепость со страховкой: словно кто-то знал наперед, что имущество компании ничем не защищено.

Никола поднялся на ноги и побрел прочь, не разбирая дороги. Он потерял нечто большее, чем лабораторию со всем содержимым. Годы без Карины прошли впустую. Творец прогнал свою музу, приняв ее за вестницу беды, но беда все равно случилась. Жертва оказалась напрасной.

«Так мне и надо, трусу!» — подумал Никола. Все это время они могли быть вместе.

В ноздри ударил запах гари, болезненно резкий, как нашатырь. То, что было темным, сделалось прозрачным. Если Карина и вправду насылала бедствия, теперь, когда бедствие

пришло само, он готов был призвать Карину.

Теперь он мог принять ее раз и навсегда, без условий и оговорок, принять, не пытаясь понять. Понимал ли он самого себя? Едва ли, но от этого не переставал себе доверять.

Но существует ли способ вернуть ее? Если бы только она пришла к нему снова, он больше не стал бы выведывать, что за демонические силы за ней стоят. Ни за что.

Уму непостижимо, как он мог всерьез поверить отцовским небылицам! Столько лет не видеть того, что теперь казалось таким простым и ясным.

В легкие Николы проникла терпкая гарь, заставив его согнуться пополам в мучительном приступе кашля. Голова закружилась так сильно, что он перестал различать, где верх, а где низ. Тесла подумал, что если ему суждено умереть прямо сейчас — а то, что с ним творилось, и впрямь походило на смерть, — то последними проблесками его сознания будет владеть Карина. Неважно, кто она такая. Никола не знал, кто такой он сам.

«Но я ведь сам ее прогнал. Закрыл для нее свое сердце». Тесле казалось, что он совершил ужасную ошибку, которой уже не исправить. В этот страшный день, когда погибло дело всей его жизни, а вместе с ним и он сам, Карина оставалась для него последней надеждой на спасение. Она была не проклятием, а талисманом, не насылала беды, но защищала от них. Он пожертвовал своим ангелом-хранителем, и жертва оказалась напрасной.

Никола ходил по кругу и вполголоса разговаривал сам с собой, пытаясь подобрать слова, чтобы позвать ее обратно, но для чувств, затоплявших его сердце, не хватало слов.

На землю упала изящная тень. Тесла поднял глаза и увидел хрупкий женский силуэт в лучах утреннего солнца. Никола уже готов был выкрикнуть заветное имя, но незнакомка подошла ближе, и он понял, что это не Карина. Просто прохожая, которая остановилась поглядеть на сумасшедшего, блуждающего среди развалин.

Обессилев, Тесла рухнул на колени и не двигался с места, пока его снова не накрыла чья-то тень. Джордж Шерф даже без очков увидел достаточно. Опустившись на землю рядом с Николой, он дышал тяжело и прерывисто.

— Мистер Тесла, — мягко произнес помощник. — Это я, Джордж Шерф.

Никола, словно в трансе, перебирал пепел. На его губах застыла безумная улыбка.

— Шерф? Я вас знаю. Славный парень. Настоящий энтузиаст.

Мистер Шерф, мы должны спасти хоть что-нибудь.

— Мистер Тесла…

— Что-нибудь из инструментов. Не могло же все пропасть.

— Сэр, мистер Ловенштейн не посмел показаться вам на глаза. Он совершил ужасную ошибку и не знает, как сообщить вам об этом. С его стороны это огромная глупость, но мне кажется, что он честный человек.

Никола проговорил едва слышно:

— Я в этом не сомневаюсь.

— Порой наши друзья творят с нами такое, до чего не додумались бы злейшие враги.

Никола горько рассмеялся:

— О, да. Но я надеюсь, мистер Шерф, вы сможете меня простить.

— Простить вас? За что?

— Вы ведь не проработали у нас и двух месяцев, а тут такое несчастье. Все погибло, и ничего нельзя исправить. Боюсь, вам придется искать другую работу.

— Сэр, я много лет слежу за всеми вашими свершениями и не хочу работать ни на кого другого.

— Мистер Шерф, наша с вами работа превратилась в кучку пепла.

— Так и есть, сэр. Я знаю, к чему вы стремитесь, и хочу в этом участвовать. Я должен в этом участвовать!

Никола невольно улыбнулся, тронутый юношеским пылом своего помощника.

— Спасибо на добром слове, молодой человек. Однако если у вас нет привычки есть пепел на ужин, вам так или иначе придется задуматься о пропитании.

— Не беспокойтесь, сэр! Когда Фриц меня нанял, я попросил оставить меня на фабрике в ночную смену. — Он смущенно улыбнулся. — На случай, если вы выставите.

— И вы все это время работали по ночам на фабрике?

— Последние шесть недель. У вас в лаборатории было так интересно, что я практически забыл о сне. И почти не уставал.

— И несмотря ни на что, отлично справлялись…

Шерф просиял:

— Правда? Если бы вы знали, как я мечтал это услышать!

— Слабое утешение, что и говорить.

— Я не жду, что вы станете меня утешать, сэр. Я хочу утешить вас.

Никола не поверил своим ушам:

— Что вы говорите?

— Если бы вы только позволили мне быть рядом с вами,

помогать вам восстанавливать лабораторию. Мне можно совсем ничего не платить. У меня есть работа на фабрике!

Николе показалось, что его разыгрывают.

— Вы согласны работать бесплатно?!

— Вот именно, сэр! Я уверен, вы что-нибудь придумаете. Я обойду всех нью-йоркских финансистов, постучусь в каждую дверь. Только пообещайте, что позволите мне быть рядом, если вы все начнете заново. Когда вы все начнете заново.

Глаза Николы наполнились слезами.

— Мистер Шерф, вы исключительный человек. Я с радостью пообещаю то, о чем вы просите, но взамен возьму обещание с вас.

— Какое же?

— Обещайте, что бросите наше дело, если оно помешает вам зарабатывать на жизнь.

Шерф беззаботно улыбнулся.

— До этого не дойдет. Нам обязательно кто-нибудь поможет.

Никола смотрел на своего помощника, не находя ответа. Шерф протянул ему руку и помог подняться на ноги.

— Идемте, сэр. Не нужно вам здесь оставаться.

Тесла начал было протестовать.

— Нет, мистер Тесла. — Шерф был непоколебим. — Вам надо отдохнуть. Я побуду здесь и посмотрю, нельзя ли хоть что-нибудь спасти.

Никола смерил молодого человека удивленным взглядом и слабо улыбнулся:

— Вы говорите спасти?

— Да, сэр. — Шерф увел Теслу подальше от остывающего пожарища и кивнул остальным, чтобы поймали боссу кэб.

На следующий день «Нью-Йорк таймс» раззвонила всему миру о том, что «единственный соперник Т.А. Эдисона прогорел во всех смыслах этого слова».

«Нью-Йорк сан» назвала случившееся «катастрофой всемирного масштаба» и добавила: «Среди наших современников едва ли найдется хотя бы десяток личностей, чья деятельность сопоставима по масштабам с деятельностью этого молодого ученого».

Тем не менее уголовного дела об умышленном поджоге возбуждать не стали.

Глава двадцать девятая Отель «Герлах» Нью-Йорк

Джордж Шерф твердо решил не показываться боссу на глаза до тех пор, пока у него не появятся по-настоящему хорошие новости. Он знал, что творится в отеле «Герлах» неподалеку от Мэдисон-сквер. Мистер Тесла никого не принимал и лишь изредка общался с посетителями через закрытую дверь.

Тем не менее Джордж имел некоторые основания надеяться на лучшее. Чутье подсказывало молодому человеку, что вот-вот найдется кто-нибудь, способный выручить изобретателя из беды. В противном случае начинать поиски вовсе не имело смысла.

На восстановление лаборатории требовалось много денег. Но не слишком много с точки зрения какого-нибудь толстосума. Джордж проработал бок о бок с мистером Теслой достаточно, чтобы понимать: главное найти кого-нибудь, кто окажется способен оценить работу изобретателя, того, кто поймет, что именно Тесле стоит помочь с помещением для работы, инструментами и мелочами вроде листового железа или медной проволоки. Приборы Теслы вывели техническую мысль на новый уровень. Кого, как не его, нужно было поддержать.

Шерф долго раздумывал над тем, к кому обратиться в первую очередь, и в конце концов решил посоветоваться с Фрицем Ловенштейном. Молодой человек решил, что отправится к нему на следующее утро, а если Фриц еще не оправился от потрясения, хорошенько его встряхнет и заставит выложить все как на духу. А дальше он уж как-нибудь справится сам.

* * *

Никола лежал на кровати в полутемном номере и старался сфокусировать зрение на затейливом узоре викторианских обоев. Скользил взглядом, словно кончиком пальца, по прихотливым завиткам, не позволяя глазам охватывать картину больше, чем в несколько сантиметров. Это изматывающее упражнение помогало ему справиться с болью и отвлекало от мыслей о будущем.

Взгляд Теслы путешествовал по лабиринту туго переплетенных линий из одного угла комнаты в другой. На один ряд уходило примерно девяносто минут и девять секунд. Это число делилось на три, а стало быть, служило добрым предзнаменованием. Никола, не прерываясь, прошел три ряда и

сделал паузу, чтобы выйти в холл по естественной надобности. Потом, совершенно опустошенный столь ничтожным усилием, повалился на кровать и снова принялся разглядывать обои.

На вторые сутки, когда пробивавшийся сквозь тяжелые гардины дневной свет начал меркнуть, беднягу наконец сморил сон.

Никола не заметил, что заснул, не почувствовал, когда веки сомкнулись и узор на обоях исчез во тьме. Переход от яви ко сну был таким плавным, что он ничуть не удивился, увидев над собой ночное небо.

Сквозь полупрозрачную дымку виднелся сверкающий звездный купол. Никола попытался отыскать знакомые созвездия, но его отвлекло едва заметное движение где-то на краю зрения. Сердце Николы тревожно заныло; из тумана навстречу ему плыла Карина. Миг — и она оказалась рядом. Все вопросы и сомнения были забыты, а страхи утратили силу.

— Где мы? — прошептал Тесла.

— Нигде, — улыбнулась девушка. — Это сон.

Внезапно Николу ослепила нестерпимо яркая вспышка, за ней последовал оглушительный грохот. Когда к изобретателю вернулись слух и зрение, Карина была в его объятиях. Он чувствовал, как руки девушки обвивают его шею, и готов был поклясться, что это по-настоящему.

Карина рассмеялась, и от этого смеха по спине у Николы побежали мурашки. Он робко коснулся ее щеки и в тот же миг оказался на кровати в гостиничном номере. За окном стемнело, свет не горел, но рисунок на стене был виден так четко, будто его освещала дуговая лампа. Перепутанные линии разомкнулись, открывая запрятанные между собой цветные пятна.

Тесла без труда понял, что она хотела сказать: «Восприятие цвета зависит от длины световых волн. Подобно тому как звуковые волны порождают звуки разных частот, волны света передают различные оттенки».

А коль скоро звуковые и световые волны сопоставимы, у каждого оттенка есть музыкальное выражение. Комбинируя тона в аккорды, можно создавать музыку цветов.

У обоев на стене было свое звучание, собственная музыка. Тесла пробежался глазами из одного угла в другой и расслышал песню узоров. Он окинул взглядом комнату, ища другие цвета и орнаменты: все они пели. Одни выводили божественные мелодии, другие — дьявольскую какофонию. Одни издавали звонкие птичьи трели, другие гремели торжественными хоралами.

Никола забрался в кресло-качалку и приник к окнам-глазницам, готовый внимать музыке цвета. Через несколько дней,

разгадав все тайны темного номера, он решил отправиться на поиски других узоров. Для этого подойдут витрины, решил Тесла. Еще можно посмотреть в парке. Да и просто задрав голову, можно услышать симфонию бездонной синевы и тяжелых туч.

Охота за цветом помогла Николе вернуться к жизни. С мелкими делами и толпой соболезнующих справлялся автомат. Ему снова и снова приходилось отвечать на одни и те же вопросы, в сотый раз объяснять, что компания и вправду не была застрахована, и читать в глазах собеседников, что подобная беспечность достойна и не такой жестокой кары.

Автомат не чувствовал боли и легко сносил удары, пока его хозяин внимал песне цвета, купаясь в океане удивительных образов, о существовании которых никто даже не подозревал. Никола ни за что не спутал бы эти картины с действительностью, но не переставал удивляться их свежести и реальности.

Очередное возвращение в мир живых оказалось таким резким и внезапным, что Николу пробрала дрожь. Автомат как раз сидел на скамейке в парке и кормил голубей. И вдруг перед ним предстал Джордж Шерф. Взгляд молодого ассистента лучился таким восторгом, что Тесла догадался, в чем дело, еще до того, как тот заговорил:

— Сэр! У нас получилось! У вас получилось! Поздравляю! Помощь придет! Нашлись люди, которые все понимают! Они не дадут вашей работе пропасть!

Найденного Шерфом благодетеля звали Стэнли Адамсом. Он согласился дать сорок тысяч на первое время и помочь обустроить новую лабораторию. Мистер Стэнли заявил, что протянуть руку помощи Николе Тесле для него большая честь. Обещанная сумма готова и ждет в его нью-йоркской конторе.

У благотворителя было одно-единственное условие: Тесла должен быть взять на работу в новую лабораторию его сына.

— Если честно, — признался Шерф, — я уже дал согласие от вашего имени, потому что этот Адамс может решить любую проблему. А если не может, значит, никакой проблемы нет! — Он усмехнулся собственной шутке.

Воодушевленный и тронутый заботой Шерфа, Никола пригласил младшего товарища на праздничный ужин. Пробыв весь вечер в реальном мире, он ни разу не почувствовал боли. Шерф оказался отличным другом, именно таким, о каком изобретатель порой мечтал, тайком наблюдая за людьми. Возможно, таким другом ему мог бы стать брат Дане. Хоть Джордж и был на десять лет моложе, в его обществе Тесла чувствовал себя под надежной защитой и не тревожился о будущем.

* * *

Подготовка новой лаборатории заняла не одну неделю. К счастью, изрядную часть забот можно было без опаски взвалить на плечи автомата. В те дни Никола особенно сильно страдал от переизбытка энергии. Все его чувства были мучительно обострены. Николу оглушал витавший над толпой шепоток, а человеческие запахи в хорошо протопленном помещении могли довести до обморока. Чтобы избавиться от излишков энергии, изобретатель подсчитывал число сделанных за день шагов, стараясь, чтобы окончательная цифра с учетом последнего шага, который он делал перед тем, как лечь в кровать, делилась на три. В этом не было ни малейшего смысла, но он чувствовал, что так надо.

Когда лаборатория наконец заработала, подоспела новая напасть: отпрыск Стенли Адамса оказался таким неумехой, что его было опасно подпускать к приборам. Николе пришлось надолго вернуться в реальный мир, чтобы справиться с почти непосильной задачей: уволить сына босса, не развалив всю компанию. К счастью, мистер Адамс знал своего наследника лучше, чем кто-либо другой, и не пожелал рисковать из-за него партнерством с самим Николой Теслой. Лаборатория уцелела.

Когда дело было сделано и все успокоилось, Никола вернулся к динамической теории гравитации.

«Если высокую плотность гранита относительно других пород можно объяснить гармоническими колебаниями его силового поля, обеспечивающими мощное притяжение, то вполне вероятно, что притяжение земли вызвано подобными гармоническими колебаниями».

Оставалось только выяснить, не известны ли науке факты, опровергающие это предположение. Однако изобретателя захватила совсем другая проблема: как научиться использовать силу земного притяжения, менять ее и даже устранять, если понадобится? Если экспериментально доказано, что звуковую волну можно остановить, почему бы не проделать то же самое с колебаниями Земли? Если бы человечество научилось это делать, оно смогло бы совершить революцию в строительстве и транспорте.

В тайной лаборатории с окнами-глазницами не ощущалось бега времени. На то, чтобы воплотить в жизнь все будоражившие разум Теслы идеи, не хватило бы целой жизни. Не будь Никола так одинок, он по праву мог бы считать себя совершенно счастливым человеком.

* * *

Через год заработала силовая станция на Ниагарском водопаде, и грандиозное предприятие Вестингауза и Теслы прославилось на весь мир. Бесконечные приемы, переговоры и выступления, не говоря уже о вполне насущных повседневных делах, требовали почти постоянного присутствия Николы в реальном мире. Чтобы развеяться, он подсчитывал все, что только можно, и делил полученные цифры на три.

Изобретателя все сильнее терзало обострившееся обоняние. Американцы, по всей видимости, имели весьма отдаленные представления о гигиене и нисколько не переживали по этому поводу. Чересчур живое воображение услужливо подсовывало Николе поистине кошмарные картины колоний микробов, обитавших на их головах и ладонях. Когда кто-нибудь принимался причесываться на людях, у Теслы к горлу подступала тошнота. После громкой истории с Ниагарским водопадом его стали узнавать на улице, а поскольку все так и норовили обменяться со знаменитостью рукопожатием, ему приходилось постоянно носить тонкие хлопчатобумажные перчатки.

Со временем острота чувств мучила Николу все сильнее. Сильнее становилась и тоска. Чем дольше Тесла задерживался в реальном мире, тем горше делалось его одиночество. Хуже всего было чужое веселье. Чей-то смех или беззаботная болтовня безжалостно напоминали Николе о том, чего он сам лишен. Постепенно ему удалось выработать легкую и непринужденную манеру держать себя в свете. С тех пор официальные приемы больше не тяготили его, хотя и радости по-прежнему не приносили.

Карина изредка являлась к нему во снах. Тесла без труда научился угадывать посланные ею сновидения. В них он был доволен своей участью и никому не завидовал. В них у него не было нужды скрываться от мира.

Муза твердо вела творца одной ей ведомым путем. Никола убедился в этом в 1889 году, во время грандиозной выставки в Мэдисон-сквер-гарден. Ведомый ее властной рукой, он сумел поразить публику только что запатентованной моделью с дистанционным управлением. Посетители, затаив дыхание, следили, как двухметровый игрушечный кораблик ловко маневрирует в большом бассейне. Когда изобретатель снял верхнюю часть модели, чтобы продемонстрировать собравшимся крошечную корабельную команду, даже записные скептики ахнули от изумления. В то время мало кто слышал о радиосвязи, а возможность управлять машиной на расстоянии казалась

фантастикой из далекого будущего.

С тех пор муза не оставляла Николу: спустя всего несколько месяцев он запатентовал систему дистанционного наведения для ракет.

Охваченный гордостью, в порыве благодарности судьбе и новой родине, изобретатель решил написать о своем детище в Министерство обороны. Ему казалось, что новое оружие непременно заинтересует военных: ведь оно могло бы спасти немало жизней. Пришло время машинам заменить человека на поле боя. К тому же достаточно будет продемонстрировать миру новое оружие, чтобы другие державы зареклись связываться с Соединенными Штатами Америки.

Будь у Теслы хоть немного времени и сил, он постарался бы проследить путь своего письма по министерским кабинетам, но Карина не оставляла своего подопечного ни на минуту, и видения следовали бесконечной чередой.

Вот почему он попросту позабыл о письме. Затраченная на него крупица энергии давно окупилась сторицей. Напомнить изобретателю о судьбе боевых машин было некому: о своих сношениях с министерством Никола не распространялся.

Среди знакомых Николы Теслы ни нашлось ни одного человека, который мог спросить у него, уверен ли он, что Америка с благодарностью примет его предложение.

Глава тридцатая 1889 Нью-Йорк

Дж. П. Морган встречал гостя в непривычном для себя положении: он сидел, выпрямив спину, положив руки на стол, и смотрел в лицо собеседнику. Слушая человека из Вашингтона, Морган даже несколько раз кивнул, давая понять, что внимает каждому его слову.

— Пятая попытка оказалась удачной, — рассказывал посетитель. — Меня все-таки взяли на работу. Мной занимался Джордж Шерф, Тесла был слишком занят. Насколько мы поняли, обычно он сам проводит собеседования.

Морган кивнул, давая собеседнику знать, что принял его слова к сведению:

— Наверняка так и есть. Могу себе представить, какая разношерстная публика рвется в лабораторию bona fide короля электричества.

— Если его можно так назвать, — заметил гость.

— Вот именно. Если. Сигару?

— Вы не могли бы воздержаться от курения в моем присутствии?

— Виноват! Отвратительная привычка, по правде говоря.

— Тесла… — напомнил посетитель.

— Я весь внимание.

— Тесла должен доказать свою преданность стране, которая дала ему приют. Тем, кто ею управляет. В конце концов, это мы сделали его богатым и знаменитым.

— Он больше не богат. Потерял все во время пожара.

— Разве в этом виновата Америка?

— Нет конечно.

— Разумеется нет. Итак. Вопрос в том, зачем он обратился в правительство с такими завиральными идеями и почему сразу совершенно потерял к ним интерес.

— Как я уже говорил, мне об этом ничего неизвестно.

— Можно ли рассматривать это обращение как завуалированную угрозу?

— Понятия не имею.

— Не хотел ли Тесла предупредить наше правительство, что если его предложение не примут, он обратится еще куда-нибудь?

— Я не знаю.

— Искать поддержки у одного из этих монархов, для которых Америка кость в горле!

— Которым не нравится наш образ жизни…

— Именно! В Вашингтоне весьма обеспокоены: человек с

такими мозгами, как у Теслы, способен… Каковы его политические убеждения?

— Мы, знаете ли, никогда не говорили о политике.

— Никогда?

— Нет. Ни разу.

— И вы не находите это странным? Все говорят о политике, не правда ли? Возможно, он упоминал какого-то конкретного политика?

— Да, теперь я и сам нахожу это странным. Все мои знакомые говорят о политике.

— Разумеется. Это вполне естественно. И очень по-американски. Вашингтону это известно.

— Что вы говорите? Всему городу?

— Мистер Морган, в ваших словах мне будто бы послышался сарказм.

— Прошу прощения. Просто у вас так забавно вышло. «Вашингтону».

— Насколько я могу судить по вашему тону, вы не слишком цените тот факт, что Вашингтон до сих пор закрывал глаза на ваши попытки монополизировать рынок.

— Я же говорил вам, никаких монополий! Мы живем в свободной стране. Каждый может завести свое дело, если захочет.

— И если вы позволите.

— Прошу вас, давайте не будем об этом. Просто мне показалось забавным, как вы произнесли «Вашингтон», а вышло, что я невольно вас задел. Я больше не буду. Не буду шутить.

— Буду вам очень признателен.

— Так о чем вы говорили?

— Вашингтон заинтересован в том, чтобы вовремя получать информацию обо всех планах и замыслах Теслы. Поэтому требуется, чтобы патриотически настроенный представитель крупного капитала финансировал его работу.

— Финансировал? И кто же это будет?

— Некий добросовестный инвестор.

— Угу. И сколько же моих денег вам требуется?

— Что ж. Сам я отнюдь не финансист, но средств должно хватать для работы. Я буду наблюдать за экспериментами. Вам придется иметь дело с кем-нибудь еще.

— То есть как? Что значит: с кем-нибудь еще? Прежде я имел дело только с вами.

— На сегодня все. У вас десять дней, чтобы привести дела в порядок.

— Да… Конечно. Но мне лучше не афишировать своего участия!

— Уже поздно. Доброй ночи, мистер Морган. Провожать меня не надо.

— Постойте! Если я соглашусь сотрудничать, — а я, конечно, соглашусь, но вы же понимаете, что это дело весьма деликатное, — может ли Вашингтон гарантировать соблюдение моих собственных финансовых интересов?

На губах посетителя вспыхнула торжествующая улыбка бюрократа, которому удалось уесть финансовую акулу.

— А как же! Весь город…

— Умоляю, еще минуту!

— Мы свяжемся с вами, когда придет время! До скорого! — И человек из Вашингтона, глумливо ухмыляясь, скрылся за дверью.

Морган проводил гостя взглядом. В глазах финансиста полыхала ярость, но он не произнес ни слова и не двинулся с места. Несколько мгновений он мог только дышать.

* * *

Прежде чем отравленная стрела нашла свою цель, прошла неделя. Никола наслаждался неспешным ужином в отеле «Уолдорф-Астория», как обычно, в углу, за столиком на двоих. Изобретатель имел странную привычку выдвигать из-за стола второй стул, а пищу вкушал чрезвычайно медленно и сосредоточенно, подолгу ковыряясь в тарелке.

Время от времени Тесла бросал взгляды на пустое место перед собой. В такие моменты на губах его играла безмятежная улыбка.

— Мистер Тесла, не так ли?

Подняв глаза, Никола увидел джентльмена примерно своих лет, затянутого в великолепно сшитый костюм.

— Да.

Незнакомец протянул руку:

— Разрешите представиться: Джон Джейкоб Астор.

Никола вскочил и поспешно поклонился, избегая рукопожатия.

— Рад встрече, мистер Астор. Я наслышан о вас.

Астор с улыбкой убрал руку.

— Мне всего лишь повезло родиться богатым наследником. Извините, что прерываю ваше уединение, сэр, но не могли бы вы уделить мне пару минут? — И он, не дожидаясь ответа, плюхнулся на свободный стул. — У меня для вас очень интересное деловое предложение, мистер Тесла. Но что же вы стоите? С вами все в порядке?

Тесла весь сжался, напрягая мышцы, но тут же выпрямился и улыбнулся новому знакомому.

— Все в порядке, не беспокойтесь, — проговорил он, усаживаясь на место.

— Я здесь не от имени своего семейства, сэр, — начал Астор, загадочно сверкая глазами. — У меня есть собственный источник дохода — тайный и надежный, — который я намерен употребить на финансирование мировой системы электроснабжения, о которой вы говорили репортерам.

Никола усмехнулся.

— А вы, как я вижу, ведете дела по методу Джорджа Вестингауза.

— Что вы имеете в виду?

— Вашу прямоту. Очень по-американски. Мне это нравится. Экономит кучу времени.

— Действительно. Благодарю вас. — Астор придвинулся ближе и произнес доверительно: — Поверьте, я сам в восторге оттого, что могу предложить вам нечто подобное; я читал все, что написано вами и о вас в последние годы, и могу сказать, что ваша главная идея — теория универсального характера энергии, если я правильно понимаю, — не может оставить равнодушным того, кто думает о будущем своей страны. О ближайшем будущем, мистер Тесла. О грядущих десятилетиях.

— Электрическая революция непременно приведет к революции индустриальной. Она изменит жизнь всего общества.

— Вы совершенно правы! Лучше не скажешь! — Астор перешел на заговорщический шепот: — Мистер Тесла, я готов дать вам тридцать тысяч долларов, чтобы вы могли сейчас же начать исследования. Чек в моем банке будет готов завтра утром.

— Сэр, если вы читали мои статьи, вам должно быть известно, что эксперименты следует проводить в Колорадо, на восточном склоне Скалистых гор.

— Я, признаться, думал, что это не так уж важно…

— В этом месте нужная высота сочетается с достаточным запасом руды. Идеальные условия для создания электрического импульса.

Астор хлопнул ладонью по столу:

— Колорадо так Колорадо! Вы получите все, что необходимо для работы. Если мы станем партнерами, я гарантирую вам половину всех наших доходов.

Открывающиеся перспективы показались Николе более чем заманчивыми.

— Мистер Астор, это просто превосходно, но вы меня совсем… ошеломили… — признался он, внезапно стушевавшись.

— Подумайте хорошенько. Спешить некуда.

— Увы, нет! Я должен спешить. Время — это ресурс, которого вечно не хватает. Самое странное в этой истории то, что некая персона предсказала мне эту нашу встречу, но я не слишком поверил… этой персоне.

Астор хмыкнул.

— Кем бы она ни была, мистер Тесла, у нее точно есть магический шар! Я только сегодня окончательно убедился, что это в моих силах. И сразу бросился к вам, не дотерпел до завтра! — Он пожал плечами. — Как видите.

Никола устремил взгляд куда-то за правое плечо Астора и задумчиво кивнул. Уголок его рта слегка дернулся.

— Мистер Астор, суммы, которую вы предлагаете, вполне хватит на то, чтобы перевезти мою команду в Колорадо, построить лабораторию и начать работу. Но через несколько месяцев понадобятся еще средства.

— Разумеется! — Астор сиял, предвкушая успех. — Разумеется! В зависимости от результатов первого этапа станет ясно, сколько средств потребуется для второго! — Он протянул руку, подводя итог переговорам. — Вы согласны?

Никола ответил не сразу. Немного помедлив, он с теплой улыбкой пожал протянутую руку. А как только Астор удалился, Тесла взял со стола влажную салфетку и старательно протер ладонь.

Глава тридцать первая 1899 Новая лаборатория Теслы Колорадо-Спрингс

Весь день на восточном склоне Скалистых гор закипал гром; по крутому хребту клубился заряженный электричеством воздух. Поздним вечером небо над вершиной пика Пайк рассекла ослепительная молния.

Дождя еще не было, но расцвеченную зарницами ночь наполнял запах озона, верный предвестник непогоды. Природа затаилась в ожидании большой бури, и высоко над горами, в чернильном небе, еще можно было разглядеть звезды.

Небесные всполохи плясали над новой лабораторией Николы в юго-восточной части города. Россыпи искр блуждали по стенам нелепой двухэтажной постройки, стоявшей посреди поля, на пересечении двух пыльных дорог. Участок был обнесен высоким забором, с каждого столба которого кричала броская табличка: «Не приближаться! Очень опасно!»

Сложенные из сосновых бревен стены лаборатории еще сочились смолой, но все щели были заделаны достаточно надежно, чтобы не пропустить ни капли непрошеной влаги. На коньке крыши раскачивалась от ветра похожая на плот дощатая платформа длиной и шириной во все здание. Из нее торчала мачта высотой сто сорок футов, увенчанная гигантским медным шаром.

Никола и его помощники собрались на втором этаже, чтобы отпраздновать новоселье. Со стороны это торжество могло показаться весьма странным. Джордж Шерф с тремя ассистентами из Нью-Йорка и шестью новичками, нанятыми в Колорадо, сгрудились в углу комнаты, храня торжественное молчание. Никола лежал на диване у открытого окна и ласково, как с любимым псом, разговаривал с молниями.

— Ну же, друзья мои! Покажите, на что способны! Мы хотим узнать, сколько энергии может выбросить это место!

Словно в ответ на его слова, небо над горами прочертила невероятно яркая молния. Никола разразился торжествующим смехом. Новички поглядывали на босса с недоумением, но по примеру старожилов старались держаться невозмутимо.

— Ага! Почти то что надо. Еще! Давайте!

Еще одна гигантская молния сверкнула над горной грядой и ударилась в землю всего в трех милях от лаборатории. Никто из

сотрудников еще не видел ничего подобного.

— Вот оно! — вскричал Никола. — Здорово!

Сверившись с карманными часами, он объявил собравшимся:

— Черт! Осталось тринадцать секунд!

Тесла вскочил и бросился к недостроенному гигантскому генератору.

— Пять секунд! — радостно сообщил он ассистентам.

Джорджу передалось настроение босса. Он подбежал к Николе и махнул рукой остальным, приглашая последовать его примеру. Те наконец немного ожили и подтянулись к динамо-машине.

— Внимание! — скомандовал Тесла.

По долине прокатился страшный грохот. Оконные стекла задрожали от ударной волны.

Когда все стихло, голосом, полным торжества, Никола возвестил:

— Видели?! В первый же день в нашей новой лаборатории мы имели возможность наблюдать, как здешние горы, резонируя с грозовыми облаками, вызывают явления, по своей силе во много раз превосходящие обычные молнии!

Попадавшие на пол возле генератора сотрудники лаборатории не решались подняться, опасаясь новых взрывов. Зато Джордж встал и похлопал по плечу двоих новичков, давая им понять, что опасность миновала.

— Джентльмены! — провозгласил Никола. — Завтра мы сами создадим молнию!

Следующий день выдался ясным. Когда солнце садилось за горизонт, на небе не было ни облачка. Никола провожал его глазами, стоя на крыше под мачтой со сверкающим в закатных лучах медным шаром.

— Джордж! — позвал он. — Все на месте?

— На месте, сэр! — откликнулся Джордж с первого этажа. Он стоял у металлического рычага, подсоединенного к толстому медному проводу, намотанному на деревянную катушку в пятьдесят футов шириной и десять футов высотой. Из центра катушки торчала мачта, уходившая глубоко в землю.

Шестеро рабочих заняли места у более мелких катушек, расставленных по лаборатории. Они ни к чему не подсоединялись, однако Никола рассчитал, что они помогут гигантской катушке «настроиться», чтобы пропустить через себя энергию и преобразовать ее в электрические разряды. Задуманный Теслой эксперимент можно было назвать своеобразной проверкой преданности его ассистентов, ведь было известно, что не подключенные к генераторам провода ни под

каким видом не могли аккумулировать ток.

Кое-кто из работников, занявших места у катушек, беззаветно верил своему боссу, но были и те, кто ожидал провала. Для них задуманный Теслой опыт был чистым безумием и верным способом выбросить деньги на ветер. Кто-то остался в лаборатории из любопытства, чтобы своими глазами наблюдать грядущую катастрофу.

Чувствуя на себе их пытливые взоры, Никола приказал Шерфу, отвечавшему за главную катушку:

— Повернуть рычаг!

Джордж дернул выключатель вверх, выпуская наружу энергию из городской электросети. Муниципальные власти предоставили знаменитому изобретателю, приехавшему в их края, чтобы проводить свои диковинные опыты, полную свободу действий. Чтобы Тесла смог осуществить задуманное, у всего города на несколько минут отключили электричество.

Из недр гигантской катушки послышался глухой, нарастающий гул. Он заполнял лабораторию, резонируя от каждого встреченного на пути объекта, живого или неживого. Звук делался все сильнее и громче, пока все здание не начало вибрировать в ответ.

Никола, затаив дыхание, смотрел на медный шар, готовый принять разряд. Долгие секунды не происходило ничего, кроме гула и вибрации. И вот началось…

Вокруг мачты заплясали россыпи искр. Их становилось все больше, и вскоре стало казаться, что шар окружен облаком всклокоченных огненных волос.

— Получилось! Джордж, получилось! Работает! Добавить мощности!

Тесла едва расслышал слова Шерфа: «Есть, сэр!» — из-за оглушительного треска. Теперь длина каждого всполоха была не меньше британского фута… Пяти футов… Десяти… Вскоре вокруг медного шара на вершине мачты сверкали двадцатифутовые молнии.

— Мы были правы, Джордж! Энергия уходит в землю и возвращается.

Его никто не слышал. Электрические разряды гремели, как пушечные залпы.

Перепуганные сотрудники едва успевали отдергивать пальцы от искрящих катушек. Джордж попытался опустить рычаг, но получил удар током и отскочил в сторону.

Никола приплясывал под мачтой, как ребенок под елью рождественским утром. Искусственные молнии с треском отскакивали от медного шара и устремлялись в небо. Догорев за

несколько бесконечно долгих мгновений, они исчезали во мраке.

— Получилось! — провозгласил Никола. — Планета возвращает нам энергию! Получилось! Получило-о-о-ось!

— Сэр, катушка перегрелась! — в панике закричал Джордж. — Я не могу ее выключить!

Малые катушки, хоть и были лишены источников питания, принялись искрить, резонируя с главной. Сотрудники бросились врассыпную.

Увлеченный небывалым небесным представлением Тесла не слышал предупреждений Шерфа. Теперь молнии достигали ста футов; они вспыхивали одна за другой, тесня и перечеркивая друг друга.

Вне себя от восторга, Никола вскинул руки и заорал в ночь:

— Видите?! Видите?! Эта сила безгранична! Она освободит человека! Она вознесет нас к звезда-а-а-ам!

Ответом ему была одна гигантская молния и две совсем коротких. Еще один всполох, и все погасло. Вокруг медного шара клубился дым.

Наступила тишина…

Через минуту на пороге возник Джордж Шерф. От его пиджака несло гарью.

— Джордж! — воскликнул Никола. — Что вы наделали? Я не давал команды выключать!

— Это не я, мистер Тесла, я хотел выключить, но у меня не получилось! Это на станции. Городская сеть перегорела. Совсем.

У дверей в полном ошеломлении застыли ассистенты. Джордж покосился на них и вновь повернулся к Николе:

— Я думаю, нам не повредит лишний дюйм резины на подошвах.

Самый долговязый из сотрудников подошел к Джорджу и негромко произнес:

— Добрый дюйм.

Джордж громко повторил для Теслы:

— Добрый дюйм.

Через четверть часа Никола ворвался в управление муниципальных электрических сетей Колорадо-Спрингс.

— Почему вы нас отключили?! — начал он. — Эксперимент не окончен! С какой стати… — Тесла замолчал и растерянно огляделся.

Черные от копоти рабочие, сжимавшие в руках гаечные ключи, уставились на незваного гостя с явной неприязнью.

Оба городских генератора превратились в груду мертвого обгоревшего металла. Никола все понял.

— А, вот в чем дело! Ну, теперь-то вы видите?! Если нашей

мачте удалось спалить два генератора, значит, энергия действительно исходит из земли! Значит, земля сама ее порождает! Откуда же еще взяться такой силище?! Из недр нашей планеты!

Тесла подошел к одной и перегоревших машин:

— Видите? Если бы динамо не перегорели, мы получили бы неиссякаемый источник энергии, затратив совсем немного тока. Самую малость.

Тесла помолчал, ища у присутствующих поддержки, и смущенно заключил:

— Это гигантские перспективы…

Те мрачно переглядывались.

— И главное! Джентльмены! Само собой, мои люди все починят… Обе машины. Незамедлительно! Они будут как новые! Даже лучше!

Муниципальные служащие по-прежнему угрюмо отмалчивались. Никола провел ладонью по одному из генераторов. Его рука тут же покрылась сажей.

— Поломка пустяковая, уверяю вас. — Тут внимание изобретателя привлекла одна из деталей в главной цепи.

— С другой стороны, джентльмены, если постоянно поддерживать напряжение в сети… — По лицам клерков было видно, что продолжать не стоит. — Итак, я пришлю своих людей. Сейчас же. Мы будем работать всю ночь.

И он поспешил удалиться.

* * *

Спустя две недели, когда оба генератора починили, а городские власти отлучили лабораторию от бесплатного доступа к сетям, Джордж Шерф явился на работу раньше всех и с удивлением обнаружил, что один из служащих его опередил и терпеливо дожидается у запертых дверей. Приятно пораженный таким рвением, Шерф предложил сотруднику кофе и сам поставил воду кипятиться на самодельную электроплитку.

Джордж с интересом изучал новичка, которого успели нанять в Нью-Йорке перед самым отъездом. Он давно с удовольствием отмечал, что парень охотно проявляет инициативу и предан делу почти так же, как он сам. Непринужденный разговор за чашкой кофе давал отличный повод познакомиться ближе.

— Знаете, мистер Шерф, — рассуждал новичок, используя принятое между коллегами вежливое обращение, на котором настаивал босс, — по-моему, мистер Тесла зря не оставляет нам

письменных указаний. Было бы здорово, если бы, придя на работу, каждый обнаруживал на своем столе подробную инструкцию и список дел.

Шерф улыбнулся.

— Мне по душе ваш энтузиазм, но мистер Тесла не оставляет сотрудникам ничего, кроме чертежей. Наш босс вообще почти ничего не записывает: у него фотографическая память, так зачем зря тратить время и переводить бумагу!

— Ага. Понятно. А почему он не публикует статей?

— Публикует, особенно после получения патентов, однако, мне кажется, ему уютнее в лаборатории, а не среди научного сообщества, которое не очень охотно принимает его идеи.

— Ага, — кивнул новичок, прихлебывая кофе. — А он не боится, что кто-нибудь вроде Эдисона завладеет его открытиями и выдаст их за свои? Попросту присвоит?

Шерф нахмурился.

— Как бы им это удалось?

— Кто знает! Эдисону ведь почти удалось остановить распространение переменного тока. Едва ли он на этом остановится.

— Волноваться не о чем, — заявил Шерф. — Мистер Тесла в своих исследованиях опережает Томаса Эдисона на много лет вперед. Быть может, на целые поколения.

— Это безусловно так. Чего стоит один лозунг «Бесплатное электричество всему миру». Без Николы Теслы до этого никто бы не додумался.

— Вот именно, — согласился Шерф.

Любопытный ассистент улыбнулся и отпил кофе. Больше в то утро он вопросов не задавал.

* * *

Как-то летним вечером Тесла и Шерф отправились на продуваемую всеми ветрами равнину в двадцати шести милях от Колорадо-Спрингс. Установив прямо на траве грубый деревянный стол, они расставили на нем двести пятидесятиваттных лампочек. Все лампочки сообщались между собой, соединяясь с металлическим штырем и усилителем.

Пока Тесла проверял контакты, Шерф освещал стол фонарем, то и дело нервно оглядываясь, словно ожидая нападения. Никола посмотрел на часы и выкрикнул что-то в ветреное небо.

— Сэр, если мы опять спалим городские генераторы, боюсь, властям будет все равно, во сколько это произошло.

— Да они нам еще спасибо скажут!

Ветер проглотил его слова.

— Что?

— Я говорю, они еще будут нас благодарить. Мы подарили их машинам лишние пять лет жизни.

— Боюсь, сэр, они едва ли способны это оценить. А если мы устроим еще одну аварию…

— Нет-нет-нет! Сегодня нам понадобится ровно столько энергии, чтобы зажечь эти лампочки. — Тесла поднял глаза к небу. — Красота! Люблю ветреные ночи!

— Что ж, теперь, когда нас точно никто не подслушает, вы, быть может, посвятите меня в детали эксперимента, чтобы мне было спокойнее?

Никола рассмеялся.

— Спокойнее? Джордж! Это совершенно безопасно! — Положив руку на плечо помощнику, он указал на заставленный лампочками стол. — Мы соединили каждую из них со сработанным вашей командой приемником. Как только в лаборатории включат главный генератор — даже на маленькую мощность, — он начнет вибрировать, как хрусталь, резонируя со скрипичной струной. Понимаете?

— Но, сэр, скажите честно, внутри этой штуки и вправду нет никакого источника питания? Маленькой батарейки или чего-нибудь в этом роде?

Никола развеселился.

— Да нет же! Неужели вы не понимаете? Не нужно никакой батарейки! Ток будет поступать прямо из лаборатории, что в двадцати шести милях отсюда. Чтобы это сработало, пришлось учесть частоту здешних гроз. Небесная музыка! Сила, которой хватит, чтобы осветить весь мир!

— Будем надеяться, сэр, — проговорил Шерф, стараясь скрыть недоверие. — Будем надеяться.

Он направил луч фонаря на циферблат часов.

— Если в лаборатории все готово, ваш концерт начнется через пять… четыре… три… две… одну…

Ничего не произошло. Шерф посмотрел на Николу, потом перевел взгляд на лампочки.

Ни одна из них не зажглась.

Никола нахмурился и посмотрел на часы.

Все оставалось по-прежнему.

И вдруг… Все двести лампочек одновременно мигнули. Шерф ахнул. Лампочки снова мигнули, а потом наполнились слабым, но ровным светом. Джордж вскрикнул и выронил фонарь. Лампочки разгорались все ярче, и вскоре на поляне сделалось

совсем светло. Шерф разинул рот от изумления. Склонившись над светящимся столом, он долго изучал и пересчитывал лампочки, потом повернулся к Николе и воскликнул:

— Мистер Тесла! Во имя Господа! Это…

Никола взирал на лампочки с безмятежной улыбкой. Шерф протянул руку к огненному ковру.

— Ток, — прошептал он. Потом произнес громче: — Ток без проводов! Мы зажгли лампочки без проводов! Вы творите историю, мистер Тесла!

Тесла глубоко вздохнул и сжал руки своего ассистента.

— Нет. Не я, а мы, мистер Шерф. Мы оба. — Он снова поглядел на часы. — Пора.

Через мгновение лампочки начали тускнеть и вскоре погасли. На этот раз Джордж положил руку на плечо Николе.

— Поздравляю! Сэр, у меня в голове не укладывается то, что вы сделали. Но вы это сделали.

На Николу внезапно обрушились дурнота и страшная слабость. Шерфу пришлось поддержать босса, чтобы тот не упал.

— Вам надо отдохнуть, сэр. Сколько дней вы не спали?.. Завтра парни все уберут…

— А если кто-нибудь найдет это раньше? — встревожился Никола.

— Найдет что, сэр? — хмыкнул Шерф. — Гору лампочек, провода и антенну? — Он осторожно, но решительно вел Теслу к поджидавшему их экипажу. — Идемте же. Надо отдохнуть. Вам еще предстоит ехать в Нью-Йорк, отчитываться перед инвесторами. Теперь-то они дадут вам столько денег, сколько вы попросите!

Опустошенный Тесла послушно брел за Джорджем, упрямо шепча: — Только подумайте, что это означает для всего мира! Мы немедленно едем в Нью-Йорк.

Шерф со смехом отвечал:

— Чем скорее, тем лучше! А то местные жители уже не знают, что и думать. Вы управляете молниями и заклинаете бури. Колдовство, да и только.

— Магия, — чуть слышно проговорил Никола, поставив ногу на приступку экипажа. — Интересно, что она на это скажет…

Глава тридцать вторая Два дня спустя В поезде

Поздно ночью локомотив с грохотом оторвался от перрона и покатился в сторону Нью-Йорка. Монотонный перестук колес быстро убаюкал пассажиров, и вскоре в вагоне спали все, кроме инженера, кондуктора, двух проводников и Теслы. В ту ночь изобретателю было над чем поразмыслить. В Нью-Йорке его ждала встреча не только с Джоном Джейкобом Астором, но и, возможно, со своим таинственным благодетелем. Даже самые большие скептики из его лаборатории не сомневались, что очередное пожертвование будет куда щедрее предыдущего. Исполненный радостного ожидания, Тесла не чувствовал ни усталости, ни голода.

В новом, только что открытом мире электрический ток можно было передавать на любые расстояния безо всяких проводов. Оставалось лишь построить полдюжины станций, достаточно мощных, чтобы улавливать земные колебания, и расставить повсюду приемники чуть более сложной конструкции, чем просто антенна с усилителем. Скоро у самых бедных крестьян в забытых богом селениях будут электрические насосы для орошения полей, а городские жители смогут пользоваться дорогими приборами, прежде для них недоступными. Как только электричество придет во все уголки земного шара, с нищетой будет покончено.

Впервые в жизни Никола чувствовал себя свободным от отцовского проклятия. Он недавно узнал замечательное американское словечко, которым можно было в точности описать его состояние: gramercy[1]. Тесла выучил это слово, когда его сделали почетным членом престижнейшего Клуба Игроков. Клуб располагался в чудесном островке зелени посреди города, именуемом Грамерси-парком. Никола явился на церемонию раньше условленного срока и с ходу погрузился в тишину.

Побродив по парку и прочитав название на воротах, Тесла был заворожен звонким незнакомым словом и решил непременно выяснить, что оно означает. Это оказалось нелегко. Американцы то ли действительно не знали, откуда пошло название, то ли попросту этим не интересовались. Лишь дворецкий-англичанин сумел открыть Николе истину.

По-французски «grand merci», «большое спасибо» — высшее проявление благодарности, созвучное английскому «grand mercy», «великое милосердие», — британцам это выражение напоминало о великой милости и подвиге сострадания. Американцы спаяли

два слова в одно: так и получилось «gramercy». Выслушав это пояснение, Тесла пришел в восторг.

То, что Никола чувствовал теперь, можно было передать именно этим словом. Грамерси переполняло изобретателя, плескалось в его крови.

— Как хорошо! — сообщил он Карине, как только она появилась.

— В поезде этой ночью? — спросила девушка.

— Очень даже неплохо, — ответил Тесла, — но я сейчас о другом.

— О чем-то подобном? — Карина положила руку ему на лоб.

Мощный удар опрокинул и обездвижил Николу, превратив его в безвольный сосуд, в который вливались смыслы и образы. Ему открылась сама суть *грамерси* .

Никакого пустого пространства не существует. Оно полно энергии и дрожит от ее вибраций, как рябь на поверхности пруда во время дождя. Мир плещется в озере силы, как рыба в воде, не зная о ее существовании.

Грамерси проникло в его душу и освободило ее. Его тело, как и все тела, было лишь непроницаемым сгустком вибрирующей энергии. Дрожащие, разнонаправленные, переплетающиеся силы занимали все безграничное пространство, которое он привык считать пустым. Человеческий разум был подвластен этим колебаниям как физическая материя, а вместе они составляли ткань божественного разума.

Глава тридцать третья Центральный вокзал Нью-Йорк

— Мистер Тесла! — воскликнул Джон Астор, с энтузиазмом тряся руку Николы.

Изобретатель широко улыбался, тщетно пытаясь освободиться, но миллионер не замечал его усилий. Вокруг был вечный вокзальный манхэттенский ад, но Астор тащил гостя за собой и болтал без умолку, несмотря на шум. Джордж Шерф едва за ними поспевал. В каждой руке он тащил по тяжеленному чемодану.

— Вашим людям пора по домам, а вам — в старую лабораторию, мистер Тесла! — восклицал Астор. — Я был рад узнать, чтобы ваши эксперименты в Колорадо удались. Как только получил телеграмму, сразу связался с нашим благотворителем. Он хочет вас видеть! Немедленно!

— Я хотел бы пойти с мистером Теслой, если вы не против, сэр! — объявил Шерф, перекричав толпу.

— Спасибо, мистер Шерф! — откликнулся Никола. — Мистер Астор, без Джорджа Шерфа наш успех был бы невозможен.

— Отлично, отлично! — пропел Астор. Он прямо лучился радостью и готов был отвечать «да» на любую просьбу.

Трое мужчин залезли в кэб, втащили за собой чемоданы и погрузились в городскую суету, ничуть не менее шумную, чем привокзальная. Они направлялись в центр.

Утомленный бессонной ночью Никола позабыл спросить, к кому их везут. Впрочем, имя благодетеля не имело значения, куда важнее было, что результаты опытов и вправду всех впечатлили.

Астор без труда заразил Теслу и Шерфа своим счастливым возбуждением. Когда экипаж остановился у резиденции Дж. П. Моргана, они почти не удивились.

— Это и есть ваша страшная тайна? — весело поинтересовался Никола.

— Мистер Морган настаивал на анонимности, — пояснил Астор. — Впрочем, услышав о ваших грандиозных свершениях, он решил выйти из тени.

— Замечательно! — вскричал Никола. — Еще бы он не вышел из тени, когда речь идет о великом открытии!

Все трое вошли в подъезд. Тесла и Шерф пребывали в отличном расположении духа и, несмотря на утомительное путешествие, чувствовали себя невероятно бодрыми.

Через полчаса та же самая компания усаживалась в другой

кэб. Улица была запружена народом, и еще один пассажир, только что прибывший из Колорадо, без труда остался незамеченным. Как только экипаж свернул за угол, новенький сотрудник из лаборатории Теслы перешел через улицу и нырнул в подъезд конторы Моргана.

Скромный ассистент вошел в кабинет финансиста, не утруждая себя стуком, и плотно закрыл за собой дверь. Морган не выказал удивления.

— Как поживает наш приятель Тесла? — поинтересовался гость.

Лицо Моргана, давно научившегося скрывать свои чувства, не выражало ровным счетом ничего. Ни гнева, ни ненависти, ни тени недовольства тем, что государственный служащий среднего звена взял над ним такую власть.

— Все прошло как нельзя лучше. Я пел дифирамбы его гению, пообещал еще больше денег и заверил, что жду не дождусь, когда начнутся новые эксперименты.

Гость расхохотался:

— Ха-ха! Да вы были само дружелюбие, мистер Морган! А вы уверены, что не переиграли?

— Вы шутите?

— Отнюдь нет.

— Что ж… Нет. Я уверен, что он ничего не заподозрил. Изобретатели падки на комплименты не меньше, чем актрисы. И те и другие слышат только то, что хотят услышать.

— Отлично. И что же дальше?

— Я сделал как вы велели: поздравил его, объявил о начале «второго этапа» и посулил сто пятьдесят тысяч долларов.

— А взамен попросили держать вас в курсе?

Настал черед Моргану саркастически ухмыляться.

— Сколько лет, я, по-вашему, занимаюсь бизнесом?

— С тех пор, как получили наследство.

— Да, черт меня подери! Да! На правах главного инвестора я собираюсь контролировать всю работу над беспроводной передачей тока, от начала до конца. Этого довольно? А теперь, если вы не возражаете…

— Возражаю, мистер Морган. У вас своя работа, а у меня своя. И в чем же заключается так называемый «второй этап»?

— Тесла собирается потратить деньги на покупку участка в прибрежной полосе недалеко от Нью-Йорка. Уорденклифф, так он его называет. А может, это место и вправду так называется. Как бы то ни было, оно расположено достаточно близко к Ниагаре, чтобы забрать оттуда энергию и запустить новую систему.

— То есть дать всему миру бесплатное электричество?

— Так он говорит.

— Возможно, это пустые мечты?

— Откуда мне знать? Черт, вы же почти полгода проработали у него в Колорадо. Он уверен в своей правоте. А что скажете вы?

— По-моему, одно то, что он пытается создать нечто подобное, делает его очень опасным человеком. В Колорадо он добился всего, чего хотел. Абсолютно всего.

— Вот видите! Так я теперь свободен?

— Почти, мистер Морган. Ваша задача снабдить Теслу нужной суммой и присматривать за ним столько, сколько мы посчитаем нужным. Потом мы найдем способ его дискредитировать, и вы прекратите финансирование.

— Очень многие считают его чуть ли не героем. Ваше начальство не боится, что кто-нибудь сообщит ему о ваших планах?

— Кто — хотел бы я знать? Об этих планах известно лишь нам двоим, и я совершенно точно не стану ему рассказывать. А вы?

— Не говорите глупостей! — Морган раздавил в пепельнице сигару и тут же достал новую.

Его гость усмехнулся, весьма довольный собой.

— Очень хорошо, — проговорил он, поднимаясь. — Ну, мне пора. Лабораторные дела не ждут, знаете. Надо помочь Тесле потратить ваши денежки.

Морган ничего не ответил, однако по лицу его было видно, какое бешенство испытывает этот человек, не привыкший подчиняться приказам.

Гость открыл дверь и шагнул за порог.

— Мы еще встретимся, — бросил он через плечо.

— Жду не дождусь, — буркнул Морган.

Как только гость исчез, на пороге появился дворецкий с сервировочной тележкой, уставленной яствами. Морган бросил на слугу уничтожающий взгляд. Тот молча развернул тележку и плотно закрыл за собой дверь.

* * *

В июле Никола опубликовал в журнале статью под названием «Энергия человека», посвященную не полезным советам о том, как сохранить здоровье, что можно было подумать, судя по названию, а полному оптимизма описанию недалекого будущего, основанному на собственных экспериментах и видениях.

Едва журнал появился в киосках, его тотчас же раскупили те,

кто понимал, что к предсказаниям кого-то вроде Николы Теслы имеет смысл прислушаться.

В то утро Никола, вопреки обыкновению, решил остаться дома после изнурительного трехдневного марафона в лаборатории. Едва подоспели деньги Моргана, как на Манхэттене начали готовить приборы для будущей станции в Уорденклиффе. Джордж Шерф собрал сотрудников, чтобы прочесть им вслух только что вышедшую статью:

— «Чтобы обеспечить беспроводную передачу электричества по всему миру, понадобится не более девяти месяцев. Производя энергию в десять миллионов лошадиных сил, она, в числе прочего, позволит…»

Томас Эдисон читал статью своей свите, кривляясь и гримасничая: «Свободное телеграфное и телефонное сообщение, экстренные коммуникации для государственных и частных нужд…»

Дж. П. Морган читал журнал, с удобством расположившись в купе частного вагона, и каждое слово гулко отдавалось в его голове: «…позволят синхронизировать биржевые торги, устраивать концерты межконтинентальных оркестров, заставят все существующие на земле часы показывать точное время…»

Человек из Вашингтона, работавший в лаборатории под прикрытием, читал вслух своим подчиненным из безымянной государственной конторы: «…факсимильное копирование рукописных и машинописных текстов, навигация без посредства компаса, мгновенное воспроизведение в любой точке планеты любого рисунка или чертежа…»

Человек из Вашингтона сделал паузу и окинул слушателей многозначительным взглядом.

Дж. П. Морган бросил журнал на стол и нервно потер подбородок.

Томас Эдисон смял журнал и швырнул его в стену.

Джордж Шерф дочитал статью и, не скрывая тревоги, обратился к соратникам:

— Что скажут люди? И что они сделают с человеком, который решился на такое?

Ответа не знал никто.

Глава тридцать четвертая Два года спустя Нью-Йорк

Два года упорного труда и деньги Моргана не пропали даром: на пустынном берегу выросло массивное кирпичное строение, которому предстояло сделаться штаб-квартирой Мировой электрической распределительной станции «Уорденклифф». Со стороны станция напоминала обычный одноэтажный дом. Этим сходство исчерпывалось.

Над кирпичным строением возвышалась деревянная башня, напоминавшая ветряную мельницу без крыльев, увенчанную куполом из стальных прутьев. «Мельнице» в скором времени предстояло одеться в металл и превратиться в гигантскую антенну, способную улавливать колебания планеты от земной коры до стратосферы и распространять их повсюду, сообщая энергию резонирующим с ней электрическим приборам, чтобы любой человек мог пользоваться ими, не отнимая у остальных своей доли напряжения.

Внутри башни пока что было пусто. Там еще только предстояло разместить генераторы и трансформаторы, заказанные компании Вестингауза.

Увы, Вестингауз требовал заплатить вперед, а сто пятьдесят тысяч Моргана ушли на покупку земли и строительство. Оставалось лишь снова полагаться на щедрость миллионера.

* * *

Через неделю ранним утром Тесла и Шерф явились в кабинет Моргана. Финансист смотрел в окно, не торопясь привечать гостей. Все еще стоя к ним спиной, он достал из кармана сложенную вчетверо газету.

— Вообразите мое изумление, мистер Тесла, — прогремел Морган, — когда я прочел во вчерашней «Нью-Йорк таймс»: «Эксцентричный гений Никола Тесла», который — добавлю от себя — отлично проводил время в Колорадо, а теперь и в Уорденклиффе на мои деньги, — «имеет обыкновение лежать у распахнутого окна во время бури и разговаривать с молниями!»

Морган жестом велел слуге подать сигару, не торопясь, закурил, выдержал длинную паузу и продолжал:

— Во имя Господа нашего, дружище, что у вас с головой?

Тесла посмотрел на Шерфа, ища поддержки, однако тот лишь

недоуменно пожал плечами.

— Мистер Морган, — начал Никола, — я никому не давал интервью ни в Колорадо, ни в Уорденклиффе.

— Разумеется! Зато вы были настолько беспечны, что позволили лазутчику сунуть нос в дела, которые я велел хранить в тайне!

— Я и хранил… Какому еще лазутчику?

Морган только хмыкнул, бросив красноречивый взгляд на Джорджа Шерфа. Тот резко отшатнулся и отчаянно запротестовал:

— Я никогда!.. Никогда, мистер Тесла! Ни слова! Ни единого слова о том…

Этого было достаточно. По знаку Моргана дворецкий крепко ухватил Шерфа за локоть и потащил прочь.

— Что вы?!.. — в панике завопил Джордж. — Отпустите меня! Мистер Тесла, вы же знаете, я не шпион! Я бы никогда с вами так не поступил!

Дворецкий вышвырнул Шерфа за дверь. Потрясенный Никола лишился дара речи.

Морган подошел к изобретателю почти вплотную.

— Ну и задали вы мне задачку, мистер Тесла.

— Я… Сэр… Я не сделал ничего, кроме того, что обещал сделать… Я почти доказал, что электричество можно передавать на любые расстояния без проводов, чтобы все могли им пользоваться!

— Это вы так говорите.

— Вы только что прогнали моего главного свидетеля, сэр! Он может подтвердить, что я сумел передать электроток на двадцать шесть миль безо всяких проводов! Не какую-нибудь там телеграмму, мистер Морган, а чистый электроток. Остается только открыть станцию в Уорденклиффе и найти нужные частоты, чтобы бесплатно распространять энергию, которую мы будем брать прямо из земли!

— А кто позволил вам вмешиваться в ценообразование на рынке электричества?

— Вмешиваться?! Вмешиваться?! Сэр, электричества будет сколько угодно, его хватит всему человечеству!

— Вот именно. — Морган со вкусом затянулся своей превосходной сигарой. — Человечество не нуждается в бесплатном электричестве. На что оно людям?

— Оно сделает их жизнь лучше…

— А за чей счет? Воля ваша, но одобрить попытку расшатать экономический баланс Америки я не могу.

— Сэр, экономический баланс всего мира и так чудовищно

расшатан! Разве возможность облагодетельствовать всех не есть величайший дар?

— А как же интересы государства? О них вы подумали? А об интересах капитала?

— Государство и капитал — вещи второстепенные! Электричество нужно людям!

— Мистер Тесла, как ваш инвестор и держатель пятидесяти одного процента ваших патентных прав я намерен оставить эти патенты за своей компанией и впредь финансировать разработки лишь традиционных источников электрического тока.

— Сэр! Ради бога, сэр! Зачем вы это делаете?! Ведь мы хотели сделать электричество доступным для каждого жителя Земли!

— Вы хотели… — мягко заметил Морган. — Вот почему я больше не дам вам ни цента.

— Что?! Мистер Морган, я…

— Почему бы вам не вернуться к вашей станции на Ниагаре? Это совсем другое дело. Вполне респектабельный бизнес. — Финансист улыбнулся, выпустив колечко сигарного дыма. — А вот со стороны Вестингауза лишить вас прав на изобретения было не слишком респектабельно.

— …Об этом никто не знал!

— До недавнего времени.

— Я никому об этом не рассказывал!

— Вам причиталось по доллару за одну лошадиную силу. На сегодняшний день ваши устройства выработали около двенадцати миллионов лошадиных сил, стало быть, положенные вам выплаты могли бы составить двенадцать миллионов долларов, от которых вы отказались по собственной воле. — Морган презрительно поморщился и добавил: — Этой суммы, вне всякого сомнения, хватило бы на вашу мировую систему электроснабжения, или как ее там. Что же касается меня, то я в этом участвовать не расположен. — Тесла покачнулся, будто его ударили в живот. — Однако, — продолжал Морган, благодушно улыбаясь, — вы наверняка еще что-нибудь изобретете и запатентуете. Как вам кажется? Чтобы удержать на плаву свою маленькую лабораторию…

Он с наслаждением вдохнул дым и выпустил идеально ровное колечко.

Тесла развернулся и вышел вон.

Глава тридцать пятая Тогда же Манхэттен

Едва Никола вышел на улицу, к нему бросился Джордж Шерф со страстными и бессвязными заверениями в том, что даже не помышлял предавать своего друга и благодетеля. Никола позволил ассистенту взять себя за руку и увести прочь. Шерф не сумел сдержать благодарных слов под его открытым, полным доверия взглядом.

Вдвоем они медленно брели по улицам, погруженные в мысли о случившемся, лишь изредка обмениваясь краткими репликами, и к полудню добрели до сквера за Публичной библиотекой. Джордж подвел Теслу к свободной скамейке, все еще поддерживая его под руку, словно немощного старика. Клевавшая крошки стая голубей разливалась у их ног живой лужей. Едва люди уселись, птицы ринулись к ним в надежде на угощение.

Никола похлопал Джорджа по руке и жестом попросил уйти. Шерф послушно двинулся прочь. Несмотря на снедавшую его тревогу, молодой человек послушно оставил друга наедине с отчаянием и вопросами без ответов.

Никола сидел на скамейке, вглядываясь в просветы между стволами деревьев и словно кого-то поджидая. День стал клониться к вечеру, а он все сидел.

Отгорел закат, и в сквере зажглись фонари. Модифицированные копии дуговых ламп, изобретенных им когда-то для Равея. Прохожие пересекали пятна света, не подозревая о том, что человек, который зажег его, одиноко сидит теперь на скамейке. Тесла не двигался с места: он все еще ждал.

Ночь застала Николу все на той же скамейке, только теперь плечи его опустились, а голова упала на грудь.

На рассвете Тесла пробудился, обнаружив, что проспал несколько часов. Он встал, разминая затекшие конечности.

Обходя библиотеку, Никола столкнулся с парнишкой, разносившим свежие газеты, и купил одну. Ее даже не пришлось ее разворачивать; броский заголовок внизу первой страницы гласил: «ФИНАНСОВЫЙ МАГНАТ Дж. П. МОРГАН ПРЕКРАЩАЕТ ПОДДЕРЖИВАТЬ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ НИКОЛУ ТЕСЛУ». Мотивы Моргана разъяснялись в одной хлесткой фразе: «Источник гениальных изобретений иссяк».

Теперь об этом узнают все. Пылая от стыда и злости, Никола швырнул газету в мусорный бак и приказал телу-автомату

возвращаться в отель, а сам уселся в кресло-качалку и попытался сосредоточиться на мыслях о Карине.

Просто ждать было невыносимо, и Тесла собрал все оставшиеся силы, отправляя в пространство безмолвный зов, который она — он знал — должна была услышать. Где бы ни была теперь Карина, она не могла не откликнуться на его мольбу. Она должна была прийти. Не могла не прийти.

Время шло… Шло… Шло…

Внезапно грудь Николы сдавил ледяной ужас: а вдруг отец был прав и Карина — все-таки демон, злобный демон из преисподней, которого он впустил в мир людей? По крайней мере, его жизнь она сломала.

Карина оставила его, реальный мир отказал ему в поддержке, а значит, обездоленные во всем мире потеряли надежду на избавление, которое могла бы принести наука. Конечно, пробудить сострадание в душах лордов-разбойников было пустой мечтой, но почему и та, что зародила и взлелеяла в нем эту мечту, отказалась от него и оставила один на один с мучительными вопросами, на которые не найти ответов?

Не делай этого! Беззвучная мольба, словно молчаливый свет маяка. Кем бы ты ни была в моей жизни, не бросай меня вот так. Если ты не хочешь мне помочь, хотя бы скажи, почему все так, а не иначе.

Тело-автомат брело по городу чужих людей в поисках дома. Карины нигде не было.

С каждым шагом горечь и обида закипали в крови Николы безотчетной яростью. Скрывать от самого себя правду больше не имело смысла: она была чудовищем, ночным кошмаром. Его муза, его Карина и вправду была порождением ада, которого так страшился отец, а путеводный свет ее маяка привел его в бездну. Обманутый ею, он вообразил, будто может в одиночку взвалить на плечи совокупный груз человечества, и в результате сделался всемирным посмешищем. Проиграл битву не только за общее счастье, но и за собственную жизнь.

Утро было ясным и свежим, но Никола не ведал благодати нового дня. Он уже вдохнул запах смерти. Когда изобретатель добрел до двери своего номера, его дрожащая рука едва смогла повернуть в замке ключ.

Человек из Вашингтона услышал, как в замке поворачивается ключ, и понял, что не успеет запихнуть бумаги обратно в сейф. С этим сейфом он провозился всю ночь и все время был начеку, опасаясь, что Тесла вернется с минуты на минуту. Когда настало утро, шпион решил, что изобретатель устроил себе очередные сверхурочные в лаборатории, и разложил бумаги на полу, чтобы

как следует их изучить. Такая беспечность не могла остаться безнаказанной: прежде чем взломщик успел хоть куда-нибудь спрятаться, дверь распахнулась, и в комнату вошел Никола.

Босс и предатель встретились лицом к лицу. Оба застыли на месте. Прошло несколько секунд.

Человек из Вашингтона был в отличной форме, а во внутреннем кармане у него лежал револьвер, так что он решил предоставить право первого хода Николе. Лазутчик был готов к любому повороту событий, кроме того, что последовал в следующую минуту.

Никола будто не видел непрошеного гостя. Он не спросил, что тот делает у него в номере, не удивился при виде раскрытого сейфа. Вместо этого Тесла спокойно разделся, открыл шкаф и аккуратно повесил пальто на плечики.

Взломщик хранил молчание, ожидая неизбежного взрыва.

Никола уселся на край кровати, чтобы снять ботинки и носки, отложил их в сторону и очень спокойно, даже мягко произнес, не глядя на человека из Вашингтона:

— Итак. Вы здесь по собственной инициативе или вас кто-то послал?

— Этого я вам не скажу.

— Уже сказали. — По-прежнему не глядя на пришельца, Тесла развязал галстук и начал расстегивать пуговицы на рубашке.

У человека из Вашингтона вырвался хрипловатый смешок. К такому его определенно не готовили. Он решил подождать, пока Никола заговорит снова.

— Надеюсь, вы не испортили мой сейф.

— Нет, что вы! Он в целости и сохранности…

— Ну, слава богу. Полагаю, с моей стороны было в корне неверно считать вас своим подчиненным. Вы что-нибудь украли?

— Я пришел не красть, а только… осмотреться.

— Ага. Осмотреться. — Тесла лег на кровать, как был, в брюках и рубашке, и укрылся пледом. — Если вы уже успели осмотреться, сделайте одолжение — ступайте вон. Мне нужно выспаться.

С этими словами он слегка взбил подушку, опустил на нее голову и закрыл глаза.

Человек из Вашингтона не верил своим глазам. За время работы в конторе он привык к экстравагантным выходкам своего начальника, но такое видел впервые. Недоверчиво покачав головой, шпион попятился к выходу. Тесла напутствовал его, не трудясь открыть глаза:

— Скажите тому, кто вас послал, что в сейфе не было ничего,

кроме чертежей давно запатентованных устройств. Все остальное хранится в моей голове. — Он перевернулся на другой бок.

На губах лазутчика мелькнула полубезумная улыбка. Не дожидаясь продолжения, он распахнул дверь и выскочил в коридор. Он еще успел расслышать последнюю реплику Николы:

— Соблаговолите забрать свои вещи из моей лаборатории до того, как я туда приду.

Слабо вздохнув, шпион отпустил дверь, и она захлопнулась за его спиной.

Глава тридцать шестая Семь лет спустя Нью-Йорк

Маленькая лаборатория в доме сто шестьдесят пять на Северном Бродвее продержалась на плаву целых семь лет, в основном благодаря деловой хватке Джорджа Шерфа. Успехам Николы позавидовал бы любой изобретатель. Он сконструировал крошечный паровой генератор такой мощности, что его прозвали «электростанцией в шляпе», и разработал новую систему контроля для уже существовавших турбин, генераторов и трансформаторов.

Проданные Джорджу Вестингаузу технологии наводнили страну, но Тесла не получал за них ни цента. На словах Вестингауз по-прежнему восхищался изобретателем и горячо поддерживал все его начинания, однако даже вернув себе состояние, он ни разу не поделился со старым другом хотя бы малой частью по праву принадлежащих ему миллионных выплат.

Для любого другого изобретателя одержанная Теслой победа над обстоятельствами была бы величайшим триумфом, но в жизни самого Николы мало что изменилось. У его таланта по-прежнему находилось немало почитателей, хотя далеко не все открыто в том признавались. Подлинный смысл его работы способны были постичь лишь некоторые ученые и очень немногие предприниматели.

Тесла никому не говорил о сделке с Вестингаузом, и потому публика не подозревала о том, что он вновь живет в бедности, отдавая каждый лишний цент на нужды лаборатории. Те, кому случалось бывать в его конторе, дивились спартанской обстановке, гадая, где же великий изобретатель прячет свое баснословное состояние. Ходили слухи, что он тайком тратит его на то, чтобы облагодетельствовать человечество, а возможно, и на другие, куда менее благородные цели.

В интервью, о которых Теслу до сих пор изредка просили газеты и журналы, он продолжал рассказывать репортерам об удивительных изобретениях и фантастических приборах, в существование которых было невозможно поверить.

Среди циркулировавших по городу слухов один повторялся все чаще и навязчивей: мрачный гений разрабатывает новое смертоносное оружие. И грозится продать его неприятелю, если правительство Соединенных Штатов не пожелает раскошелиться.

Источник этих слухов остался неизвестным. Никто не знал, откуда они пошли или — что тоже было вполне вероятно — кто

их запустил.

Никола почти перестал соприкасаться с реальным миром, лишь высылая вместо себя автомат туда, где можно было высказаться, рассчитывая, что тебя услышат. Помощью денежных мешков не следовало пренебрегать. А настоящий Тесла дни напролет просиживал в маленьком кресле-качалке, гоня от себя мысли о Карине и тайком оплакивая ее предательство.

Многие женщины смотрели на Николу с обожанием, многие мужчины искали его дружбы, но всех ждал неизменно учтивый отказ. Тесла окончательно превратился в схимника, только вместо веры у него была работа.

Едва ли не единственным исключением был писатель Марк Твен. В последние годы жизни Сэмюэл Клеменс часто навещал Николу, чтобы до глубокой ночи вести с ним философские споры или наблюдать за демонстрацией новых приборов. Сильнее всего Клеменса впечатлил аппарат для магнитной терапии. К несчастью, вибрации медных катушек не только привели литератора в состояние эйфории, но и спровоцировали скоротечную диарею. Впрочем, Клеменс легко простил Николе такой конфуз. Тесла, в свою очередь, не уставал выказывать признательность и дружеское расположение человеку, который помог ему лучше понять новую родину. Клеменс любил говорить, что, не будь он вечно на мели, он сам взялся бы финансировать мировую систему электроснабжения.

Глава тридцать седьмая 1912 Нью-Йорк

Никола, или, вернее сказать, его затянутый в смокинг автомат встретил 1912 год на званом обеде во французском посольстве. Его костюм был безупречен, но на изрезанном морщинами лице можно было прочесть горькую повесть о бедах и разочарованиях.

Большинство гостей Тесла видел впервые в жизни, но по правую руку от него с лукавой улыбкой на устах сидел Сэмюэл Клеменс. Тот факт, что великий писатель умер два года назад, никоим образом не повлиял на их отношения.

Во время обеда Никола по преимуществу хранил молчание, лишь изредка обращаясь к Марку Твену с каким-нибудь остроумным замечанием. Прочие гости, полагая, что изобретатель говорит с ними, кивали и улыбались в ответ.

Голоса в зале сливались в неясный гул. Тесла не обращал на него никакого внимания, пока за его столиком не зашел разговор о предстоящем вручении Нобелевской премии. Нобелевский комитет только что объявил, что в этом году в число номинантов попали Никола Тесла и Томас Эдисон.

Какой-то благообразный седовласый джентльмен, имени которого Никола по обыкновению не запомнил, обращался к нему, нетерпеливо перегнувшись через стол:

— Сэр, неужели вы и вправду намерены отказаться от премии? — Он даже стукнул по столу кулаком. — Никто не сделает ничего подобного! Никто!

Никола улыбнулся, возвращаясь к реальности:

— Что ж, тогда я, наверное, буду первым. Понимаете, Эдисон и его приспешники хотели навредить мне, а на деле обокрали все человечество. Я не собираюсь принимать незаслуженные почести.

— Ваши оппоненты обокрали человечество?

— Так и есть. Это по их вине в мире до сих пор есть нищие.

Никто из собеседников не стал ввязываться в спор, но их взгляды были более чем красноречивы. Люди, готовые при случае вонзить ближнему в спину кинжал и пару минут назад увлеченно перемывавшие друг другу кости, молча сплотились перед лицом чужака.

Томас Эдисон в бешенстве метался по кабинету в Менло-парке, размахивая свежим номером «Нью-Йорк таймс». Первый помощник, то ли Харпер, то ли Хокинс, стоял навытяжку с телеграммой в руках и терпеливо ждал, когда уляжется буря. Босс

бушевал уже добрых три четверти часа.

— Их статья — полная чушь! Это не может быть правдой! Не! Может! Быть! Правдой! Или я должен поверить, что они — я имею в виду комитет — выдвинули нас с Теслой на Нобелевскую премию, а этот кретин хочет от нее отказаться?!

— Видите ли, сэр, в общем…

— Да говорите же!

— Так и есть, сэр. И боюсь, это еще не все. Кроме статьи, мы только что получили вот это.

Эдисон все еще кипел от гнева.

— Когда я был ребенком, мне внушали, что я слишком глуп и ничего не добьюсь! И вот чего я достиг, имея за плечами всего-навсего сельскую школу! Чтоб вас всех — премия моя!

— Ну, конечно, сэр, какие могут быть сомнения. Но дело в том… Тут…

— Да говорите наконец!

— Сэр, мы только что получили вот это. — Помощник показал Боссу телеграмму.

— Что это? Хокинс, верно? Дайте сюда, мистер Хокинс.

Первый помощник дрожащей рукой протянул изобретателю телеграмму. Эдисон пробежал ее глазами и удивленно вскинул брови:

— Час от часу не легче! Из-за отказа этого болвана комитет вообще все переиграл! Премию дадут какому-то англичанину по имени Генри Брэгг и его сыну!

— Отличный выбор, — пробормотал себе под нос Хокинс, уверенный, что Босс его не услышит.

Эдисон подошел к окну и устремил взгляд в чистое ночное небо. Глядя на равнодушные звезды, он прошептал, будто надеясь, что Хокинс его услышит:

— Во имя всего святого, что творится в голове у этого безумца?

* * *

Как-то осенним вечером Никола с Джорджем Шерфом отправились на прогулку в Центральный парк. Никола захватил кулек зерен, чтобы покормить в изобилии водившихся на аллеях голубей. Среди похожих как две капли воды сизых птиц выделялась единственная белоснежная голубка. Тесла решил предложить славной пичуге добавки. В знак благодарности голубка уселась ему на плечо. Тронутый Никола насыпал ей целую пригоршню зернышек.

— Я просмотрел сегодняшние газеты, — начал Шерф. — Среди выживших на «Титанике» Джона Астора нет.

Никола остановился как вкопанный, не находя слов.

— Большая потеря для всех нас. Астор такой участи не заслужил. Он так любил свою семью, бедным помогал… — Тесла вздохнул. — Вот кто и вправду мог изменить мир к лучшему!

— Не только он, сэр, — заметил преданный Джордж.

Никола печально улыбнулся.

— Нет, но только он верил в наше дело настолько, что был согласен его финансировать.

— Я никак не могу понять, что на уме у этих толстосумов, — со вздохом произнес Шерф. — За двенадцать лет, которые прошли со времен Колорадо, ваша лаборатория — очень маленькая, между прочим, — получила десятки патентов, а они шарахаются от нас, как от прокаженных.

— Кому нужны эти машинки? — презрительно поморщился Никола. — Кстати, Джордж, я не устаю восхищаться вашей преданностью. Вам, несомненно, не раз предлагали другую работу. И уж наверняка на более выгодных условиях.

Джордж в точности повторил пренебрежительную гримасу своего начальника.

— Не нужна мне другая работа. Я хочу работать с Чародеем, — заявил он и поспешил добавить, заметив, как Тесла вскинул брови: — Я знаю, так называют Эдисона, но для меня настоящий Чародей — вы!

Никола дружески похлопал Шерфа по плечу:

— Надеюсь, мы всегда будем друзьями, Джордж. Правда в том, что вы заслуживаете большего, чем я могу вам предложить.

— Вы просто расстроились из-за вчерашнего. Ничего, мы что-нибудь придумаем, чтобы разобраться с долгами. Только не закрывайте лабораторию, мистер Тесла, не бросайте работу…

— Бросить работу?! — перебил Никола. — Вот еще. И не подумаю. Лабораторию я сохраню. Но больше никаких моделей. И даже никаких чертежей. Понимаете? Только так можно защитить новые изобретения от любителей поживиться за чужой счет. Никаких чертежей и записей, пока работа не закончена.

В голосе Теслы звучала надежда. Шерф давно не видел его таким.

— Возможно, через пару недель мы сможем встать на ноги и заняться чем-то действительно стоящим. Может статься, мы все-таки доживем до мировой системы электроснабжения.

Онемевший от изумления Джордж бросился обнимать Николу, в ответ тот снова похлопал его по плечу. Разговор иссяк. Друзья молча побрели по аллее.

Глава тридцать восьмая Зима 1915 Бауэри Нью-Йорк

Зимой тысяча девятьсот пятнадцатого года отель «Уолдорф-Астория» выставил Тесле счет на девятнадцать тысяч долларов. Чтобы расплатиться, пришлось отдать владельцам отеля участок земли в Уорденклиффе. Те тут же снесли башню, чтобы участок было легче продать. Счет был погашен, но отель отказался продлить Тесле кредит. Изобретателю пришлось покинуть апартаменты, в которых он жил с тех пор, как вернулся из Колорадо.

Никола переехал в захудалый отель в Нижнем Ист-Сайде. Тусклым серым днем, когда мостовые превратились в грязную снежную кашу, он перевез свои немногочисленные пожитки на новое место.

Истсайдская гостиница служила пристанищем пьяницам, изгоям и бедолагам, вроде знаменитого некогда изобретателя, чьи творения исправно служили всему миру.

Вечером Никола остался в тесном, бедно обставленном номере в окружении нераспакованных вещей. В одной рубашке, распахнув окно и не обращая внимания на холод, он с увлечением рисовал на большом листе бумаги летящих птиц.

В дверь постучали. В комнату, не дождавшись ответа, вошла добродушная горничная с бумажным пакетиком. Никола на мгновение поднял глаза, улыбнулся и вновь взялся за карандаш. Горничная положила пакет на кровать.

— Вот, мистер Тесла, птичий корм, который вы просили, — объявила она и с невинным видом добавила: — Только у меня, вот беда, совсем нет мелочи…

— Ничего страшного. Вас не затруднит рассыпать корм на подоконнике?

— Как будет угодно. Если уж вы никуда не собираетесь, давайте я принесу вам еды. Сначала надо о себе позаботиться, а потом уж о птахах.

Служанка потянулась закрыть окно.

— Нет-нет, не закрывайте, пожалуйста!

— Вы что, решили замерзнуть?

Никола усмехнулся, на миг оторвавшись от рисунка:

— Риск — благородное дело.

Раздосадованная горничная со вздохом удалилась: она-то надеялась спасти постояльца от холода и получить на чай еще немного мелочи.

Тесла отложил набросок, подошел к окну, рассыпал на подоконнике немного зерен, потом вернулся за стол и вновь принялся рисовать. Увлеченный работой, он не поднимал головы до тех пор, пока за окном не послышалось хлопанье крыльев. На подоконник опустилась белая голубка.

— Надо же! Посетитель! И не какой-нибудь там обыкновенный голубь, а прекрасная белая голубка…

Сначала Никола с удивлением рассматривал гостью издали, потом решился подойти поближе. Внезапно его лицо озарилось радостью.

— Да ведь это та самая! Из парка! Кто бы мог подумать! Весьма польщен, милая леди. Добро пожаловать!

Голубка сосредоточенно клевала зернышки, не удостаивая человека вниманием. Никола решил, что она может оказаться неплохой собеседницей, уж точно не хуже других. Он отложил в сторону блокнот с набросками и раскрыл тетрадь.

— Ваш визит для меня — огромная честь. Если позволите, я хотел бы прочесть вам несколько отрывков из будущей статьи. Денег, которые я за нее выручу, хватит, чтобы целый месяц угощать вас отменным кормом! — И Тесла начал читать вслух:

— «Вопрос усиления и распространения энергии человека прямо связан с продовольственной проблемой». — Никола прервался, чтобы обратиться к гостье: — Знаешь, птичка, если бы мне только удалось отыскать нужную частоту, многофазные катушки можно было бы разместить прямо на полях. Они могли бы разрушать молекулы воздуха, высвобождая чистый азот. Все во имя урожая! Растения любят азот почти так же, как ты любишь свои зернышки! Так и знай! Люди смогут собирать во много раз больше урожая без всяких дополнительных усилий!

Никола вдруг осознал, что в комнате творится нечто странное. Он внимательно посмотрел на голубку, подошел к ней ближе, всмотрелся еще тщательнее…

— Что?! — выдохнул Тесла. — Что ты говоришь?!

Птица глядела на человека, склонив голову набок; в ее глазах полыхнула ослепительная вспышка. Николу поглотило нестерпимо яркое сияние. Он едва успел вскрикнуть от изумления. Через мгновение свет погас, с ним пропала и птица, зато посреди комнаты образовался фонтан серебристых искр. Вокруг него распускались полупрозрачные растения. Они расцветали прямо на глазах и стремительно росли.

Никола содрогнулся, пораженный внезапной догадкой.

— Частота для добычи азота из воздуха? Да? Ну конечно!

У Теслы подогнулись колени, и он рухнул на пол.

— Ты! — прошептал он. — Почему ты пришла в этом

обличье?

Она улыбнулась и ответила едва слышно:

— Твой гнев не пускал меня к тебе.

— Довольно! Это ты меня бросила! Я все время тебя звал! Искал повсюду! Если это одна из твоих жестоких шуток…

Она мягко, но властно коснулась его щеки. Фонтан искр вырос до самого потолка, прозрачные цветы заполняли всю комнату. Стоя на коленях, Никола протянул к нежданной гостье дрожащие руки.

Глава тридцать девятая Много лет спустя Манхэттен

Постаревший Томас Эдисон сидел на крыльце в кресле-качалке. В одной руке у него был медный слуховой рожок, в другой — большой стакан чая со льдом. К Боссу подбежал типичный представитель нового поколения подпевал, то ли Тилтон, то ли Милтон. Молодой человек размахивал газетой.

— Мистер Эдисон! — во все горло завопил гонец, принесший радостную весть. — Напечатали новое интервью Теслы! Он сказал…

— Что? — Эдисон приложил к уху рожок.

Начинающий подпевала наклонился к хозяину и крикнул прямо в раструб рожка:

— Никола Тесла, сэр! Если этот человек задался целью разрушить свою репутацию, на этот раз ему это удастся. Вот, послушайте: «Война полов завершится окончательной победой женщин. Вырвавшись из домашней тюрьмы, они уже не вернутся в нее по доброй воле. Человеческому обществу придется создать специальные структуры для заботы о детях, наподобие тех, что есть у пчел».

— У кого?

— У пчел, сэр. Ну все, теперь Тесла сам подписал себе приговор! В лаборатории говорят…

Эдисон поднял руку, призывая помощника к молчанию, и отнял от уха рожок, чтобы у мальчишки не осталось никаких сомнений насчет желаний Босса.

— Мне по душе ваше рвение, молодой человек. Но дело в том, что я давно уже не воюю с Теслой. Я уже обеспечил своим детям безбедную жизнь, а себе самому — место в истории. Никола Тесла, в свою очередь, получит то, что заслужил.

Он протянул разочарованному приспешнику стакан и уставился в одному ему видимую точку на линии горизонта.

* * *

Зимой 1933 года Николу Теслу подстерегли старость и нужда. Лишившись за неуплату номера в отеле «Пенсильвания», он снова брел по улице в поношенном пальто и нес все свои пожитки в двух потертых чемоданах.

Погруженный в невеселые раздумья, Тесла не сразу заметил

управляющего гостиницей. Толстяк бежал за ним, едва поспевая за человеком много его старше. В конце концов, отчаявшись догнать бывшего постояльца, он заорал на всю улицу:

— Мсье Тесла! Стойте! Подождите!

Тесла повернулся к запыхавшемуся управляющему.

— Сэр! — начал тот с подобострастной улыбкой. — Как только вы ушли, мы получили письмо от душеприказчиков покойного Джона Джейкоба Астора! Все это время они пытались вас разыскать, — а это оказалось весьма непросто, — чтобы выполнить касающуюся вас часть завещания. Этой суммы сполна хватит, чтобы оплатить проживание в нашем отеле на год вперед. Позвольте я возьму ваши вещи!

Управляющий услужливо подхватил чемоданы. Обескураженный и счастливый Никола поплелся за ним.

— Мы рады предложить вам обеды в кредит на пятьсот долларов, мсье! — разглагольствовал управляющий на ходу. — Я понятия не имел, что у вас такие влиятельные друзья! Отчего же вы сами к ним не обратились? Они ведь только сейчас узнали о вашем положении.

— Я… право, не знаю, что сказать, — выдавил Никола. Немного подумав, он решил раз и навсегда прояснить главный вопрос: — Как вы полагаете, оставленных мне денег может хватить на новую лабораторию?

Управляющий оскорбленно хмыкнул.

— Разумеется нет, мсье. А зачем вам? Вы всегда можете воспользоваться нашей ванной комнатой.

Никола ничего не ответил. Управляющий продолжал:

— Нам, право, ужасно неловко, но в том, что касается счетов, приходится проявлять твердость. Что поделать, мсье, нам опять подняли плату за электричество. Впрочем, теперь это неважно. Все недоразумения улажены! Кстати, я что-то запамятовал. Так чем мсье зарабатывал себе на жизнь?

* * *

Вскоре Никола перебрался подальше от центра, в двухкомнатные апартаменты отеля «Нью-Йоркер». Он все еще жил там в 1937 году, когда дал интервью знаменитому журналисту Джону О'Нилу для «Кольерс мэгэзин». О'Нил, знавший изобретателя много лет, был прекрасно осведомлен об истинном масштабе его личности. Однако он слишком хорошо знал Теслу, чтобы удивляться его бедности.

О'Нил задумал эту статью, чтобы отдать должное человеку,

заслужившему много больше, чем тесный номер в безвестном отеле и воображаемая лаборатория. Журналист собирался задать престарелому гению всего один вопрос: что служило ему источником вдохновения все эти годы? Чтобы ответить на него, Тесла волей-неволей пустится в воспоминания, а репортеру останется только записывать.

Тесла говорил уже полчаса, а О'Нил судорожно пытался уследить за причудливыми поворотами его мысли.

— Таким образом, магнитное поле соединяет видимый и невидимый мир, приводя в движение металл точно так же, как сознание соединяет тело и душу, заставляя двигаться нас!

— Мистер Тесла! — взмолился не успевающий записывать О'Нил. — Мы ведь не научный журнал. Столь сложные концепции нашим читателям не по зубам. Для них даже ваша мировая система электроснабжения — темный лес.

— А им и не нужно ничего понимать. Они смогут пользоваться плодами этой системы, если она когда-нибудь заработает.

— Ну конечно нужно, мистер Тесла! Ведь речь идет о моих читателях!

— Сколько человек, из тех, что водят автомобиль, разбираются в его устройстве? — Тесла сделал паузу, предоставив право реплики О'Нилу, но тот не нашелся с ответом. — При должном контроле и настройке магнитные поля позволят передавать человеческие мысли в любую точку пространства! Заметьте, не тексты, а мысли!

О'Нил предостерегающе вскинул руку, потер веки и произнес:

— Мистер Тесла… — Прежде чем продолжить, он вдохнул в легкие побольше воздуха. — Я правильно понимаю, что вы говорите о чтении мыслей?

— Ну да! Разумеется!

— Хм… При помощи специальных машин?

Никола рассмеялся:

— Специальных машин.

Несколько мгновений он глядел в пространство, словно рассчитывал увидеть одну из таких машин, потом засмеялся снова. Невидимая для непосвященных картина, представшая взору изобретателя, по всей видимости, ему понравилась.

Резко оборвав смех, Тесла бросил на журналиста виноватый взгляд, на секунду напряг мышцы и прочистил горло. Теперь он мог продолжать беседу.

— Это будет что-то вроде телефона. Без него наших мыслей никто не прочтет, не бойтесь.

— Вы нисколько не сомневаетесь, что такой прибор появится?

И последствия вас не страшат?

Никола улыбнулся.

— Прежде мне всегда удавалось создать действующую модель изобретенного прибора. Если только хватало средств. — Он наклонился к собеседнику и повторил: — Всегда.

— Но если подобное изобретение попадет в недобрые руки…

— Точно! В недобрые руки! Именно! Вот почему я не могу обратиться к правительству! Но при должной поддержке, — он понизил голос, — создать такой прибор можно за месяц. От начала и до конца.

— Мистер Тесла. Прошу вас. Ради всего святого. — О'Нил со вздохом бросил карандаш на стол и снова потер веки. — Я не стану это печатать.

— Но почему?

— Потому что это звучит… Я знаю, что значат ваши изобретения для всей страны. Я знаю, как несправедливо с вами обошлись. Боюсь, жестокость толпы ранила вас сильнее, чем кажется вам самому. — Теперь журналист придвинулся к изобретателю и понизил голос: — Скажите честно, в вашей жизни остался хоть какой-нибудь источник радости?

— Конечно! Моя муза! В последний раз она явилась мне в образе белой голубки.

И следующие полчаса Никола во всех подробностях излагал собеседнику историю своих отношений с Кариной.

— Как видите, мистер О'Нил, — завершил он свой рассказ, — она всегда была моей самой главной тайной.

О'Нил покачал головой.

— И останется тайной, мистер Тесла. — Он закрыл блокнот. — При всем уважении, сэр, я не смогу напечатать ни слова из того, что вы мне сегодня рассказали.

— Но, мистер О'Нил, человечество нуждается в том…

— Ради бога, мистер Тесла! — всплеснул руками журналист. — Интервью окончено.

Никола уставился на него в недоумении. О'Нил протянул изобретателю руку.

— Всего доброго.

Потрясенный Тесла медленно встал, кивнул журналисту вместо рукопожатия и направился к выходу.

На обратном пути Тесла вновь и вновь возвращался мыслями к неудачному интервью, обдумывая, как можно было пригладить собственные слова, чтобы придать им благопристойный вид. Погруженный в размышления, он не заметил, как перешел дорогу пузатому нью-йоркскому такси.

Теслу будто ударило гигантским молотом. Он рухнул

навзничь на уличную брусчатку. Попытался сесть, но безуспешно. К нему уже спешил водитель.

— Эй! Эй, папаша! Вы живы? С вами все в порядке?

Тесла наконец сумел сесть и даже слабо улыбнулся.

— Что же вы! Надо смотреть, куда идете. У вас что-нибудь болит или как?

Тесла еле говорил. Водителю пришлось напрячь слух, чтобы разобрать его слова сквозь уличный шум.

— Как мне попасть в парк, чтобы покормить голубей?

— Чтобы сделать что? Слушайте, я могу что-нибудь для вас сделать?

— Пожалуйста, — прошептал Никола, — отвезите в парк корм для голубей…

— В парк? Причем здесь парк?

— Если там увидите белую голубку…

— Ага! Белую голубку! В парке! — фыркнул таксист и загремел на всю улицу: — Вы слышали?! Он хочет, чтобы я покормил голубей!

Тесла позволил таксисту поставить себя на ноги. Он поднимался медленно и осторожно, пока не смог выпрямиться во весь рост.

— Спасибо. Вы правы, я должен сделать это сам. Не беспокойтесь. Со мной все в порядке, — пробормотал он уже на ходу.

— Все в порядке, никаких проблем! — сообщил таксист начинавшим расходиться зевакам. — Он сам их покормит.

* * *

После той истории здоровье Теслы заметно пошатнулось. Примерно в то же время немногочисленная группа его преданных почитателей потребовала у нового правительства выделить персональную пенсию одному из самых выдающихся сынов югославского народа. Поддержка родной страны пришлась как никогда кстати, ибо на новой родине желающих помочь престарелому изобретателю не нашлось. Безумные идеи, которые Тесла высказывал в последние годы, отвратили от него и ученых мужей, и правительство, и финансовых воротил.

Весьма скромного ежемесячного содержания хватало на двухкомнатные апартаменты в не самом респектабельном районе Нью-Йорка да на молоко с галетами. Из доступных старику удовольствий оставались статьи, чертежи и рисунки да кормление голубей. Если Никола был слишком слаб, чтобы идти

в парк, он рассыпал зерна на подоконнике, а когда птицы слетались на угощение, беседовал с ними, как с добрыми друзьями. Он даже придумывал им имена.

Время от времени Теслу приглашали то на банкет по случаю вручения каких-нибудь наград, то на званый обед в посольство, а то на вечеринку к какому-нибудь толстосуму, желавшему прослыть покровителем науки. На такие мероприятия Никола по обыкновению отправлял автомата, а сам пережидал в кресле-качалке перед окнами-глазницами.

Час заката продлился шесть лет.

Глава сороковая 7 января 1943 года Нью-Йорк

Соединенные Штаты вот уже два года участвовали во всемирной бойне, названной Второй мировой войной. А «война, которая должна положить конец всем войнам», отныне звалась куда более зловеще — Первой мировой.

Тесла предложил военным технологию, позволявшую уничтожать корабли и самолеты противника при помощи пучков направленной электроэнергии. Предложение отвергли без всяких объяснений, а тот, кто его сделал, вновь привлек к себе напряженный интерес спецслужб. Во времена, когда в каждом виделся шпион и предатель, у человека, способного сотворить такое, не было ни единого шанса остаться в тени.

* * *

Морозным вечером 1943 года сын Джорджа Шерфа Джордж-младший шел по темной улице от станции метро к отелю «Нью-Йоркер». Резкие порывы ледяного ветра делали позднюю прогулку довольно неприятной, но у Шерфа были веские причины выйти из дома в такую погоду. Не ответить на зов старого изобретателя, пусть и обращенный к его отцу, он не мог. Старик не знал, как тяжко болен его верный помощник. Шерф-старший был не в силах помочь другу, но отправил вместо себя сына.

Сгибаясь под ударами ветра, Джордж с досадой чувствовал, как возвращаются его детские обиды. Было чертовски жаль тратить и без того короткий отпуск на визит к человеку, чье существование отравляло ему юношеские годы.

Джордж-младший любил бывать у отца в лаборатории и в полной мере разделял его восхищение гением Теслы, но сам не имел к науке ни вкуса, ни способностей. «Любопытный Джордж», — дразнил его Тесла, видя, с каким восторгом мальчуган рассматривает все, что есть в лаборатории, и как неуклюже он обращается с любым прибором. Всякий раз, приходя к отцу на работу, юный Шерф рисковал сломать какой-нибудь чрезвычайно ценный аппарат или получить удар током.

«Любопытный Джордж». Первое время это звучало как собачья кличка. Потом он решил, что вполне заслужил такое определение. Хорошо, что о нем не слышали его товарищи-моряки, а не то носить бы ему это проклятое прозвище до конца

своих дней. Борясь с жестоким зимним ветром, Джордж думал о том, как здорово было бы бросить все и вернуться домой.

Однако он сам прочел отцу записку от Николы Теслы, прочел при свете лампы, которую этот самый Тесла изобрел, и отец велел ему идти. Делать было нечего: Джордж послушно отправился на поиски гостиницы «Нью-Йоркер».

Шерф постучал в дверь двухместных апартаментов под номером 327/328. В ответ прозвучало едва слышное «войдите». Дверь была не заперта. Старый чародей сидел у окна, широко распахнутого, несмотря на холод. Он выглядел разбитым и дряхлым. И отрешенным.

Заметив гостя, Тесла встревожился, но удивление в его глазах тут же сменилось радостью. — Любопытный Джордж, — проговорил старик.

Его голос был полон тепла. Шерф почувствовал, что ненавистное когда-то прозвище нисколько его не задело.

— Добрый вечер, сэр. Я очень рад видеть вас снова. Мой отец сожалеет, что не смог прийти. Он собирается навестить вас через пару дней, когда поправится. Я потому и получил увольнительную на берег, из-за его болезни. А он послал меня к вам.

— Твой отец славный человек. Жаль, что он не смог прийти.

— Спасибо. Он не хотел заставлять вас ждать.

— Я бы ни за что вас не побеспокоил, но дело не терпит отлагательств.

— Нисколько не сомневаюсь, сэр, — кивнул Шерф.

Старый ученый глядел в ночь. В руках у него была видавшая виды кожаная папка. Постояв у окна еще немного, он со вздохом разочарования опустился на край кровати и лишь тогда вспомнил о госте.

Откашлявшись, Тесла протянул Джорджу Шерфу пухлую папку, слишком тяжелую для старческих рук.

— Мистер Шерф, тут собрано все, что касается мировой системы электроснабжения. Мои оппоненты в нее не верят, они почему-то считают, что я собираюсь пустить электричество под землей. Ток сквозь комья грязи! Или по небу, наподобие молний. Ха! — Тесла криво усмехнулся. — На самом деле мой метод заключается в создании энергетической волны между землей и стратосферой. Силовое поле, покрывающее всю планету от полюса до полюса, от верхних слоев атмосферы до самой земной оси! Вот как можно распространить электричество всюду и раздать всем!

Папка была набита большими листами бумаги, сверху донизу покрытыми подробными чертежами и исписанными бисерным

почерком. Джордж разинул от изумления рот.

— Я слышал об этой системе от отца, но думал, что она — всего лишь фантазия, игра ума.

— Ничего подобного, — ответил Никола. — Все дело в политике. Война с нацистами напомнила нам всем, что такое на самом деле человек. И чем он может стать, окажись в его распоряжении такая сила. Я делал все, что от меня зависело, чтобы мое открытие не попало в недобрые руки. — Он покачал головой. — Я разделил проект нового оружия на основе направленных пучков электричества на несколько частей и по частям предложил правительствам Штатов, Канады и России. Такую силу нельзя отдавать одному государству. Чтобы получить это оружие, им волей-неволей пришлось бы объединиться… — Тесла улыбнулся. — Разумеется, у каждой из этих стран есть превосходные шпионы. Но я не знал, что еще сделать. Я могу довериться только вам. О содержимом моей папки никто не должен знать до тех пор, пока человечество не дорастет до мировой системы электроснабжения, пока не будет надежной гарантии, что какое-нибудь государство или корпорация не приберет ее к рукам. Это очень хорошо, мистер Шерф, что отец прислал вас, хорошо, что вы так молоды.

Теслу скрутил приступ кашля, но он справился с собой и продолжал:

— Храните эту папку от посторонних глаз, пока не найдете способ убедиться, что мир готов принять новую систему. Пока не придет время.

Джордж не находил слов. Отправляясь в увольнительную проведать больного отца, он и не помышлял ни о чем таком.

Приближалась ночь, Шерфу пора было возвращаться на борт, а конца-края этой истории не предвиделось.

И все же Джордж-младший успел познать жизнь достаточно хорошо, чтобы понимать: страхи пожилого изобретателя отнюдь не беспочвенны. Глядя старику прямо в глаза, он торжественно провел ладонью по морщинистой руке.

— Я вас не подведу, мистер Тесла! — Он присел на край кровати подле старика, накрыл своей рукой его сухую старческую руку и прошептал: — Так спрячу, что ни одна живая душа не найдет!

Старик вздохнул с облегчением.

— Хорошо, — проговорил он, похлопав молодого человека по руке. — Я знал, что тебе можно доверять. В детстве мой Любопытный Джордж был грозой приборов, а теперь он станет спасителем мира. Что касается прочих бумаг, пусть их берет кто хочет.

За окном послышалось негромкое воркование, и на подоконник опустилась белая птица. Тесла вскрикнул от радости.

— Это ты? — хрипло спросил Тесла. — Ты вернулась?

— С кем вы говорите, сэр? — спросил пораженный Джордж.

Но Никола позабыл о госте, он смотрел только на птицу.

— Что? Я не понимаю. Что? Повтори!

На лице старика отразилось глубокое изумление. Вздохнув полной грудью, он устремил взгляд в пространство. Вскоре на губах его заиграла умиротворенная улыбка.

— Джордж, она так…

Не успев договорить, Тесла рухнул навзничь. Душа покинула изможденное старое тело. Всего миг назад Тесла был здесь, смотрел на Джорджа и говорил с ним — и вот его не стало.

Джордж бросил взгляд на подоконник. Голубка улетела. Молодой человек застыл среди комнаты, потрясенный, сбитый с толку и глубоко опечаленный. Никола Тесла только что был жив и собирался поведать ему свою самую главную тайну. Но Джордж-младший успел побывать на войне и знал, как отличить живого от мертвого.

Шерф вспомнил о папке и инстинктивно ухватил ее покрепче. С его губ непроизвольно сорвался тяжелый вздох и превратился в облачко пара на студеном воздухе. Молодой человек бережно подвинул Николу на середину кровати, сложил его руки на груди и закрыл невидящие глаза.

Прежде чем выйти из комнаты и позвать работников отеля, чтобы сообщить о внезапной кончине постояльца, Джордж-младший надежно спрятал папку под плащом.

Услышав дурные вести, дежурный администратор без промедления связался с коронером. Он понятия не имел, что телефон прослушивают. О смерти старика из номера 327/328 тотчас же стало известно государственным службам.

Меньше чем через полчаса к отелю подъехала черная служебная машина. Четыре федеральных агента быстрым шагом прошли через вестибюль и поднялись в номер усопшего. Там они принялись складывать бумаги в коробки и уносить в машину. Агенты действовали так ловко и слаженно, что к прибытию коронера в комнате не осталось почти никаких записей.

Через полквартала от гостиницы, в выложенной кирпичом арке, стучал зубами от холода Джордж Шерф-младший. Он прятался за стеной, прижимая к груди заветную папку, пока носилки с телом не погрузили в коронерский фургон.

Фургон тронулся с места и покатил вниз по улице. Джордж-младший, надвинув шляпу на глаза, покинул укрытие. Пока автомобиль не завернул за угол, на его лице играли красные

блики фар.

На Шерфа навалилось чувство всеобъемлющего одиночества, тяжелое, как папка у него под пальто. Теперь он и сам не понимал, как согласился хранить такое сокровище. Сильные мира сего убьют его хоть сто раз, только бы опасная для их власти тайна не стала общим достоянием.

Взяв в руки папку, он вступил в игру, и правила ясны. Надо как следует спрятать бумаги Теслы и потихоньку вернуться на корабль. Как можно скорее.

Словно в ответ на эти мысли, кто-то окликнул его с другой стороны улицы:

— Эй, приятель! Можно тебя на минутку?

У припаркованного на противоположной стороне большого черного автомобиля маячил правительственный агент, по всей видимости, поджидавший именно Шерфа. Оставалось только гадать, заметили его сейчас, когда он вышел из темноты, или вели от самой гостиницы. Неплохо бы это выяснить, чтобы более убедительно врать.

Агент поднял значок и махнул рукой.

— Подойди-ка. Ну и что мы здесь делаем? Я заметил, ты интересовался отелем. Кстати, что это у тебя под пальто? Поглядим? — поинтересовался агент с лисьей ухмылкой.

У Джорджа упало сердце. Агенту было известно слишком много. Издевательские нотки выдавали в нем мелкого властолюбца, находку для берегового патруля.

Джордж улыбнулся агенту и пошел в его сторону, будто собирался подчиниться. Он двигался неторопливо, держался спокойно и всем своим видом говорил: «Да, офицер, конечно, офицер, никаких проблем, офицер…»

Про себя он считал: «Раз: внимание… Два: приготовиться… Три: пошли…» На счет три Джордж бросился бежать, инстинктивно выбрав такое направление, чтобы скорее завернуть за угол. Первый окрик «Стой!» догнал его раньше, чем он достиг узкого проулка.

Джордж был в отличной форме и без труда мог убежать от любого преследователя, но теперь ему пришлось выжать из себя все, на что был способен. Агент не собирался отпускать подозреваемого. Оставалось лишь надеяться, что тот не станет открывать огонь на поражение.

Добежав до темного фабричного здания, Шерф решился обернуться. Преследователя нигде не было. Все равно из этого места надо было убираться, и поскорее. Джордж несся по улице не чуя ног.

За спиной взвыла сирена. Потом вторая… Третья…

Четвертая… Всего шесть. Джорджу стало страшно. Шесть машин?! Если в каждой сидит два копа, значит, по его следу пустили дюжину легавых, и все это буквально за минуту. Неужели он такая важная птица?! События развивались слишком быстро, чтобы успеть их обдумать и хоть что-нибудь понять, однако можно было не сомневаться: если власти подняли такой шум, папка старого изобретателя действительно бесценна. И кое у кого есть на нее виды.

Сирены завывали, словно почуявшие добычу гончие. Жуткий звук все нарастал и приближался и вдруг — словно по команде — разом стих. Характерные позывные патрульных машин растворились в городском шуме.

Джордж не собирался менять свои планы только оттого, что преследователей больше не было слышно. Ищейки не сбились со следа и могли настигнуть его в любую минуту. От него требовалось не сбавлять темпа и смотреть по сторонам: вдруг в сети отыщется дыра, через которую можно будет улизнуть?

Миновав несколько кварталов, Шерф оказался на широком бульваре. Застигнутый врасплох, Джордж резко остановился: бегущий человек привлек бы к себе слишком много внимания. На ярко освещенной улице он был словно на сцене.

Вдоль бульвара были установлены усовершенствованные дуговые лампы Теслы, питавшиеся переменным током от построенной Теслой электростанции на Ниагарском водопаде.

Джорджа внезапно осенила чудовищная догадка. Кроме новейшей системы уличного освещения в распоряжении его преследователей еще одно изобретение Теслы: радио в патрульных машинах. Человека, призванного спасти главное творение великого изобретателя, помогут изловить вещи, созданные им самим.

Шерф заставил себя пройти бульвар непринужденным прогулочным шагом, чтобы снова рвануть бегом, достигнув очередного темного проулка. Снова оказавшись во мраке, он побежал, с каждой секундой наращивая темп. Джордж бежал так быстро, как только позволяла темнота, ловко сохраняя равновесие и обходя препятствия. Сирены молчали, но визг шин становился все ближе. Этот звук придал Джорджу решимости. Прижимая к груди драгоценную папку, он растворился в осязаемой тьме реального мира.

notes

Примечания

1

Gramercy (амер.) — Боже мой! Ничего себе!